

АНТИНОМИИ

yearbook.uran.ru/
ifp.uran.ru/ezh/about/

2023

Том 23
Выпуск 1

Марат Городецкий

Онтологический смысл
цифровизации:
слияние материи и языка

**Григорий Илларионов,
Михаил Мосиенко**

«Войны памяти» и проблема
социально-эпистемологического
релятивизма

Дмитрий Давыдов

Когда правые левее левых.
Аномалии левых дискурсов
в эпоху расцвета
постматериализма

Вячеслав Скоробогачкий

Цифровая трансформация
государственного управления:
институциональные пределы
возможного

Олег Рой

Государственная политика в сфере
безопасности: выбор приоритетов

Роман Рувинский

Регулирование на основе
данных: от верховенства права
к публичным программам
лояльности

Семен Степанов

Вина в деликтном праве:
генезис основных подходов

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

АНТИНОМИИ

Том 23

Выпуск 1

Екатеринбург – 2023

Главный редактор

Виктор РУДЕНКО, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), академик РАН, д-р юрид. наук, проф.

Редакционная коллегия

Философия:

Хоакин Х. АЛАРКОН, проф. Университета г. Мурсии (Мурсия, Испания), д-р философии; **Владимир ДИЕВ**, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия), д-р филос. наук, проф.; **Юрий ЕРШОВ**, д-р филос. наук, проф. (Екатеринбург, Россия); **Владислав ЛЕКТОРСКИЙ**, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва, Россия, председатель), академик РАН, д-р филос. наук, проф.; **Михаил МАЛЫШЕВ**, проф. Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика); **Шон САЙЕРС**, почетный проф. философии Кентского университета (Кент, Великобритания); **Елена СТЕПАНОВА**, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Елена ТРУБИНА**, проф. Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия), д-р филос. наук; **Ань ЦИНЯНЬ**, проф. философии Народного университета Китая (Пекин, КНР).

Политическая наука:

Ольга МАЛИНОВА, проф. МГИМО-Университета, (Москва, Россия) д-р филос. наук, проф.; **Виктор МАРТЪЯНОВ**, директор Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. полит. наук, доц.; **Петр ПАНОВ**, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ольга ПОПОВА**, зав. кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Сергей ПОЦЕЛУЕВ**, проф. кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия), д-р полит. наук; **Томас РЕМИНГТОН**, проф. политологии Университета Эмори (Атланта, США), д-р политологии; **Камерон РОСС**, проф. политических наук Университета Данди (Данди, Великобритания), д-р философии; **Ольга РУСАКОВА**, зав. отделом философии Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р полит. наук, проф.; **Ричард САКВА**, проф. Кентского университета (Кент, Великобритания), д-р философии; **Саския САССЕН**, проф. социологии Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), д-р философии; **Кароль СИГМАН**, сотрудник Института политических и социальных исследований Национального центра научных исследований, д-р политологии (Париж, Франция).

Право:

Алексей АВТОНОМОВ, директор Центра сравнительного права НИУ – Высшая школа экономики (Москва, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Олег ЗАЗНАЕВ**, зав. кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Михаил КАЗАНЦЕВ**, зав. отделом права Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Сергей КОДАН**, проф. Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург, Россия), д-р юрид. наук; **Александр КОКОТОВ**, судья Конституционного суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия), д-р юрид. наук, проф.; **Павел КРАШЕНИННИКОВ**, председатель комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Россия), д. юрид. наук, проф.; **Валентина РУДЕНКО**, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), к. юрид. наук; **Армандо СЕРОЛО ДУРАН**, проф. Университета г. Сан-Пабло (Сан-Пабло, Испания) д-р права, д-р полит. наук; **Наталья ФИЛИППОВА**, зав. кафедрой государственного и муниципального права Сургутского государственного университета (Сургут, Россия), д-р юрид. наук.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (спец.: 5.1.1; 5.1.2; 5.5.1; 5.5.2; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.7). Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS).

Учредитель и издатель

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Журнал издается с 1999 года. В 1999–2018 годы выходил под названием «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук». С 2019 года журнал издается под названием «Антиномии». Подписной индекс 43669 через Подписное агентство «Урал-Пресс» (контакты ближайших офисов на сайте www.ural-press.ru).

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-75331 от 05 апреля 2019 г.

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 620108, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Интернет-сайт журнала: <http://yearbook.uran.ru>

Статьи распространяются на основе публичной лицензии Creative Commons

Российская Академия Наук

INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ANTINOMIES

Volume 23

Issue 1

Yekaterinburg 2023

Editor-in-Chief

Viktor RUDENKO – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Board

Philosophy

Joaquin H. ALARCON – University of Murcia (Murcia, Spain); **Vladimir DIYEV** – Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia); **Yuri ERSHOV** (Yekaterinburg, Russia); **Vladislav LEKTORSKY** – Institute of Philosophy, the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Mikhail MALYSHEV** – Autonomous University of Mexico (Toluca, Mexico); **Sean SAYERS** – University of Kent (Kent, Great Britain); **Elena STEPANOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Elena TRUBINA** – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); **An QINIAN** – Renmin University of China (Beijing, China).

Political Science

Olga MALINOVA – MGIMO University (Moscow, Russia); **Viktor MARTYANOV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Petr PANOVA** – Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Olga POPOVA** – Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); **Sergey POCELUEV** – Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); **Thomas REMINGTON** – Emory University (Atlanta, USA); **Cameron ROSS** – University of Dundee (Dundee, UK); **Olga RUSAKOVA** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Richard SAKWA** – University of Kent (Kent, UK); **Saskia SASSEN** – Columbia University (New York, USA); **Carole SIGMAN** – Institute for Humanities and Social Sciences, National Center for Scientific Research (Paris, France).

Law

Alexei AVTONOMOV – Center for Comparative Law, Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV** – Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail KAZANTSEV** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Sergey KODAN** – Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia); **Alexander KOKOTOV** – Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia); **Pavel KRASHENINNIKOV** – State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (Moscow, Russia); **Valentina RUDENKO** – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia); **Armando ZEROLO DURAN** – University of San Pablo (San Pablo, Spain); **Natalia FILIPOVA** – Surgut State University (Surgut, Russia).

Since 2011, the journal is included into the List of leading research journals for publication of scientific results of doctorate theses. It is indexed and referenced in RSCI, Ulrich's Periodicals Directory; Directory of Open Access Journals (DOAJ); International Impact Factor Services (IIFS); it is included to the RSCI database on the Web of Science platform.

Founder and Publisher:

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

The journal is published since 1999. In 1999–2018 it was published under the title "Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences". Since 2019, the journal is published under the title "Antinomies". Subscription index 43669 via Subscription agency «Ural-Press» (contacts of the nearest offices to be found on the website www.ural-press.ru).

Registered as the periodical journal by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications.

(The Certificate of Registration ПИ № ФЦ77-75331, April 05, 2019)

ISSN 2686-7206 (Print); ISSN 2686-925X (Online)

Contacts: S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.

Tel/fax: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

Web-site: <http://yearbook.uran.ru>

The articles are distributed under a Creative Commons public license

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Городецкий М.В.* Онтологический смысл цифровизации:
слияние материи и языка7
- Илларионов Г.А., Мосиенко М.К.* «Войны памяти»
и проблема социально-эпистемологического релятивизма30

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Давыдов Д.А.* Когда правые левее левых. Аномалии
левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма51
- Скоробогатский В.В.* Цифровая трансформация
государственного управления:
институциональные пределы возможного90
- Рой О.М.* Государственная политика в сфере безопасности:
выбор приоритетов107

ПРАВО

- Рувинский Р.З.* Регулирование на основе данных:
от верховенства права к публичным программам лояльности123
- Степанов С.К.* Вина в деликтном праве: генезис основных подходов148

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- M. Gorodezky.* The Ontological Meaning of Digitalization:
Merging of Matter and Language7
- G. Illarionov, M. Mosienko.* Memory Wars
and the Problem of Socio-Epistemological Relativism..... 30

POLITICAL SCIENCE

- D. Davydov.* When Rightists are to the Left of Leftists.
Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism ...51
- V. Skorobogatskiy.* Digital Transformation of Public Administration:
Institutional Limits of the Possible 90
- O. Roy.* National Security Policy: Priority-Setting..... 107

LAW

- R. Ruvinskiy.* Data-Driven Regulation:
From the Rule of Law to Public Loyalty Programs..... 123
- S. Stepanov.* Fault in Tort Law: The Genesis of the Main Approaches..... 148

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Городецкий М.В. Онтологический смысл цифровизации: слияние материи и языка // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 7-29. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_7

УДК 111

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_7

Онтологический смысл цифровизации: слияние материи и языка

Марат Викторович Городецкий

Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия
E-mail: monheim@list.ru

*Поступила в редакцию 23.08.2022, поступила после рецензирования 27.11.2022,
принята к публикации 19.12.2022*

В статье постулируется онтологический, помимо технического и политического, смысл цифровизации. Под цифровизацией понимается информатизация в предельной степени – распространение действия семантико-синтаксических операций на неограниченное число предметов и расширение информационно-языковой области в рамках сущего. Утверждается, что цифровизация – это результирующая генезис мира трансформация сущего как такового, суть которой в слиянии материальной и языковой областей сущего. Автор стоит на объективно-идеалистической позиции в понимании мира. Мир понимается как сущее – логически исчерпывающая объем существующего структура, состоящая из трех областей: материальной, языковой и сознательной. Логика слияния материальной и языковой областей видится в их объединении по отношению к сознанию. Областей становится вместо трех две – объединенная материально-языковая («материоязык», как называет

© Городецкий М.В., 2023

автор) против одной сознательной. Возникает онтологическое неравенство: если прежде в структуре сущего имел место баланс трех гармонично разграниченных областей, то в результате трансформации объединенная материально-языковая область становится безгранично довлеющей по отношению к сознательной. Сознание оказывается «перманентно сдавливаемым» и лишенным собственной области, однако принципиально нередуцируемым онтологическим звеном. Объединение материи и языка производится со стороны языковой области («экспансия языка»). Ключевая идея статьи в том, что язык, по присущей ему как семантической структуре интенции означивания и дизъюнктивного движения детализации определений, «пробивает» саму материю как фундаментальный в сущем уровень семантической однородности и поглощает материальную область. Это пробивание приводит к онтологической замене вещей, как описывает автор, и лишает сознание гармонизирующей границы, образуемой материальным слоем и дистанцирующей сознание от социально-языковой области. Описываемая онтологическая трансформация сущего оценивается как онтология абсолютного зла. Дополнительно к основному выводу затрагивается и подвергается критике проблематика трансгуманизма.

Ключевые слова: цифровизация, сущее, области сущего, язык, материя, сознание, онтология, однородность, значение, трансгуманизм

The Ontological Meaning of Digitalization: Merging of Matter and Language

Marat V. Gorodezky

Siberian University of Consumer Cooperation

Novosibirsk, Russia

E-mail: monheim@list.ru

Received 23.08.2022, revised 27.11.2022, accepted 19.12.2022

Abstract. The article postulates the ontological meaning of digitalization, in addition to the obvious technical and political ones. Digitalization is understood as informatization to the utmost extent, i.e. the extension of the action of semantic-syntactic operations to an unlimited number of objects and the expansion of the information and linguistic area (realm) within existence. It is argued that digitalization is the fundamental transformation of existence. The essence of this transformation is the merge of the material and linguistic realms of being. The author stands on an objective and idealistic position in understanding the world. The world is understood as being – a structure which logically exhausts the capacity of existence and consists of three realms: material, linguistic and conscious. The logic of merging the material and linguistic realms is seen in their unification in relation to consciousness. Instead of three, there are two realms – a united material-linguistic one (“materiolanguage”, as the author calls it) versus a conscious one. Ontological inequality emerges: while there used to be a balance of three harmoniously delimited realms in the previous structure of existence, then as a result of the transformation the united material-linguistic area becomes infinitely dominant in relation to the conscious one. Consciousness turns out to be “permanently squeezed” and devoid of its own area, but a fundamentally irreducible ontological link. The unification of matter and language is carried out from the side of the language realm (“expansion

of language”). The key idea of the article is that language, according to its inherent intention of signification and the disjunctive movement of detailing definitions, “breaks through” matter itself as a fundamental level of the semantic homogeneity and absorbs the material realm. This penetration leads to the ontological replacement of things, as the author describes it, and deprives consciousness of the harmonizing boundary formed by the material level which distances consciousness from the sociolinguistic realm. The described ontological transformation is regarded as an ontology of absolute evil. In addition to the main conclusion, the problems of transhumanism are touched upon and criticized.

Keywords: digitalization, existence, realms of being, language, matter, consciousness, ontology, homogeneity, meaning, transhumanism

For citation: Gorodezky M.V. The Ontological Meaning of Digitalization: Merging of Matter and Language, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 7-29. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_7

Введение

Цифровизация это не «цифры» и не программирование в сугубо техническом и прикладном смысле. Цифровизация – это прежде всего действие в области языка, то есть семантики и логики, а не техники. Это гораздо более глубокий уровень. Например, оператор колл-центра – не компьютер, но живой человек. Однако в его вопросах присутствует цифровизация. Суть в сведении каких-либо предметов и действий к набору определенных категорий и необходимости строго дизъюнктивного выбора между ними. Решение производится только тогда, когда на каждом уровне делается выбор одной категории вместо других. Если же проблема требует комбинации параметров, выхода на более общий, не заданный алгоритмом уровень, когда нужно объять проблему, *догадаться, понять*, применить интуицию в решении, то есть разум в его настоящем смысле, то с большой вероятностью последует ответ «к сожалению, мы ничем не можем вам помочь». Этот же принцип действует в тестовой системе современного образования, и все это происходит не в компьютерной программе, а в сознании людей.

Можно сказать, что цифровизация – это предельная информатизация: экспансия значений и действий выбора, подчинение всех предметов, ситуаций и действий некоему универсальному дефинитивному кодексу, некой единой системе значений, а в итоге – замена этой системой мира предметов, мира как такового. Именно семантические и синтаксические акты обозначения и определения (кодирования), в чем математические алгоритмы («цифры») являются лишь средством, суть цифровизации. Идея – замена предметов логическими формами, причем принципиально новыми. Некие логические действия и программы вместо предметов – вот суть.

Замена предметов не простая мысль. Может возникнуть впечатление, что речь идет о «виртуальной реальности», о чисто техническом дополнении реальных вещей имитациями, как это изображается в фантастических сюжетах (принципиально в этих сюжетах, что вещи остаются существующими как таковые, и в них можно вернуться). Нет, дело не в технике, но в семантике

и логике, то есть в самом языке – в том, что в итоге происходит в сознании людей, причем не в специальных, но в обычных (или кажущихся обычными) условиях. А это означает совсем другую, более глубокую ситуацию. Вещи, то есть предметы и явления, не дублируются технически и как бы снаружи, они меняются онтологически и изнутри, на уровне их существования.

Вообще, когда к цифровизации относят сугубо технические обстоятельства – «интернет вещей», повсеместные датчики, маршрутизаторы, различные нано- и биоустройства, технологии, смысл следует видеть не в том, что это облегчает и ускоряет решение каких-то рабочих и бытовых вопросов, «помогает жить». И даже не в том, в рамках альтернативной версии, что это нужно для тотальной слежки, сбора информации, учета и контроля, что опять-таки предполагает какую-то пусть политически отрицательную, но человеческую, *онтологически обычную* цель. Дело не в политическом контроле и не в облегчении вещей, равно как и не в виртуальном дублировании (где вещи остаются, дополняясь имитациями), но, повторим, в онтологической трансформации предметов как таковых – в изменении их самих, как они существуют. Именно эту, *онтологически необычную* цель мы имеем в виду и собираемся раскрыть.

Сущее: язык, материя и сознание

Сначала нужно ответить на вопрос: что мы имеем в виду под вещами? Ответ: физические и социальные предметы и явления, то есть материальные плюс экономические и политические. Иными словами, все существующие предметы за исключением образующих область сознания. Это необходимо пояснить, поэтому раскроем используемую парадигму по поводу внутреннего деления сущего.

Сущее (мир) – это все предметы и явления, о каждом из которых есть основание утверждать, что он/она существует. Иными словами, семантически неразрывно связанные (тождественно: существующие) предметы и явления. Это означает, разумеется, не только физические предметы, не один лишь физический мир, но полную совокупность существующего – то, что морфологически наиболее точно и выражается термином *сущее*. Парадигма в том, что сущее внутри себя подразделяется на физическую (материальную), социальную (языковую) и сознательную области. Это значит, что предметы и явления, о существовании которых есть основание утверждать, обязательно классифицируются по способу существования либо как физические (материальные, имеющие пространственные параметры), либо как социальные (существующие в коммуникации, а не в пространственных координатах), либо как сознательные (психологические, образные). Например, стол и электромагнитные волны – физические явления; инфляция, право, Болонский процесс – социальные, существующие в рамках коммуникативных цепочек; эмоции и представления – сознательные, существующие в качестве образов. Важно, что не смешиваются физические (материальные) и социальные, а также социальные и сознательные явления, поэтому областей три, а не две («материальное и духовное бытие»).

На трехчастном вместо двухчастного делении сущего основывается выводимая далее идея. Смысл в том, что социальная, то есть языковая, область поглощает материальную, это и есть *онтологически необычная* цель. Раскроем эту кажущуюся фантастической мысль.

Языковая область сущего (как область семантики – как структура значений, как сам язык) занимает в нем центральное место. Само существование это не что иное, как семантическая связь (событие, факт) и место – место по смыслу среди других предметов. Если предмет по своему смыслу, какими-то своими признаками или действиями связан с другими, значит, он существует, имеет место. Мы принимаем, например, визуально воспринимаемое за существующее, потому что визуальная данность означает (семантически имеет) связь со светом, а если предмет связан со светом, который существует, значит, и этот предмет существует. Даже без перехода к напрашивающимся эпитетам вроде хайдеггеровского «дома бытия» можно добавить, что теоретическое познание как таковое, то есть логическое, семантико-синтаксическое движение, открывающее ранее неизвестные существующие связи и предметы, есть следствие центральной роли языка в сущем, следствие того, что сущее в его основной части это язык, семантическая структура¹.

Проблематичным в рамках философского генезиса и ключевым в этом вопросе является положение материальной области, то есть материи как таковой. Во всей философии начиная с Аристотеля и далее в естественной науке материя понимается как фиксируемая в предметах физического мира принципиальная универсальная однородность или множественность (у Аристотеля она объединяется в предмете его сущностью – формой). Проблема в том, что эта множественная однородность не поддается означиванию, за ней нет значения. Свидетельством является любой перцептивный акт. Когда материя дана в восприятии, она фиксируется на уровне элементарных перцептивных качеств предметов, например, «зеленое», «гладкое», «гулкое», «сладкое» и т.п. Особенность этих качеств в том, что их логически нельзя объяснить – это и есть отсутствие значения.

Когда предмет или качество имеет значение, то можно сказать, что это значит, то есть выстроить положительную связь с другими значениями и сформулировать тезис. Стол имеет значение: предмет мебели с твердой ровной горизонтальной поверхностью, соразмерной рукам и на уровне рук. А вот «зеленое» не имеет значения, буквально. Что такое зеленое? Можно только пальцем показать и далее опираться на некую, лишь на пальцах действующую конвенцию, образующую суррогат значения. Семантическая структура, то есть язык, здесь не действует, а необходимость конвенции, то есть какого-то механического засвидетельствования, означает не что иное,

¹ Можно сказать, что мир понимается в этой статье совершенно по-гегелевски, как абсолютная логическая структура, что является, впрочем, не специфически гегелевским взглядом, а общефилософским постулатом, начиная с Платона; философия, если не смешивать с софистикой и позитивизмом, это наука об абсолютной логической структуре существования.

как фундаментальную остановку, границу его действия. Вот эта граница и есть материя, и об этой границе идет речь, в ней заключается дело.

Перцепция как акт, фиксирующий материю как границу языка, это элементарный, но логически частный случай. Материя это не только перцепция, не только «зеленое» и «твердое». В электромагнитной волне нет перцепции (образующих восприятие качеств), но материя есть. Что имеется в виду? То, что выводится в выходящей за пределы перцепции естественной науке, экспериментально и в конечном счете математически, и в чем обнаруживается то же самое пограничное, не пускающее далее значение – однородность. В том или ином, конечно, не перцептивно, но абстрактно понимаемом виде, и в чем подразумевается некое формульно фиксируемое повторяющееся значение, *масса*, то есть какая-то множественная однородность. Однородность в виде определяемых в пространстве единиц и форм, в виде действий (сил) и в конечном счете в виде чистого пространства¹. Что такое пространство? Это абсолютная однородность. А что такое однородность? Симметричность, повторение, протяженность, пространство. Это такой же «не пускающий» («апостериорно априорный») предмет, как и «зеленое».

Вопрос о материи приводит к пограничному значению, образующему некую стену и как бы огибающему язык. Однако областью это только кажется, на относительно где-то большем, где-то меньшем смысловом расстоянии от этой стены. Природа, физический мир, стол, дерево, электромагнитные волны, планеты, звезды, атомы, кванты, все это, на самом деле, звенья семантической системы и, в конечном счете, язык. Это тоже коммуникация, система действий-тезисов, вопросов и ответов, которая видится отдельной от языка областью только потому, что за каждым ее звеном (в отличие от инфляции или Болонской системы) прослеживается или прямо стоит, иногда очень близко, вот это пограничное звено, стена, *материя*.

Вот мы поворачиваем взгляд и видим дверь. Выстраивается (очень быстро, однако в рефлексии можно выделить моменты) цепочка: пятно, четырехугольник, желтое, деревянное, твердое и т.д. Каждый из моментов в переходе к следующему содержит определение (определенность) и соответствующую дизъюнкцию, например: пятно – ограниченная область, правильной либо неправильной формы; правильная форма – геометрическая фигура, округлая либо многоугольная; многоугольная – состоящая из углов определенного числа – от трех и выше; четырехугольник и т.п. В выстраиваемых цепочках образуются некие итоговые значения (желтое, твердое, четыре, угол и т.д.). А на уровне каждого этих значений открывается внутренне тождественное, то есть содержащее смысловую однородность качество (как будто это еще одна цепочка внутри, но не из дизъюнктивных, а повторяющихся звеньев, вроде А-А-А-А). Однородность указывает на то, что значение не расщепляется, и цепочка останавливается. Желтое,

¹ Неисчислимые в своем множестве и абсолютно одинаковые частицы в пространстве – это множественная однородность; само пространство как геометрическое множество мест (точек) – это множественная однородность.

твердое означают – предмет выстроен, дальше «вилки» нет, дизъюнктивно двигаться некуда, «спрашивать» не о чем, конец цепочки. Вот эта более чем априорная (нечто гораздо более твердое, чем какое-либо априори), ассерторическая однородность значений фиксируемого предмета (на расстоянии протянутой руки или в математических выходных данных некоего эксперимента, на уровне уравнений) и есть материя – спасительная, образующая фундаментальную границу сущего линия, точнее, поверхность. Спасительная потому, что она останавливает язык, необходимость вопроса, уточнения, определения, выбора.

Мы находимся в окружении материальных вещей, которые имеют форму, цвет, тактильные и прочие перцептивные значения. Округлость, голубизна неба, зелень травы, твердость, мягкость, сыпучесть, текучесть поверхностей и масс. Фундаментальная роль этого уровня сущего заключается в том, что эти значения образуют устойчивый, логически ровный уровень, на котором останавливается, становится далее ненужной верифицирующая и дефинирующая деятельность языка, движение вопросов и ответов, дизъюнкций и определений. Здесь нет ошибки: именно деятельность языка, а не сознания. И именно потому, что останавливается язык, начинается, становится возможным сознание.

Сознание есть все то, что мы имеем возможность фиксировать и выстраивать, не думая о вещах и вопросах – после того, как вещи выстроены и ответы на вопросы даны. Сознание – это *свобода*, это бытие вне физических и социальных сигналов и команд, вне коммуникативных цепочек и дизъюнктивных связей; это сами предметы, которые (когда они) мыслятся – выстраиваются не изнутри цепочки, но иницируются поверх нее, свободно, вне необходимой коммуникации. Можно сказать, это внешнеобходимое мышление, что означает, в рамках понимания самого мышления как существующего, а не несуществующего – внешнеобходимое (неподвластное) бытие.

Сознание не язык. Сущностью языка является коммуникация (в предельно широком смысле, включающем физическое взаимодействие), то есть логическая связь – связь между сигналами, причинами и следствиями, между смысловыми элементами в понятиях и тезисах, и далее на этой основе связь между вопросом и ответом, порождающая связь между коммуникантами в привычном смысле слова «коммуникация». Когда в каких-то предметах обнаруживается логическая связь, эти предметы как совокупности признаков внутри этой связи становятся языком. Сами конъюнктивно-имплицативно-тождественно-отрицательно-дизъюнктивные цепочки между признаками и предметами, непрерывно выстраиваемые и движущиеся как последовательность команд, как коммуникация в настоящем смысле слова, как связывание, есть язык. Язык – это тезис, это вопрос «почему» («вследствие чего» и «что это значит») и логически адекватный ответ/переход. Химическая реакция в недрах, образующая выброс вещества и толчок земной коры, сдвигающий камень, летящий в дерево – язык. Обусловленный полученной информацией властный

указ, перераспределяющий финансирование (сигнально-символическое движение), образующее команду закрыть предприятие, следствием чего становится далее решение о протесте – язык. Сознание же – это то, что «внутри» или «в стороне» от этой всеобщей неразрывной физической и социально-коммуникативной связи. Точнее: по ту сторону коммуникации, в *отталкивании от* материи как границы.

Сущностью сознания является кантовское трансцендентальное воображение, «слепая функция души» (Кант 1994: 108), чистая перцепция – связь, лишенная необходимости, аподиктически имплицативной логической (= рассудочной) или эмпирической основы; спонтанная (чистая) связь, но при этом не бессмысленная и поэтому обладающая бытием. Это такая позиция, которая позволяет нам всегда находиться *наверху*: поверх мышления, коммуникации, восприятия. Это даже не мышление как категориально-логическое движение понятий, которое является продолжением коммуникации, равно как и не воля с подчиненным ей фантазированием, но различные, постоянно и независимо от воли представляющиеся предметы, находясь в ряду которых мы и чувствуем себя «в сознании». Это когда «вдруг вспомнилось», «вдруг возникла мысль», «вдруг пришла в голову неизвестная мелодия» – из-за чего вспомнилось, откуда возникла, от кого пришла? Некий уровень, со стороны которого или в постоянном переплетении с которым мы мыслим, воспринимаем и действуем. И это не какой-то психологический трюк или что-то исключительное, вроде озарения, но онтологически постоянно действующая связь, встроенная в семантику, и без которой невозможно само сознательное существование. Наше существование как сознательных существ и наша свобода в качестве таковых есть эта связь.

Она действует в обычных семантических конструкциях, которыми пронизан язык: «ядро генома» (геном – это орех?), «рваное облако» (облако из ткани?), «инфляционный скачок» (скачет, но не животное), «тело долга», обладающие каждая не ошибочным, но проникающим (интендирующим) сквозь составляющую их семантику значением – некой выходящей за рамки связываемого, но осмысленной, *синтезирующей* связью. Гуссерлевский пример «золотая гора» (Гуссерль 2001: 62) из этой же категории. Да, эти примеры языковые, не «чисто сознательные», не трансцендентальная перцепция, но они специфически пограничны между языком и сознанием и демонстрируют ее действие (сформулировать в тексте полностью подходящие примеры, пожалуй, невозможно). Настоящим, но заведомо неточным, не сводимым к конкретным предметам¹, проявлением этого действия является свободный поток представлений. В отвлеченном от восприятия, рассуждений и переживаний состоянии (например, предшествующем сну) сознание «видит» произвольно возникающие образные предметы, фиксируемые, однако, в отличие от сновидения, как отдельные от объективной реальности (лишь иногда эти предметы доступны в определении, в случае

¹ Единственным конкретным и доступным в указании, однако не в раскрытии, предметом является, пожалуй, музыка.

чего и наблюдается пограничная ситуация, только не со стороны языка, а со стороны самой трансцендентальной перцепции). Важна абсолютная беспредпосылочность в содержании и последовательности этих предметов. Они генерируются ниоткуда и ни из-за чего (никакой связи с недавно или даже относительно давно пережитым опытом). Важно также отсутствие генезиса, его абсолютно невозможно наблюдать – предметы не строятся, не «разворачиваются» (как в восприятии), возникают/исчезают импульсно, вне внутреннего времени. В этой беспредпосылочности и импульсности онтологически заключается образующая сознание аутогенерирующая смысловая сущность (пожалуй, эту генерирующую сущность имел в виду И. Кант, и к ней же пытался выстроить путь в научно-дескриптивных формах Э. Гуссерль).

Свободное, то есть содержательно независимое от материальных данных и логических операций, движение и сочетание перечисленных предметов и подобных им есть сознание и есть, повторим, сама свобода. Иными словами, когда мы говорим «сознание», «в сознании» («я», «мне»), мы имеем в виду эти и таким образом движущиеся предметы, свободные от командно-сигнальных рельсовых путей и их дизъюнктивных стрелок. Источником этого внестрелочного движения является некий чистый внешне направленный переход, некая принципиально утверждающая и отрицающая, как бы пульсирующая (вперед/назад) сила, которая, скажем образно, подобна пламени. Целью мира языка является не то чтобы потушить (это онтологически невозможно и бессмысленно), но сжать этот запертый в темнице, имеющий границу и остающийся внутри нее живым огонь – пробить границу и включить находящееся за ней свободное движение огня в свою орбиту, сдвинуть пламя в точку, лишить его пространства пульсации и заставить гореть внутри.

Граница – это материя, оболочка однородных, не пускающих значений, которые останавливают движение языка, заставляют стопориться (как «заедающий» звук в старых проигрывателях) его звенья и блокируют дизъюнктивные вилки-стрелки и тем самым делают возможным, независимым от этих жестких форм движение сознания, ограждают его от них, оставляют ему место. Представьте огромное дерево: вот его ствол и миллионы, от больших к меньшим, множущихся от уровня к уровню ветвей, пронизывающих и расчерчивающих пространство, но в самом конце, на самом верху в каждом из направлений заканчивающихся листьями и останавливающимися на образующей общий контур дерева линии. Дерево – язык, материя – листья и линия.

Пробивание границы

Пробивание границы – это и есть замена вещей, онтологически «необычная» цель. Это такое комплексное технически-логическое воздействие, которое разрушает однородность в материальных значениях, разбивает эту однородность и заставляет значения дизъюнктивно ветвиться и вступать в информационно-тетический поток, в движение коммуникации, выбора,

определений, решений, уточнений, обмена, насильно садит их в этот поезд – но уже не в направлении к сколь-нибудь разумной и «человеческой» цели (ее нет, потому что материи нет), а по кругу, без конца. В процессе чего эти значения, то есть сами материальные свойства вроде белого, твердого, устойчивые и кажущиеся незыблемыми, безусловными, сначала некоторые, затем все перестают быть таковыми. Сознание пытается остановить этот круг, найти выход, границу, чтобы найти себе место, чтобы были предметы вне круга, те сознательные предметы, в свободном движении которых есть оно само – но границы нет.

Попробуем очень условно и несколько художественно описать эту ситуацию. Человек утром протягивает руку к зубной щетке. «Выберите модель зубной щетки». Определяет модель. «Выберите цвет». Выбрал. «Уточните оттенок». Такой-то. «Подтвердите номер оттенка», «определите размер щетинок», «выберите материал» и т.д. Будучи почти доведенным до нервного срыва, человек получает-таки возможность почистить зубы, но находится непрерывно, круглосуточно на грани невозможности существования, он непрерывно движим расточающими сознательную энергию коммуникативно-физическими дизъюнкциями, коммуникацией вещей («умными вещами»), он горит этим движением, он в аду. Точнее, он не горит (он не сам это делает) – он поддерживается в состоянии горения, *поджигается*, медленно и никогда не доходясь до гибели (иначе кто дальше будет гореть?). Добавим существующий кинематографический образ, в котором психологически выразительно, хотя на другой фактуре и издали, фиксируется эта ситуация: сцена выбора цвета стен героиней «Адвоката дьявола».

Зададимся теперь вопросом, а что происходит под лозунгом цифровизации чисто технически (в широком смысле, включая политические действия, проводящие в жизнь технологические решения)? Происходит следующее: наряду с ранее развившимся программированием, то есть организующим и управляющим воздействием на разнообразные материальные объекты неживой природы посредством кварцево-металлических устройств и электромагнитных сигналов, возникла возможность программирующего воздействия на биоматерию, и это происходит параллельно с многочисленными в течение десятков лет заявлениями и официальными документами по поводу целей вроде «прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами»¹. Речь не о встраивании в живую материю чуждых ей, минеральных по природе устройств. Если бы дело было только в этом, то, пожалуй, эта статья не была бы нужна, а к вышеприведенному рассуждению про пробивание материи и сжатие сознания можно было бы отнести как к околофилософской фантастике. Речь идет об обстоятельстве и элементарно вытекающем из него выводе, кото-

¹ Приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 07.08.2007 г. № 311 «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года» // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/191853/> (дата обращения: 22.08.2022).

рый, соединяясь с предыдущими рассуждениями, означает действительно невиданный, колоссальный смысл происходящего, заставляющий содрогнуться всю философию во всей ее истории.

В самой живой материи, на уровне ДНК, взаимодействующих с нею молекул и излучений, осуществляются программирующие действия. Чтобы этот тезис не показался неподготовленному читателю голословным, сошлемся на пример, которым является успешная научная работа по электромагнитному управлению поведенческими реакциями мышей на уровне молекул клеточных мембран (Stanley et al. 2016)¹. Суть в том, что к мембранам нервных клеток прикрепляются векторно инъектируемые белковые молекулы, которые действием подобранного излучения открывают/закрывают определенные «ворота» в этих мембранах, чем регулируется (по команде включил/выключил) чувство голода у подопытного существа и соответствующее поведение. Это настоящее внутреннее программирование биоматерии, управляющее поведением.

Что означает программирование биоматерии чисто логически? Если наряду с ранее возникшим программированием неживой материи программируется живая материя, причем не извне, а изнутри, на уровне ее собственных элементов, то логически получается, что в принципе программируется вся материя, во всем объеме этого понятия – *материя как таковая*.

Что значит программирование? Это сигнально-командное действие, коммуникация по типу запрос/ответ, то есть создание информации, сообщений и команд, генерирующих последующие действия, свойства и предметы (комплексы свойств) в дизъюнктивно-имплицативной цепи, то есть это действие семантической структуры, действие языка.

Соединим эти позиции: «программируется материя как таковая» плюс «программирование – это действие языка». Получается: материя как таковая попадает под действие языка. Можно было бы сказать, что стирается граница между материей и языком, но точнее будет сказать следующее: материя, как онтологически недоступная прежде языку граница, становится доступной ему и включенной в него. То, о чем мы рассуждали выше, осуществляется технически и политически, в реальном, историческом движении мира как семантической структуры.

Этот вывод мы без преувеличения назвали заставляющим содрогнуться философию. Он означает не что иное, как слом трехчастной структуры сущего, трансформацию сущего как такового. Во всей истории философии идея *генезиса сущего*, происходящего изнутри него самого, то есть без религиозных интерференций, была развернута в наибольшей мере, с включением всех аспектов бытия – природы, истории и сознания, у Гегеля. Сущее само по себе, в комплексе своих областей у него целенаправленно и конечно. После него и на его основе эта идея,

¹ См. также: Gibbs W.W. 2017. Flipping a Switch Inside the Head // The Rockefeller University. 01.04.2017. URL: <https://seek.rockefeller.edu/flipping-a-switch-inside-the-head/> (дата обращения: 22.08.2022).

являющаяся одной из наиболее значительных в философии, была продолжена, например, в русской философии В.С. Соловьевым и Н.Ф. Федоровым, однако уже с интерференциями в религиозную сторону. Но ни саморазвитие абсолютного духа, ни движение к всеединству или научно-цивилизационному воскресению, ни одна из этих грандиозных и даже фантастических философий не идет ни в какое сравнение с тем, вывод о чем приходится делать нам.

Ни в одной философии не было идеи катастрофической трансформации сущего (не путать с эсхатологическим концом). И у Гегеля, и у его последователей было целенаправленное разворачивание сущего, подразумевающее онтологически высшее, гармоничное и синтезирующее состояние. В нашем случае имеет место не синтез и гармония, но противоположность им – слом фундаментального баланса областей сущего, его перекраивание и критический, онтологический крен при продолжающемся существовании (как будто в здании наклонили все перекрытия куда-то вниз, но без его разрушения – с подвижным центром тяжести), образующий бесконечное падающее движение, генезис антигармонии и ужаса.

Дело не в том, что материя «подчиняется», дело в том, что она как таковая, как онтологическая граница между языком и сознанием, исчезает. Можно сказать, что исчезает язык, он перестает быть сферой логики, конечных значений и смыслов, той логики, которая была в мире трех областей, которая есть *разум*. Язык перестает быть логосом, разумом, он становится *материоязыком*, ничем не ограниченной системой бесконечно порождающихся значений – без смыслов, без целей, во всяком случае, без целей и смыслов в привычном, разумном их понимании.

Смотреть на траву, но не видеть зеленое. Говорить с человеком о простых вещах, но не иметь возможности оттолкнуться от взаимно интуитивно ясных значений и обрести общее понимание. Вместо этого что-то определять и считать, уточнять и фиксировать, и платить самими этими внутрисознательными действиями – делать элементарный перцептивный и сознательный процесс включенным в некую чудовищную экономику, *инклюдироваться* (все включено: абсолютно все подлежит счету, каждое, квантовое сознательное движение – деньги). Кажется, что этого не может быть, что это фантастика и безумие. Но это уже происходит на начальном этапе, в развивающем эту стратегию разрушении базовой смысловой структуры, и доступно в наблюдении.

Приведенный в начале статьи пример с оператором не специфический и исключительный, но в принципе, по своей схеме, повторяющийся феномен. Часто приходится, разговаривая с человеком, сталкиваться с ощущением, будто разговариваешь с программой или даже не с программой, выполняющей какую-то известную работу (или обязанность, как в случае с оператором), а с коллажем из ответов, которые человек подбирает не по смыслу, а по каким-то сигнальным признакам. Как будто человек – это не смысловое и в этом традиционном значении языковое и разумно-социальное существо, непрерывно и живо направленное на выявление настоящих и конечных смыслов, то есть истины, а попугай, комбинирующий

бессмысленные для себя сигналы. Как будто дело не в смыслах, а в выборе подходящих пунктов из имеющегося модульного набора¹.

Массовым феноменом является неспособность выделения сущности в событиях и словах. От этого люди часто не видят абсурдность, в принципе не пользуются этим критическим критерием («это же абсурд!»), когда происходит или утверждается, навязывается что-то неразумное, противоречащее смыслу и логике. Это происходит не на индивидуальном и психологическом, а на социальном уровне, в массе случаев. Разворачивание самолета из-за не надетого аксессуара на лице у ребенка или набрасывание с дубинками на сидящего в одиночестве в парке из-за того же само-го; неспособность читать определения и произвольно обывательское использование важных медицинских понятий при принятии общественно значимых решений; провоцирующая столпотворение блокировка дверей в месте постоянного движения людей (пожарные потребовали); не вентилирующиеся форточки в поездах и 35-градусная жара с обмороками и серьезными приступами у пассажиров, потому что есть *вероятность* высывывания в форточку. Вообще, удручающая массовая неспособность к смысловой пропорции: соотносить количественно и вероятностно, то есть по объему, проблему и действие, цель и средство, «что мы делаем»/«почему и ради чего мы делаем». Люди как будто перестают быть разумными, становятся просто выполняющими команды («нам так сказали») существами.

Отметим отдельно характерную (несколько в духе М. Фуко) идею, ставшую в событиях 2020–2021 гг. массовой позицией в масштабе человечества. Это идея полной подчиненности тела человека обществу. Тело перестает быть чем-то в принципе не общественным. Позиционируется, что оно становится полностью, без каких-то собственно ему присущих преград и каких-то лично человеком устанавливаемых критериев, кроме формальных и по сути фиктивных, зоной действия общественных решений, соответствующих команд и манипуляций. Общество решило, чиновник объявил, и человек должен не своей личностью, не действиями, а своим телом, его внутренними элементами дать ход команде. Это принципиально отличается от подобных случаев в предыдущей истории. Принципиально то, что тело используется не косвенно, как инструмент насильственного принуждения к какому-то сознательному действию (как в рабстве или тоталитаризме), а само по себе, своими элементами. Значение этого обстоятельства мы видим в следующем. Тело есть наиболее важный материальный объект, объект номер один, не по какой-то этической причине, а онтологически, по структуре существования. Переход обществом, как коммуникативной системой и областью, важнейшей онтологической и экзистенциальной границы, образуемой телом как материальным объектом самим по себе, очень выразительно соответствует стратегии поглощения материи языком.

¹ Это уже имеет место в современных образовательных тестах, а также в официальных и научных выступлениях в виде чередующихся комбинаций вербальных «модулей» («инновационная интеграция системы для системной трансформации», «экосистема инноваций и экология мысли» и т.п.), не содержащих почти никакого смысла.

Укажем на еще одно характерное явление, находящееся в контексте разрушения базовой смысловой структуры. Это специфический буквализм, распространившийся в работе с различными документами и уже проникающий в устную коммуникацию, когда языковое выражение понимается исключительно буквально, на уровне означающих – как будто нет значений, или как будто значением являются сами буквы в их чисто синтаксическом, а иногда даже не синтаксическом, а геометрическом сочетании. Нельзя в тексте рабочей программы учебной дисциплины, в графе «формируемая компетенция» написать «способность делать то-то», то есть поставить слово способность в именительный падеж. Почему? Потому что в исходном документе говорится «обладать способностью», и учебно-методический отдел, требуя воспроизводить формулировку с буквальной точностью, отклоняет в конструкции «компетенция – это способностью» естественное, правильное и необходимое с точки зрения классического языка исправление творительного падежа на именительный. Смыслы не важны, важны буквы, точки и пиксели. Важна внесмысловая «точность» (пиксельность) расширяющейся таким путем, пожирающей смыслы командно-сигнальной системы, важен экспансирующий, «цифрующий-ся» язык, который не является уже языком как логосом, но является развивающейся универсальной материоязыковой программой. А смыслы и язык в его классической роли как разумной смысловой структуры уже не важны. Сам вопрос о смыслах («а что это значит, в чем суть?») все чаще вызывает насмешку («какая разница, сказали – делайте!»), сама привычная рациональная позиция в принципе игнорируется, как будто самого понятия смысла уже нет.

Смыслы – это окончательные значения. В приведенных примерах смыслы деструктурированы, сама идея смысла разрушена в мышлении коммуникантов. Социальные действия, производимые в такой коммуникации, образуют в принципе другое коммуникативное измерение, не смысловое, которое всегда конечно и направлено на результат, выстраивание позитивной (по умолчанию) границы для сознания, но такое, которое заставляет сознание «терять почву», недоумевать, задавать следующий вопрос, не дает остановиться и заставляет продолжать коммуникацию там, где это никогда не было нужно, и что в принципе не нужно по природе вещей – и в итоге взламывать эту природу, заставлять сознание соглашаться ее отдавать, отступать и внутренне сжиматься.

Взлом естественной структуры, называемой разумом, логосом, рациональностью, структуры устойчивого деления по областям, не допускающей безумных (с ее точки зрения) тезисов «третий пол», «борода у женщины» за исключением аномалии, взлом смыслового пласта естественности – необходимая тактика языковой экспансии. Превратить естественное, гарантированное, константное, понимающееся, не подлежащее обсуждению в предмет вопроса и дизъюнктивных вариантов, среди которых далее возможно любое безумие, безумие тем большее, что оно не психологическое, а онтологическое – путь этой экспансии.

Замена вещей и трансформация сущего

По приведенным примерам может показаться, что мы говорим теперь о чем-то другом, чем прежде, не о вещах и материи, а «о смыслах» как какой-то чисто коммуникативной и гуманитарной, «философской» проблеме. Может показаться, что о самой трансформации сущего речь идет тоже в каком-то сниженном, гуманитарном смысле. Нет, речь идет о смыслах и значениях, о поглощении материи и онтологической трансформации не на гуманитарном и условном, но на предельно фундаментальном уровне, именно на котором обнаруживается финальный предмет нашего рассуждения – онтологическая замена вещей принципиально иными логическими формами.

Замена вещей это не имитация этих вещей, не уподобление им. Многие люди могут думать так (опишем предельно простыми словами): будут виртуальные, «цифровые» предметы, такие же, как прежние, но ненастоящие; «цифровые» небо, земля, города, как в компьютерной игре; будем там, подключенные, ходить и жить, раз так получается, раз так сказали «специалисты» – ну и ладно. Мы считаем, что такие мысли это не то чтобы наивность, это концептуальная ошибка.

Сам принцип преодоления материи и включения ее в язык подразумевает – с логической необходимостью, с неизбежностью на уровне самой стратегии этого преодоления в виде трансформации базовой структуры сущего – смену самих присущих предыдущей онтологической структуре категорий вещей. Вот что такое замена. Не замена зеленого виртуальным зеленым, а замена зеленого, твердого, голубого, белого, самих травы, земли, неба, облаков, горизонта, стоящих на земле домов, пространства, дней, часов, времени, мужчин, женщин, самих людей чем-то настолько другим, что бессмысленно как-то пытаться описать (описать – значит свести к категориям и качествам известных вещей, поставить в ряд с перечисленным, и вот это как раз здесь невозможно). Это замена самих качеств вещей и самой их семантической номенклатуры на совершенно другую систему, другой мир. То есть замена вещей – это не изменение в каком-то мягком, коннотативном, культурологическом ключе (вроде «древние люди видели мир по-одному, мы по-другому, а потом еще как-то»), в котором остается неизменным слой фундаментальных означаемых, но замена самих этих означаемых в совершенно другой «операционной системе», в другой программе.

Суть этой другой программы в том, что на уровне устройства областей (объединения двух в одну против третьей) она принципиально дисбалансирована, в отличие от предыдущей, и поэтому принципиально динамична – она есть существование в непрерывном выстраивании и движении, она бесконечна. Она пульсирует, то есть меняет темп, что можно понимать как технические остановки, позволяющие сдавливаемому сознанию оставаться на грани существования/невозможности существования (срыва в безумие), но она не позволяет ему видеть однородность и, находясь в состоянии фиксации однородности вещей, свободно (собственно) пребывать.

Вследствие дисбаланса структуры и получается, что никакие конечные («понятные») значения невозможны. Когда мы что-то называем вещами, мы имеем в виду принципиально конечные конструкции, и в этом заключается прекрасный, спасительный смысл «вещей». В новой структуре эти конструкции заменяются бесконечными по самому своему принципу логическими формами. Более того, не только вещи, не только «деревянный стол», «зеленая трава» и «голубое небо», но и абстракции, вроде времени, пространства и прочих априорных и операционных форм принципиально в ней невозможны. Априорные формы отменяются в мире новых вещей, они как бы развязываются в бесконечные нити, перестают в прямом смысле слова быть «формами». Это «мир» – нет, не мир даже в кавычках – это структура без сущностей и качеств, без количеств и отношений, без пространства, без времени, без мира¹.

С точки зрения сознания, которое в этой структуре остается, но лишается области, помещаясь в «место без места», превращаясь в безмерную, однако живую и постояннодвигаемую (падающую) куда-то точку, на которую более чем непрерывно, именно вне времени направлены ничем не ограниченные коммуникативно-сигнальные акты, на которые оно вынуждено отвечать – эта новая онтологическая структура может заведомо определяться как ситуация вневременного и абсолютного напряжения, ненахождения, страдания.

Может возникнуть (вновь возникнуть) вопрос, как все это возможно технически? Вот стол, комната, дом, планета, пространство – как все это может материально перестать быть? Мы говорили в начале статьи про сигнально-командную, информационную сущность материальной области, онтологическое отличие которой от языка в нашем мире заключается в однородности качеств, обязательно обнаруживаемых в предметах этой области. Как только мы доходим до уровня однородности, мы говорим – материя. На уровне однородности означающее движение языка останавливается – он не может сделать содержащие ее качества значениями. Это образует границу, даже буквально, геометрически – поверхность, которую мы и фиксируем как стол, комнату, планету и т.д. Внутренняя ловушка, слабое место этой границы (прежде об этом не шла речь) в том, что у нее есть синтаксическое значение – симметрия, конъюнкция – изнутри которого ее можно раскрыть. То есть получается, что на этом уровне у нее есть – она сама есть – значение. Это и образует потенциал взлома, пробивания этой границы, путем, скажем так, подбора ключей и шифров на предельно глубоком уровне ее внутренне сложного, очень дифференцированно действующего в природе устройства.

Эти подбор и расшифровка, включающие чисто естественно-научные и математические опыты и процедуры, и есть техническая часть работы. Напомним про упомянутый выше опыт с мышами и молекулярно-

¹Теперь можно видеть, насколько приводившийся ранее пример с зубной щеткой условен и даже неверен: он слегка моделирует лишь психологический аспект описываемой ситуации и совершенно не выражает ее онтологический масштаб.

программирующее воздействие на живую материю и материю как таковую. Надо понимать, что какие-либо естественные сущности, объекты и явления, молекулы, кванты, величины, силы, координаты – все это есть не что иное, как язык. В прямом смысле: когда ученый-естественник имеет дело с наблюдаемыми им объектами, он имеет дело со знаками, причем в тем большей степени абстрактными, чем более физически фундаментальными являются эти объекты. И представим теперь объединение этого языка с естественным (историческим) языком, представим некий общий универсальный, «глубинный» синтаксис, который сливает воедино кванты и естественно-языковые значения и позволяет ими оперировать и комбинировать в какой-то невиданной семантике. Это и есть экспансирующий язык, поглощающий материю, материоязык, как мы назвали это ранее, которому ветхая, предыдущая, прежде останавливающая и образующая мир граница и все связанные с нею операционные («априорные») понятия – уже не преграда. Человек с инъектированными элементами, преобразующими на уровне физических частиц работу нейронов, всех обеспечивающих перцепцию клеток и функций, видит совершенно иные, чем в нашем мире, качества и вещи, другие измерения, его сознание соответствующим образом трансформируется (и это происходит вполне «технически») и ловится этими измерениями – и человек действительно, онтологически (в комплексе материоязык + сознание) в них оказывается. Это и есть результат, когда сами категории, которые мы используем, говоря «предметы», «элементы», «качества», «сущности», «пространство», сменяются другими.

Конец времени и «исчезновение» Homo Sapiens

Более важный и, пожалуй, концептуально критический, несколько выходящий за рамки вопрос. Если мы говорим «трансформация», «стратегия», «замена вещей», в чем семантически подразумеваются целенаправленные действия, то хочется наивно спросить, и именно так приходится спрашивать: кто это делает и, главное, зачем?

Мы разрушили бы одним движением все предыдущие рассуждения, если бы сказали, что это делают какие-то люди или институты, пусть даже древние и могущественные (как Католическая церковь, например). Рамочной идеей статьи является то, что постулируемая трансформация – это онтологический процесс, а не политический. И в этом ракурсе вопрос становится еще острее – как все это понять, что за этим стоит, кто и зачем?

Скорее не для ответа, но для понимания уровня этого критически важного вопроса нужно прежде понять следующее. Вся даже не позитивистская, но присущая классической философии с Нового времени априорно положительная позиция в понимании сущего («лучший из миров») должна быть поставлена под вопрос. Если посмотреть глубже, то окажется, что эта позиция совпадает в своем источнике с монотеистической креационистской концепцией, являющейся, именно изнутри этой позиции, рамочной для философии во всей послеантической истории. Суть этой положительной рамки: мир изначально и по преимуществу хороший, потому что начало

(творящий) является хорошим. Вот эту рамку в конечном счете нужно несколько поставить под вопрос¹ – вот принципиальное требование.

Немного приоткроем, не вдаваясь в суть, непривычный и некомфортный вопрос «об изначальной положительности сущего». Во-первых, раз речь идет о сущем, то нужно констатировать, что сущее временно. В простом смысле: в сущем есть время как фундаментальный фактор. И уже здесь обнаруживается важный аспект, усиливающий онтологический смысл описываемой в статье ситуации.

Время – это не что иное, как описанная выше однородность в ее действии, отражающемся в сознании. Мы хотим сказать, что однородность зеленого в траве (смотрю на поле и вижу зеленое-зеленое-зеленое...) и однородность во времени – это не разные, но одна сущность. Мы видим зеленое, и это спасительное явление, мирообразующее во всем известном в истории смысле мира, дает нашему сознанию время – время как остановку, задержку перед тем, как сигнально-коммуникативное действие будет продолжено тем или иным путем. Вот я смотрю на поле и вижу однородно зеленое-зеленое-зеленое, это широкое и твердое, как земля, устойчивое и надежное значение, от которого можно оттолкнуться, становясь свободным. А указывая на него другому человеку, можно удостовериться, что он видит это же широкое и устойчивое, от которого мы теперь отталкиваемся оба и обретаем понимание, время, саму жизнь.

Но однородность не абсолютна. Она сама временна, она откладывание, а не абсолют – время временно. Время – это проявление однородности как действующей в мире принципиальной остановки или границы, притормаживающей действие разворачивающей мир (абсолютно по-гегелевски) языковой структуры, но не прекращающей это действие, делающей его ступенчатым. И всякая такая остановка, каждая граница сама останавливается и ограничивается – и движение возобновляется. Это и означает, что на уровне самого сущего должно произойти то же самое. В самом устройстве разумного известного нам мира заложено: однородность кончается и преодолевается. Это происходит в каждой капле, в каждой снежинке, в каждой жизни, и поскольку это фундаментальный принцип, это обязано произойти в самом сущем на уровне его устройства. Это и происходит, закономерно с точки зрения сущего, а не в нарушение его устройства, то есть вопреки упомянутой положительной позиции и принципиально не позитивно.

Конец однородности как онтологического свойства, образующего материальные вещи, ее преодоление в исторически финальной цивилизации, пусть даже на уровне, как кажется, исторически неестественных и волеустановленных вещей, технологий, законов и т.п. – это онтологически предопределено, заложено в сущем, и это буквально конец времени. Вся история сущего и все существующее есть некое временное условие, временный онтологический договор в происшедшей и целенаправленной эволюции сущего, движения центрального в нем языкового начала. Цель этого дви-

¹ Этот вопрос рассмотрен в статье «Диалектика творения и проективная структура пространства» (Городецкий 2021).

жения приближается – и онтологический договор отменяется далее за ненужностью.

Пожалуй, можно сказать, что на заданный в начале этой части вопрос мы не ответили. Выделили еще один важный аспект, показывающий, что нужно для ответа, но не ответили. Тогда просто зафиксируем. Два вопроса – вопрос о субъекте описываемой трансформации сущего и вопрос о роли политических институтов, не являющихся субъектом, но слишком очевидно действующих в направлении этой трансформации и, стало быть, как-то остающихся в стороне от ее негативной цели – выходят за рамки настоящей статьи и должны быть рассмотрены отдельно.

Затронем распространенную внутри темы цифровизации проблему – трансгуманизм. Под ним подразумевается поэтапная трансформация человеческой природы, переходящая на саму человеческую сущность, то есть на сознание, и в итоге – исчезновение сознания, превращение человека в машину, точнее, информационно-программное звено. Как мы считаем, данный тезис и в целом позиция противников цифровизации, ставящая акцент именно на этой проблеме, критически искажают суть процесса (примечательно, что это искажение одинаково присуще и противникам, и апологетам цифровизации/трансгуманизма).

Дело в непонимании онтологии, распространенном позитивистском невидении сущего и его структуры. Отсюда непонимание онтологического статуса сознания, образующего его как принципиально внеинформационный и не редуцируемый слой в структуре сущего. Сознание не может «исчезнуть» – просто на уровне сущего. И оно не исчезает в «трансгуманизме». Оно лишается границы, ограждающей его от информационного слоя, и становится безгранично подверженным воздействию с его стороны. Но это и означает, что оно остается, оно живет.

Иными словами, дело не в том, что человек «расчеловечится», перестанет быть сознанием и станет как машина. Это, конечно, было бы ужасно. Равно как ужасно то, что многие современные люди с уже взломанным и в начальной степени сжатым сознанием, отказывающиеся от природы и сущностей вещей, от смыслов и логики (примеры выше с оператором, абсурдом и буквализмом) и принявшие позицию «путь будет что угодно, как скажут», могут принять и эту перспективу, могут *согласиться быть машинами* («будем как в компьютерной игре») – и это катастрофическое недоразумение, являющееся отчасти следствием принципиального непонимания и искажения проблемы дискурсом «трансгуманизма».

Дело в том, что то, что стоит за «цифровизацией», «трансгуманизмом» (равно как «информатизацией», «искусственным интеллектом», «социальной инженерией» и другими жонглируемыми понятиями, между которыми, в их настоящей сути, просто нет разницы), то есть трансформация сущего – нечто иное и, наверно, более ужасное, чем «быть машиной». Сознание становится *подконтрольным* как машина, но оно не становится машиной – остается в своем онтологическом месте и качестве, будучи абсолютно подвластным и страдательным звеном. Когда происходят

действительно трансформирующие человеческую природу процессы и мероприятия (целые программы), когда действительно осуществляется поэтапное расчеловечивание (без кавычек) на культурном, психологическом и даже биологическом уровнях – не уничтожается само сознание, но осуществляется тактическая функция. Проходится необходимый путь разрушения защищающей сознание смысловой и материальной структуры, по итогу чего открывается прямой доступ к нему.

На примере трансгуманизма видно, что имеющийся дискурс цифровизации и примыкающих к ней понятий и проблем в целом диверсифицирован, лишен основы. Речь идет о технических, антропологических, биологических, культурно-психологических, политико-правовых, образовательных проблемах как отдельных векторах, без понимания центральной, общей сути, которой в данной проблематике может быть только онтология. Это обусловлено, наряду с частными и политическими причинами, отчасти тем, какую роль в этом дискурсе и, что гораздо важнее, в самом деле цифровизации сыграла философия XX в.

Роль философии в цифровизации является положительной – положительной в смысле способствования цифровизации и онтологической трансформации. Это обусловлено позитивистской и «аналитической» позицией, воцарившейся в западной философии и гуманитарных науках в целом с начала XX в., с середины особенно. Скажем более, именно аналитическая философия как доминирующая в XX столетии философская традиция включает в себе начало цифровизации, ее исходную теоретическую основу.

Когда аналитическая философия ставит задачей референцию «пустых» значений (Спешилова 2013) и создание математико-логически верифицированного универсального языка, мы видим в этом ту же самую, «пробивающую» сущее стратегию, о которой мы говорим – обознаться просто невозможно. Пусть даже о «сущем» или «материи» речь при этом не идет (разумеется), важен сам принцип: приведение языка в состояние полного соответствия реальности, что означает зеркально – подчинение реальности языку. Причем речь идет об этом приведении не только в теоретическом, но и прагматическом смысле – в смысле «проекта», практической задачи. Даже при изначально узком, как у Б. Рассела (Рассел 1982), понимании реальности (существующего) как исключительно эмпирико-физической данности, нельзя не видеть далеко идущий смысл этой идеи, особенно с учетом ее реализации в пересечении с математикой. Это настоящая философско-методологическая основа языковой экспансии.

У лингвиста Н. Хомского в его исследованиях «глубинной структуры», «структуры непосредственно составляющих», «трансформационной структуры» (Хомский 1962, 1965) предметом является некий «врожденный» синтаксис, по сути, математическая система, действующая изнутри, но независимо от естественного языка (заложенная в человеке на сознательном или биологическом уровне и активирующаяся, когда ребенок усваивает язык), что пересекается с упомянутой выше идеей универсального синтаксиса. Открытием Хомского является порождающая грамматика, общая для всех языков модель, принципиально расширяющая понимание языка как тако-

вого и позволяющая распространять его на различные по природе системы (возможно, что эта модель есть один из «ключей», о которых мы говорили). Важно и неслучайно, что открытия Хомского сыграли роль в развитии программирования.

Обозначить немного можно в случае философии деконструкции, наиболее значительным представителем которой является Ж. Деррида. Может показаться, что, провозглашая деконструкцию как проект «разборки концептуальных оппозиций» (Деррида 2000: 72) или *перестройки* языка как разумной семантической системы – через вытеснение неравенства и централизма фундирующей язык бинарной оппозиции типа «центр/периферия», «означаемое/означающее», «главное (смысл)/второстепенное» – и разоблачая *логоцентризм*, он ставит задачей противодействие языковому централизму/господству (в структуралистском смысле) и тем самым предотвращает языковую экспансию. Но получается наоборот. То, с чем Деррида борется и что деконструирует, это классическая трехслойная онтологическая структура с языком в центре. Направляя удар (условно говоря) на эту структуру и расшатывая ее, Деррида не предотвращает экспансию, но, наоборот, открывает ей путь, разрушая стоящие у нее на пути классические формы.

Философия, лингвистика и другие гуманитарные науки подготовили основу (в чем мы лишь для иллюстрации выделили несколько пунктов). Институты, политически ведущие цифровизацию, использовали эту основу. Философия далее, на том уровне технологических, политических и в целом цивилизационных достижений цифровизации, которые имеются на момент 2020-х гг., уже давно не нужна (с одной стороны, а с противоположной – представлена лишь внеонтологическим гуманитарным символизмом, вроде предупреждающей концепции государства «голой жизни» Дж. Агамбена), да и вряд ли сами деятели этих институтов, выполняющие каждый определенные задачи, понимают их общий философский смысл, видят онтологический рисунок.

Когда К. Шваб, этот высокопоставленный и в силу своего положения высокоинформированный автор, прогностически заявляет о «влиянии на самую суть человеческого опыта (experience)» и пишет в своей книге о «приведении к формам человеческого приращения, которые заставят нас поставить под вопрос саму природу человеческого существования» (Schwab 2016: 92), едва ли даже он до конца понимает, что на самом деле это означает. Когда историк Ю.Н. Харари, апологет трансгуманизма и проповедник датаизма¹, прямо говорит в своем выступлении на Всемирном экономическом форуме, что «это не разумный замысел какого-то бога над облаками, но наш разумный замысел – разумный замысел наших облаков (intelligent

¹ Концепция движения информации как абсолютной ценности, прямо позиционирующая себя в качестве становящейся религии и основывающаяся на софизме: движение информации – это жизнь, жизнь – это высшая ценность, следовательно, движение информации – это высшая ценность, то есть подчиняющая все исторические и человеческие ценности (Харари 2018: 446). Можно было бы назвать датаизм идеологией экспансии языка как онтологической трансформации, если бы эта позитивистская концепция позволяла подразумевать какую-либо онтологию.

design of our clouds)», и столь же прямо пишет: «Если человечество и впрямь является единой системой обработки данных, то каков ее конечный продукт? <...> Таковым станет новая, еще более эффективная система обработки данных под названием Интернет Всех Вещей. Как только эта миссия человечества будет выполнена, Homo Sapiens исчезнет» (Харари 2018: 446), пожалуй, следует отнестись к этой прямизне серьезно. Однако не думаем, что за ней стоит по-настоящему серьезное понимание (во всяком случае, понимание, отталкивающееся от рациональных категорий, а не находящееся в плену внерациональной догматики и уже состоявшегося безумия). Вряд ли этот, опять же высокоинформированный, но совершенно позитивистски (вне категорий сущего) мыслящий профессор видит что-то подобное онтологической трансформации, как она показана в нашей статье.

То, что мы показали, является, по нашему мнению, настоящей, без традиционно-религиозной символики и гуманитарного пафоса, онтологией абсолютного зла. Эта онтология, как мы видим, есть актуальный проект сущего. Глобальная борьба, происходящая сейчас, в активном режиме с начала 2022 г., это отчаянное, однако не бессмысленное, имеющее основание и источник противодействие данному проекту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Городецкий М.В. 2021. Диалектика творения и проективная структура пространства // Идеи и идеалы. Т. 13, № 1-2. С. 357-376. DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376

Гуссерль Э. 2001. Логические исследования // Гуссерль Э. Собрание сочинений. Москва : Гнозис : Дом интеллектуальной книги. Т. III (1). 584 с.

Деррида Ж. 2000. О грамматологии. Москва : Ad Marginem. 520 с.

Кант И. 1994. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения : в 8 т. Москва : Чоро. Т. 3. 741 с.

Рассел Б. 1982. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Радуга. Вып. 13. С. 41-54.

Спешилова Е.И. 2013. Логико-онтологические проблемы референции пустых терминов: версия Б. Рассела // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 9. С. 268-272.

Харари Ю.Н. 2018. Homo Deus. Краткая история будущего. Москва : Синдбад. 496 с.

Хомский Н. 1962. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Москва : Издательство иностранной литературы. Вып. 2. С. 412-527.

Хомский Н. 1965. Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. Москва : Прогресс. Вып. 4. С. 465-576.

Schwab K. 2016. The Fourth Industrial Revolution. Geneva : World Economic Forum. 172 p.

Stanley S.A. et al. 2016. Bidirectional Electromagnetic Control of the Hypothalamus Regulates Feeding and Metabolism / S.A. Stanley, L. Kelly, K.N. Latcha et al. // Nature. Vol. 531, iss. 7596. P. 647-650. DOI 10.1038/nature17183

References

- Chomsky N. Logical Foundations of Linguistic Theory, *Novoje v lingvistike* [Innovations in Linguistics], Moscow, Progress, 1965, vol. 4, pp. 465-576. (In Russ.).
- Chomsky N. Syntactic Structures, *Novoje v lingvistike* [Innovations in Linguistics], Moscow, Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1962, vol. 2, pp. 412-527. (In Russ.).
- Derrida J. *Of grammarology*, Moscow, Ad Marginem, 2000, 520 p. (In Russ.).
- Gorodezky M.V. The Dialectic of Creation and the Projective Structure of the Space, *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2021, vol. 13, no. 1-2, pp. 357-376. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376
- Harari Yu.N. *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*, Moscow, Sindbad, 2018, 496 p. (In Russ.).
- Husserl E. Logical Investigations, E. Husserl *Sobranie sochinenij* [Collected Works], Moscow, Gnosis & Dom intellectualnoj knigi, 2001, vol. III (1), 584 p. (In Russ.).
- Kant I. The Critique of Pure Reason, I. Kant *Sochinenija v 8 t.* [Essays in 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 3, 741 p. (In Russ.).
- Russel B. Descriptions, *Novoje v zarubezhnoj ligvistike* [Innovations in Foreign Linguistics], Moscow, Raduga, 1982, vol. 13, pp. 41-54. (In Russ.).
- Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva, World Economic Forum, 2016, 172 p.
- Speshilova E.I. Logical and Ontological Problems of "Empty" Terms Reference's: Version by B. Russell, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2013, no. 9, pp. 268-272. (In Russ.).
- Stanley S.A., Kelly L., Latcha K.N. et al. Bidirectional Electromagnetic Control of the Hypothalamus Regulates Feeding and Metabolism, *Nature*, 2016, vol. 531, no. 7596, pp. 647-650. DOI 10.1038/nature17183

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марат Викторович Городецкий

доцент кафедры философии и истории Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия;
ORCID: 0009-0006-0783-0770;
ResearcherID: HSF-0167-2023;
SPIN-код: 6535-9796;
E-mail: monheim@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marat V. Gorodezky

Associate Professor, Department of Philosophy and History, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia;
ORCID: 0009-0006-0783-0770;
ResearcherID: HSF-0167-2023;
SPIN-code: 6535-9796;
E-mail: monheim@list.ru

Илларионов Г.А., Мосиенко М.К. «Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 30–50. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30

УДК 172.15

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_30

«Войны памяти» и проблема социально-эпистемологического релятивизма

Григорий Андреевич Илларионов

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

E-mail: bromov1917@yandex.ru

Михаил Константинович Мосиенко

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

E-mail: mmk1100@mail.ru

Поступила в редакцию 30.01.2023, поступила после рецензирования 05.03.2023, принята к публикации 06.03.2023

Актуальность исследования «войн памяти» косвенно подтверждается растущим числом научных работ, посвященных данному явлению, прямым же подтверждением значимости разработки этой области является тот факт, что в настоящее время «войны памяти» разворачиваются в радикально иных условиях по сравнению с теми, в которых они происходили в прошлом. Сегодня эти процессы протекают в контексте социально-эпистемологического релятивизма, «постправды» и поэтому приобретают новые качества, требующие теоретического осмысления. Цель настоящей статьи – раскрыть трансформации конфликтогенного общественного дискурса в отношении социального прошлого под влиянием социально-эпистемологического релятивизма. Поскольку исследование включает и область взаимосвязи социального прошлого с настоящим, и область социальной эпистемологии, в качестве методов выбраны, с одной стороны, максимально предпосылочно-нейтральный феноменологический метод, с другой – структурный и концептуальный анализ, подходящие для исследования эпистемологических концепций. Основываясь на полученных результатах, авторы статьи приходят к следующим выводам. «Войны памяти», понятие конструктивистски (особенно в рамках социально-эпистемологического релятивизма), не имеют обязательной связи с историческим процессом, они связаны лишь ассоциативно. Такие «войны» существуют в рамках эпистемологически анор-

© Илларионов Г.А., Мосиенко М.К., 2023

мального дискурса: в нем отсутствует институт экспертности, а нарративы само-референтны. «Войны памяти» основаны на противопоставлении «информация – неинформация». Под последней понимается любой нарратив оппонента, который предполагается не опровергать, а просто не рассматривать. Следовательно, цель «войн памяти» состоит не в обосновании истинности нарратива, а в монополизации позиции «рассказчика». При этом современные «войны памяти» отличаются от подобных «войн» прошлых эпох тем, что не создают цельных нарративов, они изменчивы и непоследовательны, поскольку память о прошлом воспринимается как инструмент решения текущих практических задач.

Ключевые слова: «война памяти», постправда, исторический нарратив, аномальный дискурс, конструктивизм, социально-эпистемологический релятивизм

Memory Wars and the Problem of Socio-Epistemological Relativism

Grigoriy A. Illarionov

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: bromov1917@yandex.ru

Mikhail K. Mosienko

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: mmk1100@mail.ru

Received 30.01.2023, revised 05.03.2023, accepted 06.03.2023

Abstract. The relevance of research on memory wars is indirectly reaffirmed by a growing number of scientific works on this phenomenon, while the direct proof of its significance is the fact that nowadays memory wars are evolving in a radically different context compared to those taken place in the past. Today they occur against the background of socio-epistemological relativism and post-truth and therefore acquire new qualities requiring theoretical understanding. The aim of this article is to analyze the transformations of conflictogenic public discourse in relation to the social past under the influence of socio-epistemological relativism. As this research encompasses both the interconnection between the social past and the social present and the sphere of social epistemology, the methods chosen are, on the one hand, more or less theoretically neutral phenomenological method, and, on the other hand, structural and conceptual analysis – the latter two being appropriate for the study of epistemological concepts. Based on the results obtained, the authors come to the following conclusions. Memory wars, understood from the constructivist standpoint (especially within the framework of socio-epistemological relativism), do not have any necessary connection with the historical process. They are linked only associatively. Such wars exist in the scope of an epistemologically abnormal discourse: it lacks the institute of expertise and its narratives are self-referential. Memory wars are based on the opposition between information and noninformation. Any opponent's narrative is tagged as noninformation, it is going not to be refuted, but just not to be considered. Hence, the aim of memory wars is not to justify the truth of the narrative but to monopolize the role of the narrator. Modern memory

wars differ from similar wars of past eras in that they do not create integral narratives, but remain fluid and inconsistent, because finality and consistency are not their aims: they perceive memory of the past as purely instrumental for accomplishing practical goals of today.

Keywords: memory war, post-truth, historical narrative, abnormal discourse, constructivism, socio-epistemological relativism

For citation: Illarionov G.A., Mosienko M.K. Memory Wars and the Problem of Socio-Epistemological Relativism, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 30-50. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_30

Введение

В инструментарии современной социально-политической активности и в изучающих этот инструментарий направлениях исследований заметное место занимают *memory studies* – исследования коллективной памяти, ставшие популярной методологической формой рассмотрения проблематики связи социального настоящего и социального прошлого. Как минимум одной из причин подобной популярности можно назвать ее очевидную связь с социально-политической практикой, что нашло выражение в словосочетании «войны памяти» – столкновения исторических нарративов и противоборствующих дискурсов, каждый из которых предполагает возможность достижения собственных целей посредством индоктринации индивидуальных и коллективных субъектов. И, вполне в духе постнеклассической научной рациональности, сложно или почти невозможно определить, где заканчивается дискурс самих «войн памяти» и начинается научный дискурс о них. Современный исследователь данной тематики В.А. Шнирельман отмечает, что одним из ключевых участников этнонациональных конфликтов на почве исторической памяти являются собственно историки, выполняющие функцию концептуализаторов и рассказчиков «исторических истин», становящихся позициями «войн памяти» (Шнирельман 2003: 15).

Сам по себе концепт «войны памяти» едва ли оригинален, он является ревитализацией многочисленных аналогичных концептов – «культурные войны», «имиджевые войны», «идеологические войны», «историческая коммеморация» и т.д. Феномен же подобных манипуляций может быть зафиксирован в мировой истории вплоть до древности. Например, в историческом отражении произошедшей в середине II тыс. до н.э. битвы при Кадеше каждая из сторон – хетты и египтяне – зафиксировала собственную победу, о чем оставили свидетельства (Murnane 1990: 55). В качестве примера работ, посвященных подобным «войнам памяти», можно привести исследование Я. ван дер Стеена, анализировавшего схожие конфликты в Нидерландах раннего Нового времени (Van der Steen 2013).

С нашей точки зрения, интересным для философского исследования является не столько сам феномен «войн памяти», обладающий исторической универсальностью и присутствующий в социуме в различных итера-

циях на протяжении известной истории, сколько его актуальное состояние в контексте того «поля боя», на котором «войны памяти» ведутся.

Широкий спектр гуманитарных концептов – от текущей современности З. Баумана, посттрадиционности Э. Гидденса и В. Нойзера до сетевого общества М. Кастельса – говорит о релятивизации общественного сознания, его постпарадигмальности, а конструктивистские методологии и постнеклассическая научная рациональность отмечают релятивизм сознания научного, эпистемологического. Простой формой концептуализации этого состояния стало понятие «постправда» – «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям»¹.

Выбор методологии нашей работы обусловлен тем, что она включает два больших исследовательских поля – тематику взаимосвязи социального прошлого с настоящим и тематику социальной эпистемологии, взаимной обусловленности теоретизированного и концептуализированного познания и сознания массового. Поскольку взаимосвязь социального настоящего и прошлого может анализироваться с почти неограниченного количества позиций, мы, во избежание предпосылочности и предвзятости, обратимся к феноменологическому методу, позволяющему обойти антиномии и противоречия подходов. В рассмотрении же проблематики социально-эпистемологического релятивизма мы обратимся преимущественно к структурному и концептуальному анализу посвященных этой тематике исследований.

Концептуальные основы изучения «войн памяти»

Начнем с того, что обозначим основное понятийное поле, в котором будем вести речь о «войнах памяти». Для этого обратимся сначала к тематике взаимосвязи социального прошлого и настоящего.

Метафора «память» в изучении взаимосвязи социального прошлого и настоящего является итерацией истории исследований воспроизводства социального бытия во времени. Более того, *memory studies* являются результатом применения конструктивистских подходов к обозначенной выше проблематике. Однако смысл конструктивистского подхода к проблематике связи социального прошлого с настоящим раскрывается только в контексте прочих подходов.

«Нулевой точкой» в проблеме соотношения социального прошлого и настоящего мы полагаем подход, который обозначим как «презумпция тождества». Это означает, что какой-либо объект социальной реальности рассматривается как самотождественный, а его протяженность во времени является имманентным свойством. Утрата самотождественности означает исчезновение этого объекта, превращение его в иной объект. Подобное значение имела метафора *traditio*, ставшая в дальнейшем

¹ Word of the Year. Post-truth in 2016 // Oxford Languages. 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 29.01.2023).

основой для соответствующего концепта. Это слово переводится как передача, вручение, в переносном смысле означает передачу прав, обучение¹. Взгляд на связь социального прошлого и настоящего подразумевает, что пока цепочка передач поддерживается и объект передачи сохраняется самоотжественным, традиция поддерживается, когда же ее содержание утрачено, традиция прерывается.

И.Г. Гердер был одним из первых авторов, поставивших вопрос о том, что воспроизводство социального бытия есть не просто имманентный процесс, но особый механизм, обуславливающий характер связи настоящего и прошлого (Гердер 1977). М. Вебер описывал подобные механизмы отношения социального прошлого с настоящим, применяя термин «традиция» к механизму, основанному на социальной привычке, противопоставляя ему ценностно-рациональные и целерациональные механизмы, которые согласно его модернистской концепции должны вытеснить иррациональность традиции, сделать отношения с прошлым осознаваемым и управляемым процессом (Вебер 1990). Эту линию мысли можно назвать объективистской, поскольку она ориентирована на выявление объективных законов функционирования механизма связи социального прошлого и настоящего – независимого от субъектов и детерминирующего их воспроизводства социального бытия. В рамках этого направления мысли Я. Ассманом популяризуется понятие «культурная память», подразумевающее «нейроментальный» уровень функционирования механизмов связи социального прошлого и настоящего (Assmann 2008).

Логос поиска объективных механизмов воспроизводства культуры в объективизме дополнялся этосом модернизации и пафосом Просвещения. К. Маркс высказался об этом следующим образом: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (Маркс 1957: 119). Модернизация – развитие мысли и ее научно-технических плодов – превратит связь социального прошлого и настоящего из иррационального, стихийного механизма традиции в разумно управляемый инструмент преобразования социума (Рахинский и др. 2021). Именно с критикой модернистского подхода к прошлому связано появление нового подхода – конструктивистского.

Конструктивизм отказывает механизму воспроизводства социального прошлого в настоящее в статусе объекта, антропологизируя процесс. Если метафора *traditio* подразумевает человека агентом действия объективированных структур воспроизводства социального бытия – традиции, то конструктивизм помещает это воспроизводство внутрь человека, в его субъективность. Так, культуролог-постмодернист Г. Гласси, говоря о традиции, стремится показать ключевую роль в ней индивидуального творческого начала (Glassie 1995). Для исследователя традиция есть не передача объекта, но переосмысление прошлого, всегда производимое субъектом в настоящем. Связь с социальным прошлым утрачивает в конструктивизме темпоральность, поскольку всегда осуществляется субъектом в его мышлении,

¹ Дворецкий И.Х. 1996. Латинско-русский словарь. Москва : Русский язык. С. 779.

где собственно прошлое – только предмет, который субъект определяет и относительного которого самоопределяется.

Эмпирической базой для конструктивизма в отношении традиции послужили исследования процесса модернизации незападных обществ. Например, Л. Рудольф и С. Рудольф в исследованиях 1960-х гг. показывали, как модернизация социально-политической системы Индии не только не преодолевает традицию, но и образует с ней органичные синтезы (Rudolph, Rudolph 1967). Из более современных источников можно упомянуть исследования влияния конфуцианской традиции на деловую культуру современной КНР (Янь 2004). В западных обществах ряд социологов, таких как И. Риттер, О. Марквард, Г. Люббе, констатировали подъем исторического сознания на волне успехов модерна, что фундировалось возрастанием институционализации практик восстановления прошлого – музеев, «наук о культуре», архивов. Это рассматривалось ими как реализация компенсаторной функции, возвратные процессы традиции на фоне давления на нее культуры модерна (Свистунов 2018).

Социальное прошлое, традиция, в течение XX столетия перестало рассматриваться как преодолеваемое в ходе модернизации. Социальное прошлое, в объективированном виде традиции или его субъективном измерении – «исторической памяти», продолжает быть необходимой частью социального бытия независимо от того, насколько оно модернизировано. Более того, конструктивистки понимаемая связь с прошлым сама по себе начинает рассматриваться как еще один инструмент в преобразовании социума. Среди наиболее известных концептов, описывающих это, выделим «изобретение традиции» Э. Хобсбаума, который объяснял, как конструкты недавнего изобретения в британском социуме функционируют как объекты «исконной старины» (Hobsbawm, Ranger 2014). Речь шла о фольклоре, политических обычаях, «народных традициях» Британии, являющихся очевидным «новоделом», призванным легитимировать ту или иную политическую практику, однако успешно выдаваемых за являющихся объектом *tradition* – передачи из прошлого. Субъективным выражением той же самой идеи можно считать и концепт «историческая память». Такое положение дел мы в одном из предшествующих исследований обозначили как инструментальный подход, то есть рассмотрение прошлого как конструкта восприятия, являющегося инструментом преобразования социального бытия в настоящем через воздействие на носителей этого конструкта (Рахинский и др. 2021).

Концепты «традиция» и «память» означают концептуальное раздвоение, разрыв темы связей социального прошлого и настоящего на идеальную и реальную. Наличие такого разрыва фиксировалось еще в эпоху Просвещения. Как писал Ю.М. Лотман, «вера в прогресс заставляет видеть в истории положительное начало. Но это относится лишь к истории Разума и успехам цивилизации. От этой истории отделяется неразумная история предрассудков, заблуждений, фанатизма. Последние отождествляются с традицией. Идеальной истории Разума противопоставляется реальная история предрассудков» (Лотман 1986: 194). Но если тогда речь шла о чисто идейном и

идеологическом разрыве между объективной историей прогресса и субъективной историей заблуждений, то во второй половине XX в. отношении социального настоящего с прошлым образует разрыв уже функциональный. Речь идет о вполне бодрыйяровском разрыве между «двумя историями»: с одной стороны, реальные, воспроизводимые во времени процессы, явления и институты, заключающиеся в не поддающихся исчислению скрытых связях обуславливания и детерминирований; с другой – история конструкций: «изобретенных традиций», исторических нарративов, «исторической памяти» и ее «войн».

Очевидно, что вышесказанное недостаточно для прояснения вопроса о «войнах памяти». Констатация того, что субъективное восприятие прошлого оторвано от реального прошлого, по сути, является просто констатацией отрыва мнения от предмета, или знака от его означаемого. Оно недостаточно для прояснения активизации «войн памяти». Именно поэтому мы должны поместить его в контекст социально-эпистемологический, что станет второй частью нашего рассуждения.

«Войны памяти» в контексте социально-эпистемологического релятивизма

Когда мы говорим о социальной эпистемологии, чаще всего речь заходит о том, как научное познание определяется социальными условиями его осуществления. Однако есть и обратное отношение, когда мы можем говорить о том, как осуществление познания, в том числе научного, влияет на порождающий его социум. Русский язык предоставляет удобный инструмент для простого выражения этой идеи – рассмотрение, как эпистемологическая категория «истина» взаимосвязана с «правдой» – «истиной на деле», по определению В.И. Даля¹. И именно с понятием «правда» связана социально-эпистемологическая проблематика, концептуализованная в понятии «постправда».

Несмотря на большое количество публикаций на тему постправды в последние годы, ее осмысление в настоящий момент далеко от завершения. С нашей точки зрения, ее проще всего прояснить от противного – будучи феноменом, относящимся к проблематике познания, она противоположна представлению о познаваемости реальности, лежащему в основе любой эпистемологии, обладающей позитивной программой. В начале XX в. логический позитивизм, а затем постпозитивизм в виде, например, критического рационализма К. Поппера, сформулировал утопический проект формирования эпистемологической парадигмы, значительно повлиявший не только на науку, но и на социум в целом. Эта эпистемологическая утопия заключалась в формировании дискурса – научного и общественного, основанного на: стремлении к соответствию высказываний доступной опыту реальности фактов; разумном открытом общественном диалоге; опираю-

¹ Даль В.И. 2003. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Москва : Русский язык-Медиа. Т. 3. С. 308.

щейся на логику и объективность эпистемологической «добросовестности», то есть стремлении видеть реальность такой, какая она есть независимо от мнений и вкусов людей. Описанием того, как должно функционировать общество, основанное на такой эпистемологической утопии, стала концепция «открытого общества» К. Поппера (Поппер 1992), а из более современных итераций можно назвать американскую философию веритизма, представленную такими авторами, как Д. Притчард, А. Миллар, А. Хэддок (Prichard, Millar, Haddock 2010). Они рассматривают эпистемологическую «добросовестность», то есть стремление познавать мир и говорить о нем с опорой на фактическую реальность, как безусловное благо и залог успешного функционирования общества. Постправда как концепт описания общественной проблемы эпистемологического релятивизма стала антиутопией по отношению к эпистемологической утопии позитивистов и веритистов.

В ситуации постправды эпистемологическая ориентация на объективную реальность фактов сменяется полнейшим равнодушием к ней. Драматург С. Тесич, которому приписывают первое использование этого термина, в эмоциональном эссе «Правительство лжи» указывал на такое положение дел в политическом дискурсе США, когда даже официально разоблаченная, явная ложь и дезинформация, приведшие к значительным практическим последствиям, никак не отражались на самом дискурсе, позволяя производить подобное раз за разом (Tesich 1992). Уотергейтский скандал, дело «Иран-контрас», ложь правительства Буша-старшего о войне в Персидском заливе, о которых писал Тесич, могли бы быть дополнены множеством примеров. Насколько эпистемологическая «добросовестность» позитивистов утверждала необходимость апелляции к реальности, настолько же дискурс постправды в реальности не нуждается, согласуясь не с фактами, но с собственными нарративами. Вместо разумного диалога рациональных субъектов, которые описывал К. Поппер, в ситуации эпистемологического релятивизма постправды в дискурсе господствуют «эмоции и личные убеждения»¹.

В постправде мы тоже обнаруживаем разрыв, схожий по структуре с тем, о котором мы говорили ранее в отношении связи социального прошлого и настоящего. Д. Робертс, еще один популяризатор понятия «постправда», определил его через разрыв между *policy*, то есть реальными процессами управления и администрирования, и *politics* – дискурсом, сопровождающим процессы управления и администрирования². Мы можем развить эту мысль в более широком эпистемологическом контексте, говоря о разрыве дискурса и практики. Здесь видно совпадение – историческая память, понимаемая как искусственный конструкт, служащий инструментом настоящего, перестает нуждаться в реальном прошлом, а в эпистемологическом релятивизме постправды дискурс в целом перестает соотносить себя с реальностью.

¹ Word of the Year. Post-truth in 2016 // Oxford Languages. 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 29.01.2023).

² Roberts D. 2010. Post-truth Politics // Grist. 01.04.2010. URL: <http://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics> (дата обращения: 29.01.2023).

Что это означает для связи социального прошлого и настоящего? Это означает оформление ее самореференции. Социолог Н. Луман определял самореференцию следующим образом: «Каждая операция данной системы отсылает к другой операции данной системы, поэтому можно говорить, что система ссылается на саму себя» (Луман 1999: 204). Для прояснения проведем аналогию. Когда мы говорим о современной новостной сфере, имеем в виду множество медианарративов, коммуникативных действий и их результатов. Имея дело с новостями, мы, не располагая непосредственным опытом относительно предмета повествования, можем соотносить новости только с другими новостями. Новости отсылают друг к другу, СМИ подтверждают или опровергают нарративы при помощи других нарративов, зрители с целью проверки информации одного нарратива также могут обратиться только к другому нарративу. Так новостная сфера самореферентна, за счет чего становится крайне продуктивна в формировании тех или иных субъективных конструкторов – объективная реальность не сдерживает ее, за исключением тех случаев, когда она непосредственно вторгается в опыт слушателя. Аналогичная ситуация в нарративах исторической памяти. Конструкторы памяти реферируют к другим конструкторам памяти, исторические нарративы реферируют к другим историческим нарративам, тем самым порождая коммуникативную реальность «истории» и «прошлого», не ограниченную реальным прошлым и историей. «Войны памяти» – это войны субъективных конструкторов, замкнутых в референции к самим себе.

Самореференция исторической памяти, как и дискурса эпохи постправды в целом, обуславливает бессилие собственно научного познания и эпистемологии в любых возможных коммуникативных «войнах», в том числе и войнах «памяти». Часто можно слышать утверждения о необходимости привлечения научной истории к делу «войн памяти», в русскоязычной литературе – к делу предотвращения «фальсификаций истории». Примеры таких публикаций можно в больших количествах найти в научных изданиях (Токарева 2021; Дорская 2022; Замараева 2022). Но историческая наука, кроме случаев, когда апелляция к ней призвана только замаскировать очередной конструктор исторической памяти, связана реальностью, которую она призвана отражать. Историческая наука стремится познавать реальность, она ограничена ею, несвободна в своих высказываниях, ее объекты изучения сложны и часто неопределенны, методологии противоречивы, результаты неполны, как и в любой науке. Историческая наука не может самореферентно создавать конструкторы, и это обуславливает ее слабость в конструктивистских «войнах памяти» и дискурсе общего эпистемологического релятивизма.

Была ли постправда всегда? Применительно к эпистемологическому релятивизму подобных взглядов придерживаются, например, антрополог Ю.Н. Харари (Харари 2019) и философ С. Фуллер (Fuller 2018). Применительно к прошлому конструктивистский подход демонстрируют сторонники нарративного подхода к истории, в частности, Р. Анкерсмит (Анкерсмит 2007). И в целом значительная часть постструктуралистской философии построена именно на развенчании метафизической мнимой объективно-

сти различных явлений социального бытия. Но даже если вся известная нам история, будь то социальная история или история идей, – это история конструктов, то мы можем рассмотреть это с позиций функционирования социальных институтов, которые подобные идеи вырабатывали и объективировали. Ведь даже если конструктивизм прав в своих взглядах и все социальное бытие состоит из субъективных конструктов, это не снимает вопроса, почему в настоящее время данные конструкты функционируют иначе, нежели в предшествующие эпохи. Вопрос в том, в результате каких институциональных трансформаций эпистемологический релятивизм и «войны памяти» активизировались именно сейчас, и почему они приняли свои текущие формы?

Одной из ключевых трансформаций является трансформация нормативности. Нормы познания – научного или любого другого – предполагают наличие особых ролей, которые мы можем обобщенно обозначить как экспертные. Историческое разнообразие этих позиций крайне велико – от знатоков обычаев и интерпретаторов священных текстов до формально признанных политических или научных авторитетов. Несмотря на различия в парадигмах, целях, методах, способах организации в конкретно-исторических примерах институционализованной экспертности, ключевым ее моментом была выработка «правды», то есть ориентиров знания. Слово «правда» мы в данном случае используем как противоположность постправде, о которой мы говорили ранее. Подобную функцию Р. Рорти приписывал и философии по отношению к эпистемологии, утверждая, что линия мысли, восходящая к Платону, Канту, Локку, «позволила профессиональным философам рассматривать себя в качестве председателей трибунала чистого разума, способных определить, остаются ли другие дисциплины в законных пределах, установленных “структурой” их предмета» (Рорти 1997: 102).

Упадок института экспертности, то есть упадок института выработки правды – нормы знания – популярная тема для философского обсуждения в настоящее время. Ее связывают с трансформацией в коммуникации, рождении массмедиа. Как пишет Н. Луман, «реальность массмедиа... замещает те ориентиры знания, которые в других общественных формациях формировались на основе выделенных позиций наблюдения: благодаря мудрецам, священникам, аристократам, городу, религии или этически и политически выделяющимся формам жизни» (Луман 2005: 72). Открыто говорить об упадке нормативной регуляции знания со стороны экспертов становится популярно в последние десятилетия. В качестве примера можно привести нашумевшую книгу Т. Николса “The Death of Expertise” («Смерть экспертизы») (Nichols 2017). Схожие идеи высказывают П.А. Ореховский и В.И. Разумов, связывая упадок экспертности с карнавализацией М.М. Бахтина (Ореховский, Разумов 2020, 2021). Результатом упадка экспертности является формирование аномального дискурса. Р. Рорти характеризует аномальный дискурс как то, что случается, когда человек, не ведающий об этих конвенциях или оставляющий их без внимания, присоединяется к дискурсу (Рорти 1997: 237). Современная массовая коммуникация

реализует аномальный дискурс весьма наглядно – Интернет и социальные сети создают плюральный дискурс, вступить в который может любой желающий, а успех его вступления определяется не содержанием утверждений, но широтой представленности в коммуникации.

Аномальность дискурса делает невозможным его регуляцию в строгом смысле этого слова, поскольку у нее нет формализованного субъекта, а разрыв с реальностью означает отсутствие определенного объекта. «Войны памяти» – это уже не войны, а скорее коммуникативные массовые драки, ведущиеся в многочисленных каналах массмедиа. Риторически здесь нет логоса, ведь он все же подразумевает эпистемологическую «добросовестность». Основой аномального дискурса становятся этос и пафос.

«Историческая память» в аномальном, не соотносящем себя с реальностью, дискурсе становится пространством эмоционально-этического софизма. «Человек есть мера истории – происходившего, что оно происходило, не происходившего, что оно не происходило», и при этом основой аргументации выступают обращения не к разуму, а к эмоциям и нравам.

Аномальность означает не отсутствие каких-либо норм вообще, а то, что массовая коммуникация не подвержена полноценному регулированию иных социальных институтов, действует согласно своей внутренней схеме. Н. Луман описывал эту схему как код «информация – неинформация» (Луман 2005: 72). Информация – это содержание, которое признано «существующим», которое следует учитывать и которым можно руководствоваться. Иными словами, информация – то, что желают воспринимать. Неинформация, напротив, представляет собой то, что воспринимать и учитывать не желают. В «войнах памяти» неинформация сигнифицируется как пропаганда, промывка мозгов, манипуляция и т.п. На более быденном языке код «информация – неинформация» можно выразить как «слушать – не слушать». Это вопрос не истинности или ложности сообщений, которую в случае массовых коммуникаций чаще всего невозможно установить, а вопрос того, что адресат информации «услышит», а что нет.

Механизмы и структурные связи «войн памяти»

Код «информация – неинформация» объясняет характер «войн памяти». Их цель – не доказать истинность своих высказываний, ведь это потребовало бы связать себя в своих высказываниях необходимостью соотноситься с реальностью, а пометить сказанное собой как информацию, а сказанное оппонентами – как неинформацию. Иными словам, цель «войн памяти» – не сформировать какой-то постоянный нарратив, миф, идеологию; ее цель – «заглушить» оппонента или, выражаясь актуальным сленгом, «отменить» его. Цель – сделать все высказывания оппонента заведомой неинформацией в каналах коммуникации. Споры вокруг Второй мировой войны – это не борьба за внедрение некоторого убеждения относительно нее, а борьба за право быть рассказчиком нарратива о ней. Аналогично и все многочисленные темы «войн памяти» – это борьба за позицию рассказчика и все сопутствующие ей выгоды. В эпоху постправды какая-либо опреде-

ленность становится скорее препятствием нарративу, заставляя считаться с реальностью. Важна только маркировка своего нарратива и его источников как источников информации, а источников оппонентов как неинформации.

Принцип «войн памяти» значительно отличается от классических войн идеологий, которые требовали формирования и развития собственного последовательного нарратива. Идеологии боролись за установление собственной парадигмы, собственного логоса, и их нарративы так или иначе были вписаны в идеологический метанарратив. Современные же «войны памяти» метанарратива не имеют и не стремятся его построить, они работают не с логосом, но с этосом и пафосом.

Еще одно принципиальное отличие «войн памяти» эпохи постправды от идеологических войн эпохи модерна – их дезинтегрирующий характер. Идеологические войны велись ради навязывания картины мира, парадигмы, языка. Их целью была реализация проектов объединения человечества на базе одной из идеологий. Прошлое выступало только одним из инструментов интеграции в настоящем во имя будущего, причем инструментом глубоко вторичным. В «войнах памяти» позитивные проекты будущего отсутствуют. Ведь если принять тезис о том, что целью «войн памяти» является «отмена» оппонента – исключение его из коммуникации и признание его высказываний неинформацией, то и любой возможный образ будущего строится на негативном основании. Например, западный воукизм базируется на отрицании ценностей предшествующих эпох – развенчании гендерной, расовой, сексуальной, этнической «социальной несправедливости» – прошлого и его артефактов, таких как памятники, произведения литературы, элементы языка, всего, что не соответствует нарративам *woke culture*, причем эти нарративы весьма непостоянны (Beliaev 2020).

Следствием негативного, отрицающего характера «войн памяти» и социально-эпистемологического релятивизма является то, что ключевым действием в них становится не столько запоминание, сколько забывание, забвение. Поскольку, говоря об исторической памяти, мы говорим о конструктах, их забвение можно разделить на первичное и вторичное.

К первичному забвению относится все, что направлено на уничтожение конструктов исторической памяти через уничтожение знаков, служащих их воспроизводству. Уничтожение материальных артефактов, таких как памятники, переименования, табуирование использования определенных слов и понятий. Такой метод конструирования памяти является классическим, и едва ли специфичен для современных «войн памяти». В нашей стране подобные практики в течение XX в. носили регулярный характер и до революции 1917 г. (например, переименование Петербурга в Петроград), и в советский, и в постсоветский периоды. При создании национальных нарративов постсоветское пространство перманентно пронизано первичным забвением.

Но куда интереснее для нас забвение вторичное, поскольку оно более специфично именно для ситуации эпистемологического релятивизма. Здесь речь идет о конструктах второго порядка – конструктах,

описывающих конструкты. Если первичные конструкты исторической памяти – это знаки прошлого, то конструкты второго порядка – это знаки о знаках прошлого. Проще говоря, это то, что говорится о прошлом в дискурсе постфактум. В исторической науке это соответствует историографии, однако историография все же эпистемологична, то есть подлежит экспертной регуляции, а цели ее состоят в раскрытии реальности. При элиминации экспертности основными каналами вторичных конструктов становятся массмедиа, где научность заведомо слабее в коммуникации по причинам скованности необходимостью согласовываться с реальностью. В настоящий момент социальные сети и новостные службы, блоги и каналы в *Telegram* являются полем распространения вторичных конструктов.

Забвение вторичных конструктов исторической памяти означает не «забыть то, что было», как в случае с первичными (безотносительно того, насколько этот конструкт в действительности отражал реальность), а «забыть то, что говорили о том, что было». Это забвение не предмета обсуждения, а предыдущих итераций обсуждения, предшествующих высказываний и знаков в отношении обсуждаемого. Историк А.И. Миллер, говоря о «войнах памяти» Второй мировой войны, фактически связывает их с актуальной повесткой современной международной политики, объясняя изменения дискурса исторической памяти политическими событиями и конфликтами (Миллер 2020). И если с точки зрения политической практики подобные колебания понятны и очевидны, то как такая привязка может реализовываться в контексте эпистемологии? Ведь политическая повестка меняется регулярно, и если мы привязываем к ней историческую память, то должны в каждой новой итерации нашей речи о прошлом забывать итерацию предшествующую. Каждой новой ситуации, каждому новому тренду нужно подобрать соответствующий инструмент – конструкт памяти, ее легитимирующий, а для этого требуется избавиться от инструмента предшествующего.

Приведем пример вторичного забвения конструктов исторической памяти в России. Так, дискурс, связанный с конструктами, предметом которого является Революция 1917 г., пересматривается в течение последних десятилетий с такой частотой и противоречивостью, что попытка представить его в виде последовательного нарратива напоминала бы шизофрению. Революция 1917 г. пережила и продолжает переживать перманентный ребрендинг – «Великая октябрьская социалистическая революция», «Февральский переворот» и «Октябрьский переворот», «Великая русская революция» и т.д. В соответствии с названием менялось содержание этих конструктов. И подобные колебания относятся не только к широкому общественному дискурсу, который всегда противоречив, но и к официальной позиции государства. В первой половине 1990-х гг. преобладал критический нарратив в отношении Революции 1917 г., индикатором чего была отмена каких-либо торжественных памятных мероприятий. В 1997 г. возник нарратив примирения, отраженный в соответствующем президентском указе: «Октябрьская революция 1917 года коренным образом повлияла на судьбу нашей страны. Стремясь впредь не допускать противостояния, в целях единения и консолидации российского общества постановляю: 1. Объявить праздни-

ный день 7 ноября Днем согласия и примирения. 2. Объявить 1997 год – год 80-летия Октябрьской революции – Годом согласия и примирения»¹.

В 2004 г., с учреждением Дня народного единства, нарратив о Революции 1917 г. был подчинен нарративу Великой Отечественной войны, где 7 ноября 1941 г. становилось в иерархии символов первичным по отношению к 7 ноября 1917 г. Как отмечают О.Ф. Русакова и Е.Д. Кочнева, «День военного парада в Москве на Красной площади в 1941-м году “выносил за скобки”, убирал в тень свой символический первоисточник» (Русакова, Кочнева 2017: 19). В дальнейшем в России формировался нарратив, который авторы обозначили как стратегию примирения. При этом данный нарратив демонстрирует заметную парадоксальность, которая «состоит в алогичном соединении идеи всемирно-исторического значения Великого Октября с негативным отношением к любым революционным практикам» (Русакова, Кочнева 2017: 26). Такая непоследовательность и парадоксальность, при этом вполне выполняющая свои функции легитимации, становится возможной благодаря вторичному забвению в каждой новой итерации нарратива. Конечно, предшествующее не забывается в прямом смысле слова, оно становится неинформацией, то есть тем, что перестает учитываться в функционировании массовой коммуникации.

Во вторичном забывании мы можем видеть прямое совпадение описания С. Тесичем политики США, что было концептуализовано им в понятии «постправда», и нашего описания «войн памяти», о которых мы говорим на российских примерах, очевидно подразумевая, что прочие субъекты «войн памяти» придерживаются схожего *modus operandi*. Тесич указывал на аналогичное забвение в отношении событий политической жизни США – как незаметно отошли в небытие громкие скандалы и разоблачения, не имея никаких последствий. Благодаря вторичному забвению цикл превращения информации в неинформацию позволяет деактуализировать любое содержание памяти, как долгосрочной, в случае исторической памяти, так и краткосрочной.

Результаты исследования

Мы можем сформулировать выводы относительно механизмов «войн памяти» в контексте социально-эпистемологического релятивизма.

1. «Войны памяти» основаны на конструктивистском понимании соотношения субъекта с его социальным прошлым, подразумевая «память» субъективным конструктом, рассматриваемым преимущественно инструментально в качестве функционального механизма достижения тех или иных прагматических задач. Будучи конструктом, историческая память опосредовано связана с реальными событиями прошлого, изучаемыми в рамках исторической науки, а в рамках социально-эпистемологического релятивизма, в рамках постправды вовсе теряет связь.

¹ Указ Президента РФ от 07.11.1996 г. № 1537 «О дне согласия и примирения» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10231> (дата обращения: 29.01.2023).

2. «Войны памяти» осуществляются в рамках аномального, с эпистемологической точки зрения, дискурса. Это означает элиминацию нормативных инстанций, которые можно обобщенно обозначить как экспертов, задающих критерии соответствия высказываний реальности (в случае «войн памяти» – реальности исторической). Высказывания в рамках подобного дискурса не стремятся отражать реальность, ориентируясь исключительно на внутреннюю логику самореферирующих нарративов. Авторитетами в рамках аномального дискурса выступают любые активные участники коммуникации, имеющие большой охват получателей информации.

3. Внутренняя логика «войн памяти» основана на бинарном коде «информация – неинформация», где информация – это содержание, которое признано «существующим», которое следует учитывать и которым можно руководствоваться. Целью «войн памяти» является не столько внедрение какого-либо конкретного содержания или убеждения относительно прошлого, сколько контроль над позицией «рассказчика» этого прошлого, причем нарративы и позиции весьма непостоянны и изменчивы. Содержание «войн памяти» преимущественно негативно, цель – «отмена» оппонента, признание его высказываний неинформацией, а его самого – заведомо несостоятельным.

4. Своеобразие современных «войн памяти» по сравнению с аналогичными процессами прошлых эпох заключается в разнице механизмов. Современные «войны памяти» не подразумевают последовательный нарратив, напротив, они крайне непоследовательны и часто содержательно парадоксальны, не стремятся сформировать единый и последовательный конструкт прошлого. Напротив, дискурс «войн памяти» построен на цикле постоянного забвения собственных предшествующих итераций. Это порождает фрагментарность, кратковременность и ситуативность исторической памяти.

Следует сказать и о перспективах «войн памяти». В большинстве тематических исследований их этос, вполне в духе конструктивизма и инструментального подхода к прошлому, сосредотачивается на разоблачении тех или иных приемов и механик «войн памяти» со стороны ее акторов, а также на указании на необходимость овладения этим инструментарием в целях выживания социумов в современной итерации «борьбы за умы». Однако мало внимания уделяется опасности использования данного инструментария. Метафорически выражаясь, каковы будут разрушения на полях битв «войн памяти», и возможно ли положение вещей, которое могло бы считаться «победой»?

Первая опасность «войн памяти» – их разрушительность. Они могут казаться нарративами больших политических проектов, служащими долгосрочным масштабным целям, каковыми были идеологические войны XX в. Но в действительности они ситуативны, подчинены сиюминутным интересам различных групп, из-за чего их нарратив непостоянен и противоречив. За «войнами памяти» нет основы в виде цели и проекта, они негативны, у них есть только «враг» – враждебный этнос, враждебное государство, враждебная идея, враждебное социальное явление. Безотносительно исто-

рической обоснованности/необоснованности каких-либо претензий и аргументов каких-либо из сторон, результатом «войн памяти» является дезинтеграция, углубление противоречий, эскалация конфликтов, а не их разрешение. «Войны памяти» на уровне государств и культур служат глобализации, распаду мира на враждующие политические лагеря, а на уровне отдельных обществ – трайбализации, фрагментации социума на противостоящие группы, что происходит, например, в современных США на почве «войн памяти» о рабстве, колониализме, религии и т.д., о чем открыто говорят бывшие идеологии глобализации и либерализма, такие как Ф. Фукуяма (Fukuyama 2018). Неважно, кто победит в какой-либо текущей их итерации, чья позиция будет преобладать, поскольку это станет основой для следующей итерации «войн памяти», новых конфликтов. Победа в «войнах памяти» невозможна.

Дезинтеграция и конфликтогенность – это разрушительные последствия «войн памяти» на политическом и социальном уровнях, но не менее разрушительны они и на уровне социально-эпистемологическом. Релятивизм постправды – равнодушного к реальности дискурса – является, вероятно, одним из ставших обыденными воплощений симуляции Ж. Бодрийера, однако это не означает, что реальность перестала быть силой, с которой нельзя считаться, полностью погружаясь в мир конструктов, симулякров и знаков. В случае «войн памяти» можно сказать, что историческая реальность – это не только конструкты исторической памяти, но и основания и причины происходящих общественных процессов, в исторической реальности находятся скрытые и явные механизмы и структуры воспроизводства социума, отношения человека с прошлым вообще, его детерминированность прошлым и его активная деятельность в условиях, прошлым обусловленных. Насколько историческая реальность познаваема – проблема, достойная отдельного рассмотрения, однако «войны памяти» и социально-эпистемологический релятивизм уничтожают даже интенцию к ее познанию, эпистемологическую «добросовестность». Люди, разумеется, всегда в той или иной степени были охвачены в своем отношении с прошлым конструктами, однако в эпоху постправды и «войн памяти» конструкты обретают статус единственного оперативно присутствующего в дискурсе способа отношения с прошлым. Едва ли можно представить себе лучший пример данной мысли, чем текущий конфликт на Украине. Когда акторы бесконечно сложных и комплексных процессов, обусловленных не менее сложными и комплексными процессами прошлого, руководствуются в своих действиях и решениях нарративами и конструктами «Великой Отечественной войны», «борьбы демократий и автократий», «вековой борьбы украинской нации» и т.п., утрачивается возможность разумного поведения, разумного диалога, разумного консенсуса, даже разумного целеполагания. Иррациональность поведения субъектов, ориентирующихся на иллюзии исторических конструктов, что видимым образом приводит к катастрофе, – основная опасность, порождаемая социально-эпистемологическим релятивизмом «войн памяти».

Наконец, третья опасность «войн памяти» в условиях эпистемологического релятивизма заключается в дефляции ценности прошлого вообще. Одним из лейтмотивов нарративов «войн памяти» является активное продвижение идеи о ценности истории, значимости исторической науки, важности ее мировоззренческой и воспитательной функций в рамках образования. Однако результат прямо противоположен заявленной цели. Ж. Бодрийяр отмечал, что главной проблемой социальных систем в семиотизированном обществе массовых коммуникаций становится не столько производство смысла, сколько производство спроса на смыслы. «Спрос на предметы и услуги, пусть и дорогой ценой, всегда может быть создан искусственно: у системы есть соответствующий опыт. Но потребность в смысле, но желание реальности, однажды исчезнув, восстановлению уже не поддаются. Для системы это катастрофа» (Бодрийяр 2000: 48). Быстрый цикл создания и забвения конструкторов исторической памяти в перспективе приведет к дефляции их значений, равнодушию. Спрос на нарративы «войн памяти», особенно в условиях, когда они сопровождаются катастрофами в реальности, приведет к тому, что эта связь социального настоящего и прошлого перестанет быть эффективным инструментом, каковым она является в рамках инструментального подхода к прошлому. «Войны памяти» призваны легитимировать, но калейдоскоп быстро возникающих и быстро забываемых конструкторов уничтожает их легитимирующую функцию, делает людей равнодушными к их знакам. «Войны памяти» призваны мобилизовать, но чем больше происходит употребление этого инструмента, тем в большей степени они ввергнут массы в апатию. «Масса впитывает всю социальную энергию, и та перестает быть социальной энергией. Масса вбирает в себя все знаки и смысл, и те уже не являются знаками и смыслом. Она поглощает все обращенные к ней призывы, и от них ничего не остается» (Бодрийяр 2000: 36).

В завершение нашего исследования отметим, что конструктивизм и инструментальный подход к прошлому отменили объективистское отношение к истории, переведя ее из статуса объективного воспроизводства социального бытия – традиции, в статус инструмента политической прагматики, чем открыли дорогу «войнам памяти». Однако в условиях мира эпистемологического релятивизма, постправды, этот инструмент стал столь же опасен для использующих его, как и для тех, против кого его используют. Ведь пока социумы ведут игры знаков, манипулятивные коммуникации и производство конструкторов, историческая реальность остается столь же опасной, рискогенной и комплексной. «Войны памяти» создают иллюзию, что служат целям управляющих ими, однако в действительности только делают нас слепыми к реальности, заслоняемой иллюзиями конструкторов памяти, и открывают дорогу к новым катастрофам, подобным тем, что уже произошли в последние годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анкерсмит Ф. 2007. Возвышенный исторический опыт. Москва : Европа. 612 с.
- Бодрийяр Ж. 2000. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 96 с.
- Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. Москва : Прогресс. С. 61-273.
- Гердер И.Г. 1977. Идеи к философии истории человечества. Москва : Наука. 703 с.
- Дорская А.А. 2022. Роль международного права в преодолении «войн памяти» // Образование и право. № 5. С. 21-26. DOI 10.24412/2076-1503-2022-5-21-26
- Замараева Е.И. 2022. Проблемы сохранения исторической памяти в эпоху цифровизации // Казанский педагогический журнал. № 3. С. 263-268. DOI 10.51379/KPJ.2022.153.3.034
- Лотман Ю.М. 1986. Архаисты – просветители // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения / под ред. М.О. Чудаковой. Рига : Зинатне. С. 192-208.
- Луман Н. 1999. Теория общества // Теория общества. Фундаментальные проблемы / под ред. А.Ф. Филиппова. Москва : Канон-Пресс-Ц. С. 196-235.
- Луман Н. 2005. Реальность массмедиа. Москва : Праксис. 256 с.
- Маркс К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат. Т. 8. С. 115-217.
- Миллер А.И. 2020. Вторая мировая война в «войнах памяти» // Новое прошлое. № 4. С. 222-231. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231
- Ореховский П.А., Разумов В.И. 2020. Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. Т. 12, № 3-1. С. 77-94. DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94
- Ореховский П.А., Разумов В.И. 2021. Наступление нарциссической культуры: последствия для образования, науки и политики // Идеи и идеалы. Т. 13, № 3-1. С. 84-102. DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102
- Поппер К.Р. 1992. Открытое общество и его враги. Москва : Феникс. Т. 1. 448 с.
- Рахинский Д.В. и др. 2021. Инструментальный подход к традиции в концептуальном и общественном контекстах / Д.В. Рахинский, Г.А. Илларионов, А.Н. Городищева, Н.А. Князев // Социодинамика. № 3. DOI 10.25136/2409-7144.2021.3.35210
- Рорти Р. 1997. Философия и зеркало природы. Новосибирск : Издательство Новосибирского университета. 320 с.
- Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. 2017. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Дискурс-Пи. № 3-4. С. 17-30. DOI 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730
- Свистунов А.В. 2018. Реконструкция традиций в контексте компенсаторной теории // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3. С. 127-133.
- Токарева Е.А. 2021. Современные войны памяти, или подходы к интерпретации исторических событий в истории, политике и образовании // Преподаватель XXI век. № 3-2. С. 288-300. DOI 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300
- Харари Ю.Н. 2019. 21 урок для XXI века. Москва : Синдбад. 416 с.
- Шнирельман В.А. 2003. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва : Академкнига. 592 с.

Янь Я. 2004. Управляемая глобализация. Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. Москва : Аспект Пресс. С. 27-56.

Assmann J. 2008. Communicative and Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin ; New York : De Gruyter. P. 109-118.

Beliaev V. 2020. Historical-Philosophical Aspects of the Problem of «Inhumane» in Sociocultural and Media Studies // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 2, iss. 1. P. 36-51. DOI 10.46539/gmd.v2i1.93

Fukuyama F. 2018. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy // *Foreign Affairs*. Vol. 97, iss. 5. P. 90-115.

Fuller S. 2018. Post-truth. Knowledge as a Power Game. London : Anthem Press. 209 p.

Glassie H. 1995. Tradition // *The Journal of American Folklore*. Vol. 180, iss. 430. P. 395-412.

Hobsbawm E., Ranger E. 2014. The Invention of Tradition. Cambridge : Cambridge University Press. 320 p.

Murnane W.J. 1990. The Road to Kadesh: A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak. Chicago : Oriental Institute of the University of Chicago. 157 p.

Nichols T. 2017. The Death of Expertise. New York : Oxford University Press. 252 p.

Prichard D., Millar A., Haddock A. 2010. The Nature and Value of Knowledge: Three Investigations. Oxford : Oxford University Press. 288 p.

Rudolph L.I., Rudolph S.H. 1967. The Modernity and Tradition: Political Development in India. Chicago : University of Chicago Press. 306 p.

Tesich S. 1992. A Government of Lies // *The Nation*. Vol. 254, iss. 1. P. 12-14.

Van der Steen J. 2013. A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609-21) // *Memory Before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe* / ed. by E. Kuijpers, J. Pollmann, J. Müller, J. van der Steen. Leiden ; Boston : Brill. P. 45-61. DOI 10.1163/9789004261259_004

References

Ankersmit F. *Sublime Historical Experience*, Moscow, Evropa, 2007, 612 p. (In Russ.).

Assmann J. Communicative and Cultural Memory, A. Erll, A. Nünning (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, Berlin & New York, De Gruyter, 2008, pp. 109-118.

Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities or, The End of the Social*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000, 96 p. (In Russ.).

Beliaev V. Historical-Philosophical Aspects of the Problem of «Inhumane» in Sociocultural and Media Studies, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 36-51. DOI 10.46539/gmd.v2i1.93

Dorskaya A.A. The Role of International Law in Overcoming “Memory Wars”, *Obrazovanie i parvo* [Education and Law], 2022, no. 5, pp. 21-26. (In Russ.). DOI 10.24412/2076-1503-2022-5-21-26

Fukuyama F. Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy, *Foreign Affairs*, 2018, vol. 97, no. 5, pp. 90-115.

Fuller S. *Post-truth. Knowledge as a Power Game*, London, Anthem Press, 2018, 209 p.

Glassie H. Tradition, *The Journal of American Folklore*, 1995, vol. 180, no 430, pp. 395-412.

Harari Y.N. *21 Lessons for the 21st Century*, Moscow, Sindbad, 2019, 416 p. (In Russ.).

Herder J.G. *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*, Moscow, Nauka, 1977, 703 p. (In Russ.).

Hobsbawm E., Ranger E. *The Invention of Tradition*, Cambridge, Cambridge University Press, 2014, 320 p.

Lotman Yu.M. Archaists – Enlighteners, M.O. Chudakova (ed.) *Tynyanovskij sbornik. Vtorye Tynyanovskie chteniya* [Tynyanov Collection. The Second Tynyanov Readings], Riga, Zinatne, 1986, pp. 192-208. (In Russ.).

Luhmann N. *The Reality of the Mass Media*, Moscow, Praksis, 2005, 256 p. (In Russ.).

Luhmann N. Theory of Society, A.F. Filippov (ed.) *Teoriya obshchestva. Fundamental'nye problemy* [Theory of Society. Fundamental Problems], Moscow, Kanon-Press-C, 1999, pp. 196-235. (In Russ.).

Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte, K. Marx, F. Engels *Sochineniya* [Collected Works], 2nd ed., Moscow, Politizdat, 1957, vol. 8, pp. 115-217. (In Russ.).

Miller A.I. The Second World War in Memory Wars, *Novoe proshloe* [The New Past], 2020, no. 4, pp. 222-231. (In Russ.). DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-222-231

Murnane W.J. *The Road to Kadesh: A Historical Interpretation of the Battle Reliefs of King Sety I at Karnak*, Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 1990, 157 p.

Nichols T. *The Death of Expertise*, New York, Oxford University Press, 2017, 252 p.

Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era, *Idey i idealy* [Ideas and ideals], 2020, vol. 12, no. 3-1, pp. 77-94. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94

Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. The Onset of Narcissistic Culture: Consequences for Education, Science and Politics, *Idey i idealy* [Ideas and ideals], 2021, vol. 13, no. 3-1, pp. 84-102. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-84-102

Popper K.R. *The Open Society and Its Enemies*, Moscow, Feniks, 1992, vol. 1, 448 p. (In Russ.).

Prichard D., Millar A., Haddock A. *The Nature and Value of Knowledge: Three Investigations*, Oxford, Oxford University Press, 2010, 288 p.

Rakhinsky D.V., Illarionov G.A., Gorodishcheva A.N., Knyazev N.A. Instrumental Approach towards Tradition in the Conceptual and Social Contexts, *Sociodinamika* [Sociodynamics], 2021, no. 3. (In Russ.). DOI 10.25136/2409-7144.2021.3.35210

Rorty R. *Philosophy and the Mirror of Nature*, Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1997, 320 p. (In Russ.).

Rudolph L.I., Rudolph S.H. *The Modernity and Tradition: Political Development in India*, Chicago, University of Chicago Press, 1967, 306 p.

Rusakova O.F., Kochneva E.D. Evaluations of the October Revolution in the Official Discourse of the Politics of Memory, *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2017, no. 3-4, pp. 17-30. (In Russ.). DOI 10.17506/dipi.2017.2829.34.1730

Shnirelman V.A. *Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia*, Moscow, Akademkniga, 2003, 592 p. (In Russ.).

Svistunov A.V. Reconstruction of Traditions in the Context of Compensatory Theory, *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya* [The Herald of Adyge State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Studies, Cultural Studies], 2018, no. 3, pp. 127-133. (In Russ.).

Tesich S. A Government of Lies, *The Nation*, 1992, vol. 254, no. 1, pp. 12-14.

Tokareva E.A. Modern Wars of Memory or Approaches to Interpretation of Historical Events in History, Politics and Education. *Prepodavatel' XXI vek* [Lecturer XXI century], 2021, no. 3-2, pp. 288-300. (In Russ.). DOI 10.31862/2073-9613-2021-3-288-300

Van der Steen J. A Contested Past. Memory Wars during the Twelve Years Truce (1609-21), E. Kuijpers, J. Pollmann, J. Müller, J. van der Steen (eds.) *Memory Before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe*. Leiden & Boston, Brill, 2013, pp. 45-61. DOI 10.1163/9789004261259_004

Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism, M. Weber *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, pp. 61-273. (In Russ.).

Yan Y. Managed Globalization. State Power and Changes in Chinese Culture, P. Berger, S. Huntington (eds.) *Mnogolikaya globalizaciya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire* [Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World], Moscow, Aspekt Press, 2004, pp. 27-56. (In Russ.).

Zamaraeva E.I. Problems of Historical Memory Preservation in Digitalization Era, *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2022, no. 3, pp. 263-268. DOI 10.51379/KPJ.2022.153.3.034. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорий Андреевич Илларионов

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия;

ORCID: 0000-0002-1676-3796;

SPIN-код: 7523-6350;

E-mail: bromov1917@yandex.ru

Михаил Константинович Мосиенко

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия;

ORCID: 0000-0001-6090-0340;

SPIN-код: 9348-8519;

E-mail: mmk1100@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoriy A. Illarionov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia;

ORCID: 0000-0002-1676-3796;

SPIN-code: 7523-6350;

E-mail: bromov1917@yandex.ru

Mikhail K. Mosienko

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Philosophy Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia;

ORCID: 0000-0001-6090-0340;

SPIN-code: 9348-8519;

E-mail: mmk1100@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Давыдов Д.А. Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 51-89.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_51

УДК 32

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_51

Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма

Дмитрий Александрович Давыдов

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

*Поступила в редакцию 13.09.2022, поступила после рецензирования 11.01.2023,
принята к публикации 16.01.2023*

Статья посвящена поиску ответа на вопрос, почему на Западе правые популисты и консервативные авторы стали пользоваться популярностью среди представителей рабочего класса и бедных. Данный вопрос напрямую затрагивает проблематику эволюции левой политической мысли: левые все реже интересуются классовой борьбой и все чаще рассуждают о гражданских правах и экологии. Основной посыл статьи заключается в том, что идейные противоречия среди современных левых перестанут казаться аномальными, если отойти от представления о переходе к посткапиталистическому обществу как процессу, в ходе которого интересы наиболее экономически уязвимых удовлетворяются в первую очередь. Напротив, как показывают факты, становление посткапитализма можно ассоциировать с увеличением социальной

© Давыдов Д.А., 2023

прослойки, состоящей из тех, кто уже не борется за выживание и не испытывает острой материальной нужды. Они формируют свои собственные левые повестки, говоря о системном угнетении, гомофобии, расизме, сексизме, трансфобии, эйблизме или загрязнении окружающей среды. Ключевая проблема заключается в специфике представлений о мире левых постматериалистов: а) их постепенно перестает заботить социально-экономическая проблематика как таковая; б) их взгляды становятся наивными и идеалистическими, актуальными только для их собственной безопасной среды; в) они фокусируются на решении тех проблем, которые, по их мнению, вызваны потреблением и экономическим ростом, а это часто противоречит интересам наиболее уязвимых в социально-экономическом смысле. В статье утверждается, что серьезным симптомом нарастающего антагонизма между материалистами и постматериалистами являются сами дискурсы консерваторов и республиканцев, которые становятся все более экономикоцентричными и привлекательными для немалой части бедного населения и рабочего класса. Более того, консервативные критики левых нередко убедительны в своем разоблачении левого идеализма и антиматериализма. Это заставляет усомниться в актуальности дихотомии «левые/правые».

Ключевые слова: марксизм, постмарксизм, посткапитализм, постматериализм, мультикультурализм, глобализация, миграция, экологический алармизм, гражданские права, социализм

When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism

Dmitry A. Davydov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Received 13.09.2022, revised 11.01.2023, accepted 16.01.2023

Abstract. The article is devoted to the search for an answer to the question of why in the West, right-wing populists and conservative authors have become in demand among representatives of the working class and the poor. This question directly affects the problems of the evolution of left-wing political thought: leftists are less and less interested in class struggle and more and more often talk about civil rights and ecology. The main message of this article is that the ideological contradictions among the modern Left will no longer seem anomalous if we move away from the idea of the transition to a post-capitalist society as a process in which the interests of the most economically vulnerable are satisfied in the first place. On the contrary, as the facts show, the formation of post-capitalism can be associated with an increase in the social stratum, consisting of those who are no longer struggling for survival and are not in acute material need. They shape their own left agendas by talking about systemic oppression, homophobia, racism, sexism, transphobia, ableism, or environmental pollution. The key problem lies in the specifics of the ideas about the world of left-wing post-materialists: a) they are gradually ceasing to care about socio-economic issues as such; b) their views are becoming naive and idealistic, relevant only to their own secure environment; c) they focus on solving the

problems that they believe are caused by consumption and economic growth, and this is often contrary to the interests of the most vulnerable in the socio-economic sense. The article argues that a serious symptom of the growing antagonism between materialists and post-materialists is the very discourses of Conservatives and Republicans, which are becoming increasingly economically centered and attractive to a considerable part of the poor and the working class. Moreover, conservative critics of the contemporary leftists are often convincing in their exposure of left-wing idealism and anti-materialism. All this makes us doubt the relevance of the left-right dichotomy.

Keywords: Marxism, post-Marxism, post-capitalism, post-materialism, multiculturalism, globalization, migration, ecological alarmism, civil rights, socialism

For citation: Davydov D.A. When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 51-89. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_51

Хотя класс никогда не был одним из моих приоритетов как активиста, я понимаю, что значит терпеть экономические трудности. Я все еще расплачиваюсь за свой второй винный холодильник. И я знаю много людей из рабочего класса. Кейт Миддлтон, например.

Титания МакГрат¹

Почти половина бездомных в стране проживает в Калифорнии – штате, который утверждает, что проводит самую прогрессивную политику в отношении бедных.

В.Д. Хэнсон

Введение

Сегодня наблюдается довольно странная ситуация. Никогда еще левые не были столь заметными в западном мире. Они доминируют в академическом сообществе, они преобладают в СМИ, они проникают в бизнес, заставляя «проснуться» (woke) миллиардеров, они среди знаменитостей всех мастей: от блогосферы до киноиндустрии. Мы могли бы назвать их словом «леволибералы», но это будет слишком упрощенной картиной. На самом деле, среди них много искренне считающих себя марксистами, революционерами и даже радикалами. И все же в 2016 г. они были повержены капиталистом Д. Трампом, никогда не ассоциировавшим себя с левыми движениями и тем более с марксизмом. Все бы ничего, но оказалось, что Трамп победил благодаря голосам представителей белого рабочего класса и людей без высшего образования, причем отнюдь не только по причине их расизма или традиционализма².

¹ Титания МакГрат – вымышленный пародийный персонаж. Создатель и ведущий твиттер-аккаунта @TitaniaMcGrath британский комик и колумнист Э. Дойл характеризует ее как радикальную поэтессу-интерсекционалистку, приверженную феминизму, социальной справедливости и вооруженному мирному протесту. См.: McGrath T. 2019. *Woke: A Guide to Social Justice*. London : Constable. 160 p.

² Одно из возможных объяснений расизма и традиционализма некоторой части жителей «красных» штатов приводится далее.

Как так получилось? Почему правые оказались левее левых? В настоящей статье нам хотелось бы показать, что сложившаяся ситуация свидетельствует не просто о глубинной неудаче левой идеи; и это не только симптом разногласий по поводу тактики борьбы за равенство/справедливость, демократию/свободу и общность/солидарность, хотя все это тоже имеет место. Здесь стоит задать более принципиальный вопрос: почему многие бедные и уязвимые в социально-экономическом плане люди отреклись от тех, кто по идее должен представлять их интересы, и предпочли тех, кто, казалось бы, является их главным врагом?

Основной посыл данной статьи заключается в том, что идейные противоречия среди современных левых перестанут казаться аномальными, если *отойти от представления о борьбе с капитализмом как о совокупности событий или общественных процессов, в ходе которых интересы наиболее уязвимых в материальном смысле удовлетворяются в первую очередь*. Напротив, *зарождение посткапитализма можно ассоциировать с увеличением и возвышением социальной прослойки, состоящей из тех, кто уже не борется за выживание и не испытывает острой материальной нужды*. Ключевая проблема заключается в «картине мира» таких постматериалистов: а) их постепенно перестает заботить социально-экономическая проблематика как таковая; б) их взгляды становятся наивными и идеалистическими, актуальными только для их собственной безопасной среды, но не для тех, кто более уязвим в экономическом смысле; в) они фокусируются на решении тех проблем, которые, по их мнению, вызваны потреблением и экономическим ростом, а это часто противоречит интересам наиболее уязвимых в социально-экономическом смысле. Сложность такого расклада состоит в том, что постматериалисты действительно в каком-то смысле являются антикапиталистами. Однако на все это можно посмотреть по-другому. Что, если интересы постматериалистических левых довольно часто идут вразрез с интересами старых, материалистических левых? Что, если постматериалисты – представители новых элит, а переход к посткапитализму вовсе не означает торжества эгалитаризма? Такая постановка вопроса приводит нас к гипотезе о том, что современный идейный раскол между левыми *больше похож на раскол между правыми и левыми*, но уже применительно к другой, посткапиталистической реальности.

Статья состоит из двух частей. В первой рассматривается концепция постматериализма Р. Инглхарта. По нашему убеждению, данная концепция позволяет по-новому взглянуть на перспективу посткапитализма, если абстрагироваться от политических убеждений самого Инглхарта. Хотя знаменитый социолог и настроен оптимистично по отношению к «тихой» постматериалистической революции (прежде всего как процесса вытеснения материалистических ценностей постматериалистическими), он не может не признавать, что успех Д. Трампа отчасти был обусловлен как неприятным значительной долей населения постматериалистических ценностей, так и «материалистическим» дискурсом Трампа, который помог ему завоевать симпатии представителей белого рабочего класса и/или людей без высшего образования. Во второй части статьи мы постараемся показать, что се-

ррезным симптомом нарастающего антагонизма между материалистами и постматериалистами являются дискурсы консерваторов и республиканцев, которые становятся все более экономикоцентричными и привлекательными для немалой части бедного населения и рабочего класса. Наконец, в заключении будет поставлен вопрос об актуальности современной дихотомии «левые/правые».

NB! Мы в своей статье не встаем ни на чью сторону, нашей целью не является демонстрация чьей-либо правоты. Цитируя консервативных авторов, мы желаем оценить их аргументы не столько с фактической, сколько с ценностно-риторической точки зрения: какие темы они поднимают, о каких проблемах говорят и, стало быть, к кому, к какой социальной базе обращаются. Для нас важны идейные акценты, свидетельствующие о том, что идейная база левых перестала выражать интересы внушительной части бедных и социально уязвимых. Соответственно, демонстрируя аргументацию консервативных авторов, мы лишь показываем, что эта идейная ниша заполняется ими (то есть правые для многих становятся «левее левых»). Однако в некоторых случаях мы будем обращаться к результатам эмпирических исследований, а также демонстрировать дискуссионность ряда вопросов, показывая, что аргументы консерваторов не стоит оценивать как сплошной популизм и, соответственно, игнорировать их как абсолютно нерелевантные. Наконец, мы будем ссылаться не только на аргументы правых, но и на позицию тех левых, которые со скепсисом смотрят на прогрессивные левые дискурсы, выражающие интересы постматериалистов.

«Тихая революция», опередившая время

В марксистской традиции переход к посткапиталистическому обществу принято ассоциировать с освободительным движением, в результате которого люди коллективно, по результатам политической революции или через серию демократических реформ сбрасывают «бремя нужды», социализируют экономику, чтобы впоследствии дружно заняться «нематериальными» вопросами: творчеством, всесторонним развитием личности, на худой конец – «утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике». Однако это только один из возможных сценариев, причем не самый вероятный. Другой вариант, который разворачивается на наших глазах, намного более сложный и противоречивый по своим проявлениям. Посткапиталистические общественные отношения, согласно данному сценарию, формируются не в результате освобождения основной массы людей от цепей материального, а по причине освобождения от этих цепей лишь некоторой части населения (беспрецедентной по историческим меркам); и не в результате политической борьбы, а просто по мере достижения состояния экзистенциальной безопасности (экономический рост плюс научно-технический прогресс, улучшающий качество жизни). Для относительного меньшинства борьба за материальные блага может деактуализироваться вовсе, особенно если они

заражаются левыми идеями о вреде чрезмерного потребления. Эта часть населения начинает как бы жить в *посткапиталистической реальности*. Они могут заниматься наукой и творчеством, думать о гражданских правах или глобальном потеплении, но фактически они, условно говоря, забираются на башню из слоновой кости, то есть считают, что их собственные проблемы и их собственное мировидение уже являются актуальными для всего мира.

Не нужно отдельно эмпирически обосновывать то, что мы наблюдаем реализацию именно второго сценария. Многое уже сделал знаменитый социолог Р. Инглхарт. В книге 1977 г. “The Silent Revolution” («Тихая революция») он показал, что беспрецедентно высокий уровень экзистенциальной безопасности послевоенной эпохи привел к смещению ценностей западного общества из поколения в поколение: от преобладания материалистических ценностей к преобладанию ценностей постматериалистических. Под материализмом Инглхарт понимает систему ценностей, связанную со стремлением к удовлетворению материальных потребностей (таких как безопасность, средства к существованию и кров) и акцентом на материальную роскошь. Постматериализм, соответственно, означает упор на защиту окружающей среды, сексуальную либерализацию, борьбу за права человека, гендерное равенство, космополитизм и уважение прав гомосексуалов, иммигрантов, инвалидов и этнических/расовых меньшинств. Люди, иными словами, перешли от того, чтобы уделять первостепенное внимание экономической и физической безопасности и соблюдению групповых норм, к усилению внимания к *самовыражению и личной свободе* (Inglehart 1977).

С момента первых публикаций о «тихой революции» накопился огромный массив эмпирических данных, подтверждавших гипотезу Инглхарта (Inglehart 1997, 2008). Сам социолог руководил проектом *World Values Survey*, в рамках которого были проведены репрезентативные опросы более чем в 100 странах, где проживает 90% населения мира. Первая волна опросов была осуществлена в 1981 г., последняя завершена в 2019 г. В одной из последних работ, написанных Инглхартом в соавторстве с П. Норрис, анализируются данные кросстемпоральных социологических исследований. Ученые отмечают, что тенденция к росту постматериалистических ценностей не останавливается, даже несмотря на частые помехи в виде экономических кризисов: представители молодых поколений все чаще отвечают, что они более терпимы к «нетрадиционной» сексуальности, что они ценят свободу, мультикультурализм и разнообразие больше, чем традиционные нормы и ценности, что проблема загрязнения окружающей среды гораздо важнее, чем экономический рост, а космополитизм они предпочитают национализму (Norris, Inglehart 2019).

Сам Р. Инглхарт с оптимизмом смотрит на «тихую революцию»: расширение постматериалистических ценностей якобы укрепляет гражданскую культуру и способствует развитию демократии (Инглхарт, Вельцель 2011). В конце концов, акцент на самореализации, свободе, разнообразии может быть хорош сам по себе, тем более это неизбежное следствие процессов модернизации, в результате которых общество становится более открытым, толерантным, свободным. Однако такой оптимизм небеспо-

рен. Так, примечателен тот факт, что «тихая революция» совпала с началом доминирования неоллиберализма. Пока новые левые и гражданские активисты боролись за разнообразие и инклюзивность, социально-экономическое неравенство неуклонно росло. Здесь можно также задуматься, насколько глубока постматериалистичность постматериалистических ценностей: насколько те, кто говорит, что придерживается ценностей самоактуализации, свободы или разнообразия, соответствуют образам самоотверженных граждан, способных жертвовать чем-то ради других (Давыдов 2018). Но для нас важнее иная проблема: *постматериализм, как правило, не нейтрален, а враждебен по отношению к материализму*. Иными словами, обычно интересы постматериалистов противостоят интересам материалистов.

NB! Одно из распространенных возражений относительно тезиса о противоречивости интересов материалистов и постматериалистов заключается в следующем: самовыражение может обретать разные формы. Одной из основных, по Инглхарту, является гражданское участие, решение общественных проблем. Разве круг этих общественных проблем сводится исключительно к экологии, борьбе за права гомосексуалов и этнических меньшинств? Почему бы не считать таким гражданским самовыражением, например, борьбу с бедностью и инициативы поддержки бездомных, безработных, борьбу за снижение цен на образование, медицинские услуги? Стоит отметить, что это вполне возможно, но не противоречит нашему общему тезису (в конце концов, Ф. Энгельс был представителем буржуазии и коммунистом одновременно). То есть вряд ли само по себе наличие людей, чья самореализация связана с борьбой за, скажем, права трудящихся, социологически значимо, так как речь идет именно о больших ценностных сдвигах. «Ось самовыражения» у Инглхарта содержит следующие элементы: респондент отдает приоритет самовыражению и качеству жизни, а не экономической и физической безопасности (это важно!); респондент описывает себя как очень счастливого; гомосексуализм, по его мнению, оправдан; он подписал или подпишет петицию; респондент не думает, что нужно быть очень осторожным в доверии людям. В то же время ценности выживания подчеркивают следующее: мужчины становятся лучшими политическими лидерами, чем женщины; респондент недоволен финансовым положением своего домохозяйства; женщина должна иметь детей, чтобы быть удовлетворенной; респондент отвергает иностранцев, гомосексуалов и людей со СПИДом в качестве соседей; респондент выступает за больший акцент на развитии технологий; респондент не перерабатывал вещи для защиты окружающей среды; респондент не присутствовал на собрании и не подписал ходатайство о защите окружающей среды; при поиске работы хороший доход и безопасная работа важнее, чем чувство выполненного долга и работа с людьми, которые вам нравятся; респондент в целом благосклонно относится к государственной собственности на бизнес и промышленность; ребенку нужен дом с матерью и отцом, чтобы расти

счастливого; респондент не описывает собственное здоровье как очень хорошее; нужно всегда любить и уважать своих родителей, независимо от их поведения; когда рабочих мест не хватает, мужчины имеют больше прав на работу, чем женщины; респондент не имеет большого свободного выбора или контроля над своей жизнью; воображение не является одной из самых важных вещей, которым нужно научить ребенка. Иными словами, по этим меркам вряд ли можно понять, являются ли постматериалисты действительно заинтересованными в активизме в пользу рабочего класса. Напротив, мы видим, что именно материалистам свойственно благосклонно относиться к государственной собственности на бизнес и промышленность. Это можно косвенно понять и как приветствие *welfare state*, в то время как *ценности постматериалистов по большому счету либеральны*.

Можно ли создать собирательный (но не универсальный, так как возможны исключения) образ человека, придерживающегося постматериалистических ценностей и удовлетворяющего соответствующей классификации в исследованиях Р. Инглхарта? Это человек, которого редко интересуют вопросы добывания средств к существованию. Периодически он может испытывать те или иные экономические трудности, но они не критичны и не занимают все его время. Он больше занят делами, ассоциируемыми с, грубо говоря, антиматериалистичностью (например, аскетизм ученых и художников или искусство, «подлинность» которого определяется некоммерческими мотивами созидательной деятельности). Поскольку экзистенциальная безопасность обеспечена, он часто задумывается, как сделать этот мир лучше. Он может быть осведомлен об экономическом неравенстве или существовании огромного количества бедных, но эти вопросы он считает не такими актуальными, как сексизм, расизм или трансфобия. Он также сильно обеспокоен глобальным потеплением и считает, что необходимо принимать жесткие меры для сокращения темпов экономического роста (*post-growth*) и объемов потребления. Поскольку постматериалист обычно хорошо образован, он имеет в некотором смысле идеалистические представления о мире. Если к этому добавить, что его навыки и умения, скорее всего, востребованы в современной глобализированной креативной экономике, он с большой вероятностью будет космополитом, то есть будет выступать за отмену национальных барьеров, общечеловеческие идеалы свободы перемещения, открытости, мультикультурализма. Это отнюдь не весь образ, но уже здесь можно разглядеть основания для антагонизма между постматериалистами и материалистами. Если одних не сильно интересуют проблемы поддержания экономического роста, то для других экономика имеет первостепенное значение; если одни желают сократить эмиссию CO₂, то другие страдают от сокращения рабочих мест в добывающей промышленности и от роста цен на энергию в результате зеленых инициатив; если для одних терпимость, мультикультурализм и открытые границы – это идеал просвещенного человечества, то для других – это ужас конкуренции за рабочие места, обусловленной низкооплачиваемой рабочей силой мигрантов. Не составит труда увидеть здесь то

место, на которое смог «надавить» Д. Трамп. Капиталист и консерватор, сокративший налоги для богатых, нашел общий язык со многими бедными, которых перестали слышать их бывшие левые союзники. Правый оказался левее левых.

К данному умозаключению могут возникнуть закономерные вопросы. В конце концов, вплоть до своей смерти в 2021 г. Р. Инглхарт не переставал активно осмыслять происходящее. В книге 2019 г. "Cultural Backlash" («Культурная реакция») Инглхарт и Норрис представили свою версию событий. Подъем правого популизма был обусловлен тем, что люди, придерживающиеся традиционных ценностей (по факту утверждается, что они явные или скрытые расисты, ксенофобы, националисты, религиозные шовинисты, сексисты, гомофобы), почувствовали себя уязвимыми перед растущей долей постматериалистов, а также перед последствиями борьбы за реализацию постматериалистических ценностей (рост влияния ЛГБТ-сообщества, активная иммиграция, агрессивная зеленая политика демократов и т.д.). В общем, это была преимущественно культурная «реакция», а экономика если и была фактором, то второстепенным. Однако, судя по статистике, которую приводят сами авторы, не видно, чтобы экономический фактор был незначительным. В их книге мы видим, что материалисты в 3,8 раза чаще голосовали за Трампа, чем за Клинтон, в то время как чистые постматериалисты в 14,3 раза чаще голосовали за Клинтон, чем за Трампа (Norris, Inglehart 2019: 345). Также говорится, что Трамп набрал много голосов в общинах за пределами мегаполисов, сильно зависящих от обрабатывающей промышленности, особенно уязвимых перед конкуренцией со стороны китайского торгового импорта, такого как электроника и текстиль (Norris, Inglehart 2019: 351). Как они заключают, те, кто считал, что экономика работает плохо, и те, кто чувствовал себя хуже, также с большей вероятностью поддержали Трампа. «В целом мы находим поддержку как теории экономического недовольства, так и теории культурной реакции. Они, кажется, усиливают друг друга, но культурная негативная реакция явно сыграла доминирующую роль в решении людей голосовать за Трампа или Клинтон» (Norris, Inglehart 2019: 363).

«Второстепенность» экономического фактора выводится Норрис и Инглхартом из того факта, что избиратели с доходом менее \$ 50 тыс. предпочли Клинтон Трампу, а избиратели с более высокими доходами отдали предпочтение республиканцу (например, согласно одному из экзитполов, 53% людей с доходом ниже \$ 30 тыс. отдали голоса Клинтон, в то время как только 41% проголосовали за Трампа¹). Но здесь можно сместить акцент: целых 41% беднейших людей проголосовали за капиталиста и республиканца Трампа. Тем более стоит учитывать, что среди беднейших (например, те, кто живет на пособия) огромная доля расовых и других меньшинств, а также женщин, которые голосовали за Клинтон не столько «кошельком» (хотя

¹ Cole N.L. 2019. How Did Race, Gender, Class, and Education Influence the Election? // ThoughtCo. 09.07.2019. URL: <https://www.thoughtco.com/race-gender-class-and-education-4111369> (дата обращения: 12.09.2022).

именно демократы более щедры на всяческие пособия¹), сколько по причине доминирования дискурсов политики идентичности (вернемся к этому далее). Также стоит обратить внимание на размытость категории «рабочий класс», к которой обращаются Норрис и Инглхарт. Они не проясняют, какие конкретно профессии были отнесены к этой категории. Как показывают тенденции последних лет, сегодня рабочим классом считают себя очень многие, но не факт, что они являются представителями промышленного рабочего класса, пострадавшими от деиндустриализации и глобализации.

NB! Н. Карнес и Н. Лупу, крупнейшие американские исследователи классового электорального поведения, приводят данные трех самых крупных панельных опросов: *American National Election Studies* (ANES), *Cooperative Congressional Election Study* (CCES), *Views of the Electorate Research Survey* (VOTER). Они показывают, что среди избирателей Д. Трампа в 2016 г. белый рабочий класс составлял 31% – ровно столько же, сколько у М. Ромни в 2012 г. По данным этих опросов, Трамп действительно получил большинство голосов белого рабочего класса. Но то же самое сделали М. Ромни в 2012 г., Дж. Буш-младший в 2004 г., Дж. Буш-старший в 1988 г., Р. Рейган в 1984 и 1980 гг. Поддержка белым рабочим классом республиканской партии – тренд последних 40 лет, в котором нет ничего специфического от Трампа. Напротив, в 2016 г. такая поддержка перестала расти (см.: Carnes, Lupu 2021). Тем не менее стоит заметить, что сохранение достаточно высокой доли белого рабочего класса в структуре электората – это уже достижение, ведь доля этой социальной прослойки среди населения США сокращается (доля белых достаточно быстро уменьшается: с 80% в 1980 г. до 58% в 2020 г.²). Более того, речь идет не только о белом рабочем классе, но и о людях без высшего образования (это пересекающиеся, но все же разные категории). Дж. Уиден из Пенсильванского университета проанализировал данные CCES и пришел к выводу, что Трамп привлек на 12–14% больше белых без 4-летнего высшего образования, чем Ромни, «оттянул кучу избирателей с обочины»³. Можно посмотреть и на

¹ Разумеется, никто не говорит, что демократы вообще не решают проблему социально-экономического неравенства. Прогрессивные левые дискурсы не являются абсолютно идеалистическими или нематериалистическими. Проблема не в их нематериалистичности как таковой, а во внутренней противоречивости: когда забота о материальных интересах одних (например, в рамках «позитивных действий» или политики идентичности) противоречит постматериалистической политике, бьющей по материальным интересам других (например, в рамках «зеленого перехода», способствующего росту тарифов на коммунальные услуги, о чем речь пойдет далее).

² Krogstad J.M., Dunn A., Passel J.S. 2021. Most Americans Say the Declining Share of White People in the U.S. is Neither Good nor Bad for Society // Pew Research Center. 23.08.2021. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/08/23/most-americans-say-the-declining-share-of-white-people-in-the-u-s-is-neither-good-nor-bad-for-society/> (дата обращения: 12.09.2022).

³ The Trump Coalition // We the Pleeple. Social Science for the Pleepls. 10.03.2017. URL: <https://www.pleepls.org/2017/03/10/the-trump-coalition/> (дата обращения: 12.09.2022).

данные *General Social Survey*, позволяющие оценить, какова доля голосовавших за Д. Трампа и Х. Клинтон в 2016 г. среди тех, кто ассоциирует себя с категориями «низший класс» и «рабочий класс». В 2012 г. за Б. Обаму голосовало 76% тех, кто относил себя к *lower class* и 61% представителей *working class*. В 2016 г. наблюдается рекордный по своей динамике спад (судя по данным с 1965 г.) поддержки кандидата-демократа со стороны этих групп: лишь 58% (–18%) *lower class* и 48% (–13%) *working class*¹. Все это говорит о том, что на Обаму многие бедные люди и представители рабочего класса возлагали большие надежды, которые так и не были оправданы. Анализ исследователей Стэнфордского университета Дж. Гриммера и У. Марбла – на материалах *Cooperative Congressional Election Study* (CCES), *American National Election Studies* (ANES) и имеющейся литературы по сравнению избирательных блоков на выборах 2012 и 2016 гг. – продемонстрировал, что тезис о расовом консерватизме среди избирателей Трампа как главной причине его победы на выборах 2016 г. крайне спорен, поскольку значительные его успехи были достигнуты среди белых с умеренным отношением к расе и иммиграции. Итоги голосования Трампа улучшились больше всего среди колеблющихся избирателей: белых с низким социально-экономическим статусом, которые придерживаются умеренных политических взглядов (Grimmer, Marble 2019).

Исследование политических пожертвований на основе базы данных Федеральной избирательной комиссии (FEC), проведенное в 2015 г.², позволило выявить политические предпочтения людей разных профессий. Соотношение «демократы к республиканцам» среди оказывавших поддержку преимущественно республиканцам таково: шахтер – 10 к 90, нефтяник – 11 к 89, кровельщик – 19 к 81, подрядчик по механическому оборудованию – 19 к 81, лесоруб – 24 к 76, электротехнический подрядчик –

¹ Key Trends // GSS Data Explorer. URL: <https://gssdataexplorer.norc.org/trends> (дата обращения: 12.09.2022).

² Федеральная избирательная комиссия США предоставляет данные, которые показывают, кто и какой вклад внес в определенную политическую кампанию: когда внес, сколько внес, профессия внесшего вклад и др. *Verdant Labs* агрегировали эти данные и применили простую формулу для каждой профессии: $\text{Dem \% for occupation} = \# \text{ of people who primarily gave to Dems} / \text{total Dem contributors} + \text{Rep contributors}$. Стоит правда, отметить приблизительность данных, о чем говорят сами авторы исследования: «...предостережение в отношении этой методологии заключается в том, что мы предполагаем, что демократы и республиканцы жертвуют примерно с одинаковой частотой. Другими словами, мы предполагаем, что разделение взносов учителей-демократов и учителей-республиканцев в соотношении 75/25 приводит к разделению 75/25 учителей-демократов и учителей-республиканцев в общей численности населения. Если на самом деле, скажем, учителя-республиканцы свободнее распоряжаются своими кошельками и имеют более высокий уровень взносов на душу населения, наше соотношение для этой профессии будет немного искаженным. Таким образом, коэффициенты следует рассматривать как приблизительные». См.: *Democratic vs. Republican Names* // Verdant Labs. 13.04.2016. URL: <http://verdantlabs.com/blog/> (дата обращения: 12.09.2022).

26 к 74, молочный фермер – 27 к 73, фермер – 29 к 71, водитель грузовика – 31 к 69, прораб – 32 к 68. Демократы пользовались популярностью у представителей следующих профессий: хореограф (100 к 0), дизайнер костюмов (100 к 0), телережиссер (98 к 2), книжный редактор (97 к 3), социолог (96 к 4), профессор истории (95 к 5), социальный работник (93 к 7), режиссер фильмов (92 к 8), грузчик (89 к 11), эколог (88 к 12), музыкальный продюсер (91 к 9), бармен (89 к 11), таксист (85 к 15), официант/официантка (80 к 20), бухгалтерский клерк (61 к 39), фабричный рабочий (56 к 44)¹. Конечно, демократов поддерживали чаще те, кто относил себя к категории «фабричный рабочий», а также, к примеру, таксисты и официанты/официантки. Но последние две категории – представители сферы услуг, то есть речь идет не о тех людях, которые остались запертыми без какой-либо серьезной поддержки и надежды в своих неблагополучных городках, наиболее сильно пострадавших от деиндустриализации и неолиберализма. Если добавить к фабричным рабочим шахтеров, нефтяников, лесорубов и прочие типично «республиканские» рабочие профессии, то можно как минимум усомниться, что демократы пользуются поддержкой подавляющего большинства рабочего класса. При этом речь идет об исследовании 2015 г., основывающемся на данных, которые были актуальны до того, как Д. Трамп начал проводить свою популистскую «материалистическую» избирательную кампанию. Похожее исследование с анализом данных FEC было проведено организацией по поиску работы *Zippia* в 2022 г. Мы видим схожую картину, но теперь доля фабричных рабочих, поддерживающих демократов, стала меньше. В целом картина очевидна. Процентное соотношение поддержавших демократов и республиканцев таково: профессор истории – 94,1% и 5,9%; редактор – 91,9 и 8,1; ученый – 88,4 и 11,6; музыкант – 86,6 и 13,4; артист – 85,9 и 14,1; разработчик ПО – 83,9 и 16,1, но фабричный рабочий – 52,5% и 47,5%; дворник – 51,1 и 48,9; кузовной рабочий – 47,8 и 52,2; слесарь – 47,1 и 52,9; бакалейщик – 46,9 и 53,1; строитель – 45,3 и 54,7; автомеханик – 41,9 и 58,1; полевой инженер – 41,5 и 58,5; сельский перевозчик – 39,5 и 60,5; путевой обходчик – 34,6 и 65,4; оператор установки – 32,5 и 67,5; каменщик – 24,8 и 75,2; кровельщик – 21,9 и 78,1; лесоруб – 13,6 и 86,4².

NB! Здесь могут возникнуть вопросы к «неакадемическому» статусу *Verdant Labs* (разработчик ПО) и *Zippia*. Однако отметим, что они лишь визуализировали открытую информацию. Наше доверие к представленным данным обусловлено тем, что более позднее исследование во многом повторило результаты первого. Более того, эти результаты воспроизводились также другими авторами и организациями. К примеру, соответствующий материал опубликован в газете “Washington

¹ Democratic vs. Republican Occupations // Verdant Labs. URL: http://verdantlabs.com/politics_of_professions/ (дата обращения: 12.09.2022).

² Morris K. 2023. Democratic vs. Republican Jobs: Is Your Job Red or Blue? // Zippia. The Career Expert. 02.02.2023. URL: <https://www.zippia.com/advice/democratic-vs-republican-jobs/> (дата обращения: 10.02.2023).

Post»¹. В 2020 г. эксперты *Bloomberg* проанализировали данные² о взносах с онлайн-платформ пожертвований *ActBlue* и *WinRed*. Результаты аналогичны: наиболее «республиканские профессии» – владелец бизнеса, водитель, фермер, механик, водопроводчик. Среди самых «демократических» – профессор, продюсер, социальный работник, редактор и т.п. Есть также и академические исследования по отдельным группам профессий. Например, анализ политических пожертвований ученых (Kaurov et al. 2022) или обзор голосования представителей рабочего и креативного классов³.

Когда правые левее левых

Те аспекты эволюции политической мысли правых (здесь изучается опыт прежде всего США и Великобритании, хотя, как будет показано далее, он отчасти актуален и для России), о которых пойдет речь, не означают, что консерваторы и республиканцы неожиданно стали настоящим левыми. По большинству вопросов они все те же консерваторы, ценящие превыше всего традиционные ценности и придерживающиеся идеи рыночной свободы. Тем не менее в последнее время они стали все чаще поднимать вопросы, актуальные именно для немалой доли бедных и представителей рабочего класса. Далее мы посмотрим, как некоторые авторы (преимущественно левые, тяготеющие к ценностному материализму) оценивают современный постматериалистический левый мейнстрим. Затем по каждому из вопросов отдельно рассмотрим аргументы консерваторов, свидетельствующие об их не совсем правых взглядах.

¹ Bump P. 2015. How Democratic or Republican is Your Job? This Tool Tells You // The Washington Post. 03.06.2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2015/06/03/how-democratic-or-republican-is-your-job-this-tool-tells-you/> (дата обращения: 12.09.2022).

² Эти данные собраны из ежемесячных заявок *FEC Actblue* и *Winred*, онлайн-платформ доноров для демократов и республиканцев. Показаны все уникальные доноры, которые передали любую сумму денег в период с 1 января по 1 октября 2020 г. либо Трампу, либо Байдену через свои комитеты президентской кампании или комитеты по сбору средств, такие как «Фонд победы Байдена» и «Фонд победы Трампа», или комитет Трампа «Сделай Америку снова великой». О профессиях сообщают сами доноры через *ActBlue* и *WinRed*. См.: Gu J. 2020. The Employees Who Gave Most to Trump and Biden // *Bloomberg*. 02.11.2020. URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2020-election-trump-biden-donors/> (дата обращения: 12.09.2022).

³ Поддержка Трампа тесно связана с долей рабочих профессий в штате – сварщики, водители тракторных прицепов, механики автобусов и грузовиков и т.д. Также она соотносится с большей долей профессий класса обслуживания, таких как повара столовых, продавцы запчастей и кассиры. При этом лишь несколько профессий творческого класса – технологи-рентгенологи, техники по охране труда и технике безопасности – коррелируют с поддержкой Трампа. См.: Florida R. 2018. Why Is Your State Red or Blue? Look to the Dominant Occupational Class // *Bloomberg*. 29.11.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-28/how-occupational-class-influences-u-s-voting-patterns> (дата обращения: 12.09.2022).

Политика идентичности и забытые проблемы рабочего класса. П. Норрис и Р. Инглхарт пишут о «культурной реакции», желая показать, что успех республиканцев (или, к примеру, правых популистов в Европе) обусловлен, скорее, расизмом белых или культурным шовинизмом, нежели объективными экономическими проблемами. В этом смысле они находятся в левом тренде последних лет, в рамках которого политика идентичности с идеями «системного расизма», «системного угнетения», доминирования белых трансгендерных мужчин и пр. вытесняет любые другие концепции и идеи из левой политической мысли. Но разговоры о «привилегиях белых» могут вызывать закономерные вопросы у многих бедных, представителей белого рабочего класса или «исчезающего среднего класса». В то время как мотивы белого рабочего класса часто отвергаются как расистские или ксенофобские, многие его представители, как показало исследование Дж. Уильямс, не видятся со своими семьями, лишь бы заработать на то относительно небольшое, что у них есть. И они понимают, что живут не сильно лучше бедняков (среди них большое количество темнокожих и латиноамериканцев), которые практически не работают, но зато получают щедрые пособия (см.: Williams 2017).

Почему Трамп оказался «коммунистом» на фоне современных левых? Среди возможных объяснений игнорирование демократами¹ классовой проблематики. Для них права трансгендеров или темнокожих долгое время были наиболее важной темой. Как отмечает левый критик «расового редуционизма» Т. Рид, вместо того чтобы продвигать прогрессивную повестку дня, ориентированную на рабочий и средний классы, экономическое видение Обамы, как и Клинтон до него, разбило надежды многих трудящихся на то, «что они будут зарабатывать больше, чем мелочь на карманные расходы. В то время как члены профсоюзов выступали за Обаму в 2008 и 2012 гг., президент Обама мало чего сделал, чтобы заслужить их поддержку» (Reed 2020: 77-78). О том, что левые не уделяют должного внимания проблемам рабочих, что тематика социально-экономического неравенства отошла на второй план в их дискурсах, пишут многие авторы. Разумеется, некоторые левые политики, например, Б. Сандерс, или интеллектуалы (Стиглиц 2020) все еще ставят в центр внимания экономику. Однако тот же Сандерс фактически испытал на себе все неприятные последствия травли со стороны левых, которые обвиняли его то в расизме и недостаточном внимании к «угнетению черных» (в ответ на скепсис относительно выплаты «репараций» темнокожим), то в шовинизме (в ответ на критику мер по увеличению числа гастарбайтеров).

Такой ситуацией не преминули воспользоваться консервативные оппоненты левых. К примеру, политический обозреватель Д. Д'Суза в книге "United States of Socialism" («Соединенные Штаты социализма») пишет, что

¹ В США именно с демократами связывают левую идею. Хотя большинство демократов – либо либералы, либо леволибералы, немалое количество среди них людей, прямо апеллирующих к социал-демократии и/или марксизму (Б. Сандерс, А. Окасио-Кортес и др.).

социалисты в значительной степени отказались от рабочего класса. Программа улучшения условий жизни простых граждан и рабочих превратилась в скоординированные усилия, направленные на то, чтобы эти самые граждане и рабочие «чувствовали себя нежеланными и демонизированными в их собственной стране». Социализм в Америке сегодня превратился «в черный против белого, женский против мужского, гомосексуальный и транссексуальный против гетеросексуального, а нелегалы против легальных иммигрантов и американских граждан. Типичный социалист сегодня – это не профсоюзный парень, который хочет более высокой заработной платы; это транссексуальная экофеминистка, которая марширует на митингах Антифа и *Black Lives Matter* и бросает цементные блоки в своих политических оппонентов» (D'Souza 2020: 87).

В этой связи может возникнуть вопрос: не является ли сама политика идентичности отчасти материалистической? К примеру, сторонники критической расовой теории часто видят причину бедности многих темнокожих в «системном расизме». Однако правые авторы отвечают подчас весьма убедительной критикой сомнительных (опирающихся на нефальсифицируемые допущения) левых дискурсов о якобы практически повсеместном расизме (см.: Sowell 2019; Horowitz 2021; Lindsay 2022). Скорее, политика идентичности способствует дезинтеграции рабочего класса, распаду его на многочисленные группы, объединенные теми или иными «конфликтующими» идентичностями. Поскольку левые все больше склоняются к постмодернистским спекуляциям¹ и видят «микроагрессию» или «системное угнетение» почти везде, «войны идентичностей» оказываются практически неразрешимыми. Как пишут консервативные критики политики идентичности Х. Плакроуз и Дж. Линдси², некоторые материалисты критиковали левых постмодернистов «за проведение нематериального и субъективного анализа дискурса, который обычно проводится в состоятельной академической среде, игнорируя при этом важные, широко распространенные материальные проблемы, особенно бедность» (Pluckrose, Lindsay 2020: 114).

Космополитизм и иммиграция. Как уже было отмечено, постматериалист – это тот, кто открыт миру и не приемлет национальных границ. Д. Гудхарт (его трудно называть правым или консерватором, но его идеи важны для понимания сути соответствующего конфликта) придумал неплохую альтернативу классовой оптике: один из серьезных социальных расколов связан с противоречием между людьми, видящими мир откуда угодно (*anywheres*), и людьми, видящими его откуда-то (*somewheres*). Постматериалисты – это именно *anywheres*, то есть своеобразные «граждане мира», преодолевшие этнонационализм, проявляющие «универсальный гуманизм» и воспринимающие мир в идеалистическом ключе мультикультурного мира. *Anywheres* приветствуют миграцию и даже считают, что

¹ Так называемый прикладной постмодернизм (Pluckrose, Lindsay 2020) или культурный марксизм – постмарксизм в духе Э. Лакло и Ш. Муффа (Laclau, Mouffe 2014).

² На выборах 2020 г. Дж. Линдси призывал голосовать за Трампа.

гражданские права не должны давать никаких «привилегий». Они также часто приветствуют транснациональные организации и не имеют ничего против глобализации.

Правда, идеализм *anywheres* лукав, поскольку они находятся в выгодных условиях: образование позволяет им быть востребованными везде, поэтому если *где-то* возникнут проблемы, они быстро сменяют свое местоположение, на что не всегда способны «укорененные» люди. Анализируя данные социологических исследований, Д. Гудхарт заключает, что большая группа жителей глобальной деревни находится в сфере высшего образования и среди творческих людей. Как он пишет, *anywhere* «обычно считает себя толерантным, социально осведомленным и прогрессивным, но ключевые составляющие мировоззрения *anywhere* – открытость, меритократия, автономия и принятие изменений – имеют тенденцию приносить пользу богатым и способным и с гораздо меньшей вероятностью принесут пользу тем, кто находится в нижней части спектра доходов и способностей, по крайней мере, в краткосрочной перспективе» (Goodhart 2017: 34). Основная группа, которая проиграла в результате последней волны глобализации, – это бедные люди в богатых странах (в основном от деиндустриализации). Кроме того, существует проблема утечки мозгов из стран Центральной и Восточной Европы: «20 млн человек покинули Восточную Европу за последние двадцать пять лет, из которых 80% направились в страны Западной Европы. С 2011 по 2013 г. Румыния потеряла почти треть своих врачей в других странах ЕС. Для некоторых стран это не просто утечка мозгов, а настоящий демографический кризис» (Goodhart 2017: 86). Как справедливо замечает Гудхарт, правый популизм в современных западных странах стал чем-то вроде нового социализма. Почти все европейские популистские партии в настоящее время имеют подавляющее большинство избирателей из рабочего класса, и большая часть из них проводят политику, которая может быть описана как государственническая/протекционистская (Goodhart 2017: 63). Соответственно, раскол между *anywheres* и *somewheres* прямо повлиял на голосование по Брекситу, так как само это голосование было классово-коррелированным: за «остаться» высказались 57% представителей высших социальных классов, но только 36% представителей «низов» (Goodhart 2017: 22).

Правые авторы в последнее время довольно часто выступают с протекционистскими высказываниями (протекционистская позиция Д. Трампа и его симпатии к «необразованным людям» общеизвестны). Консервативный историк и обозреватель В. Хэнсон в своей книге “The Dying Citizen” («Умиравший гражданин») очень долго рассуждает об экономических проблемах граждан, пострадавших от глобализации. Причем в некоторых местах трудно узнать в авторе сторонника республиканской партии. «Возродилась, – пишет он, – древняя, но неосуществимая идея космополитизма, теперь движимая привилегированными утопистами, наделенными возможностью путешествовать по всему миру, финансами и коммуникациями XXI в. Они редко страдают от реальных последствий своих собственных непрактичных идей, учитывая, что их сила, богатство

и влияние, порожденные американскими гражданами, в значительной степени освобождают их от обязанностей, которые так сильно ложатся на средний и низший классы – будь то чрезмерное регулирование экономики ради окружающей среды или принесение интересов американских рабочих в жертву иностранному коммерческому и торговому хищничеству. Его архитекторы сосредотачиваются на далеком и анонимном зарубежье, в меньшей степени на конкретных американцах поблизости – как будто теоретические рассуждения о таких проступках, как использование пластиковых пакетов или использование природного газа за границей, могут компенсировать неспособность решить проблемы бездомности в Америке, снижения заработной платы, эпидемии наркотиков и сокрушительных студенческих долгов» (Hanson 2021: 19).

Похожая ситуация с иммиграцией. Левые постматериалисты называют правых, выступающих за ограничение нелегальной иммиграции (стена на границе с Мексикой уже стала притчей во языцех), расистами и шовинистами, однако «открытые границы» далеко не всегда хороши для бедных людей без образования (о конкуренции на рынке труда речь пойдет далее). Более того, такие границы не способствуют тому, чтобы правительства увеличивали инвестиции в человеческий капитал. Зачем вкладываться в профессиональное образование, если можно импортировать нужную рабочую силу? Как замечает Д. Гудхарт, в Великобритании благодаря активной иммиграции работодатели смогли резко сократить свои учебные счета в последние годы и заменить местных подростков. «Государственный сектор также смог сократить бюджеты на обучение медсестер и нанять уже обученных медсестер из Португалии или Польши. Правительства и работодатели смогли отложить давно назревшую реформу инфраструктуры профессионально-технического обучения в Великобритании. <...> Между тем в районах с высокой иммиграцией граждане, выполняющие средне- и низкоквалифицированную работу, скорее всего, будут еще чаще ощущать себя заменяемыми винтиками в экономической машине, поскольку они подвергаются более серьезной конкуренции с различного рода посторонними» (Goodhart 2017: 100).

NB! Уже давно ведутся дискуссии о том, каков экономический эффект от иммиграции. Здесь показательна полемика в США. В 2017 г. был опубликован скандальный отчет Федерации за американскую иммиграционную реформу (FAIR), согласно которому «общая годовая стоимость нелегальной иммиграции» составила \$ 116 млрд. FAIR пришла к этому числу, вычитая уплаченные нелегальными иностранцами налоговые поступления – около \$ 19 млрд, из общего экономического воздействия нелегальной миграции в \$ 134,9 млрд. Этот отчет был раскритикован многими экспертами. Так, Институт Катона, американская частная исследовательская и просветительская организация либертарианского направления, выпустил свой «фактчекинг», где указал на то, что эксперты FAIR завышали данные о государственных издержках на мигрантов (например, учитывались траты на образование детей иммигрантов, рожденных в США, то есть автоматически

уже становившихся гражданами)¹. Так или иначе, даже учитывая преувеличения и преуменьшения в анализе *FAIR*, многие эксперты склонны отмечать, что государственные затраты (например, на предоставление неотложной медицинской помощи) на нелегальных мигрантов достаточно велики (до \$ 50 млрд), что подтверждают данные независимых исследований². Более того, с частью критики со стороны Института Катона можно не согласиться, например, где они утверждают, что неправомерно учитывать расходы на сам иммиграционный контроль (стоит ли его вовсе отменить?). В чем, несомненно, правы критики, так это в том, что любой анализ социальных издержек на нелегальных иммигрантов должен быть дополнен изучением экономического вклада мигрантов в ВВП. Более аргументированный анализ экономических последствий иммиграции (как легальной, так и нелегальной) мы можем найти в книге 2016 г. “We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative” («Нам нужны рабочие: разгадка истории иммиграции»), написанной профессором Гарвардской школы Кеннеди Дж. Борхасом. Как он показывает, тенденции в области заработной платы за последние полвека свидетельствуют о том, что 10-процентное увеличение числа работников с определенным набором навыков снижает заработную плату этой группы по крайней мере на 3%. Именно низкоквалифицированные американские рабочие, в том числе многие чернокожие и латиноамериканцы, больше всего пострадали от падения заработной платы. По оценке Борхаса, из-за иммиграции доходы особенно уязвимой группы сократились на \$ 800–1500 в год. Конечно, иммигранты вносят в свой вклад в экономику, но в выигрыше остаются наиболее богатые. Дополнительные прибыли настолько велики, что экономический пирог, начисляемый всем жителям США, фактически растет. Как отмечает Борхас, «иммиграционный профицит» – чистое увеличение общего богатства коренного населения – составляет около \$ 50 млрд в год. Но общее перераспределение богатства от местных проигравших к местным победителям составляет \$ 0,5 трлн (!) в год. В одной из своих статей Борхас отмечает следующее: «Когда мы смотрим на общую ценность иммиграции, есть еще один осложняющий фактор: иммигранты получают государственную помощь по более высоким ставкам, чем коренные жители. Более высокая стоимость всех услуг, предоставляемых иммигрантам, и более низкие налоги, которые они платят (потому что у них более низкие доходы), неизбежно означают, что из года в год иммиграция создает финансовую дыру в раз-

¹ Nowrasteh A. 2017. *FAIR’s “Fiscal Burden of Illegal Immigration” Study Is Fatally Flawed* // Cato Institute. 29.09.2017. URL: <https://www.cato.org/blog/fairs-fiscal-burden-illegal-immigration-study-fatally-flawed> (дата обращения: 12.09.2022).

² См., напр.: Van G., Orellana J. 2021. *An Economic Analysis on the Social Cost of Illegal Immigration*. MPRA Paper No. 109519 // The Munich Personal RePEc Archive. 02.09.2021. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/109519/> (дата обращения: 12.09.2022).

мере не менее \$ 50 млрд – бремя, которое ложится на коренное население. К чему все это приводит? Фискальное бремя компенсирует выгоду от профицита иммиграции в размере \$ 50 млрд, поэтому не слишком надуманно заключить, что иммиграция практически не повлияла на общее богатство коренных жителей. Вместо этого она изменила то, как поделен пирог, и проигравшие – низкоквалифицированные американские рабочие, которые конкурируют с иммигрантами, – ежегодно отправляют победителям чек на сумму около \$ 500 млрд»¹.

Консервативные авторы бьют в ту же цель. Д. Д’Суза, переходя на почти марксистский язык, отмечает, что раньше профсоюзы выступали против нелегальной иммиграции, так как импорт большого количества нелегалов, готовых работать за меньшие деньги, практически гарантирует снижение заработной платы местных рабочих. Он приводит все больше и больше цитат классиков марксизма, чтобы подчеркнуть, что сегодняшний рабочий класс подвергся идеальному шторму глобализации и аутсорсинга. Вновь становится трудно узнать в тексте именно автора-республиканца. «Я думаю, – пишет Д’Суза, – что Маркс был бы сбит с толку. Он подумал бы, что за левые хотят импортировать иностранных рабочих, чтобы подорвать переговорные позиции местных рабочих? Во всяком случае, это разделит рабочий класс. Это настроит иностранцев против коренных жителей, это заставит местных рабочих обвинять иностранцев – вместо класса капиталистов – в своих бедах, и это отложит, если не заблокирует, перспективы социалистической революции» (D’Souza 2020: 106).

Не всегда соответствуют идеалистическому «универсальному гуманизму» сами нелегальные мигранты. Критика негативных социальных последствий нелегальной миграции – излюбленный прием консервативных авторов. И это вполне может иметь спрос со стороны не самых богатых людей, чьи районы проживания рискуют оказаться пространством для мафиозных войн. Э. Скарри обращает внимание на деятельность банды *Mara Salvatrucha* (MS-13), состоящей преимущественно из нелегальных мигрантов из Мексики. Многие нелегальные мигранты в оплату за переправку через границу перевозят оружие, занимаются сбытом наркотиков или проституцией (члены MS-13 активно вовлекают в проституцию молодых американских девушек, попутно «подсаживая» их на наркотики). «Их закрытые поселки, – пишет Скарри о прогрессивных левых интеллектуалах и журналистах, – и многоэтажные жилые дома защищены от группировок нелегальных мигрантов, торговцев наркотиками и растлителей малолетних, проникающих через границу в обычные государственные школы и районы. Культурным фашистам все равно, что произойдет, когда самые бедные и больные люди Центральной Америки сбегут в США. Это не их проблема. Это ваше. А если вы не хотите с этим справиться, то это потому, что вы расист» (Scarry 2020: 107). Как замечает В. Хэнсон, в США насчитывается

¹ Borjas G.J. 2016. Yes, Immigration Hurts American Workers // Politico. September/October. URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/09/trump-clinton-immigration-economy-unemployment-jobs-214216/> (дата обращения: 12.09.2022).

более 800 тыс. нелегалов с уголовным прошлым, почти 700 тыс. из них были осуждены за тяжкие преступления (Hanson 2021: 179).

NB! Научные данные о влиянии нелегальной иммиграции на преступность противоречивы. Исследования в европейских странах приводят к зачастую противоположным результатам: от свидетельств в пользу того, что иммигранты способствуют росту преступности до утверждений, что они эту преступность даже снижают (Ignatans, Matthews 2017). Такой разброс объясним разницей в методологии, а также в выборке стран. Очевидно, что всегда нужно иметь в виду, о каких мигрантах мы говорим. Это могут быть иммигранты из бедных стран с чуждой Западу культурой. Но могут быть и те же самые европейцы с достаточно развитым человеческим капиталом, но из более бедных стран вроде Румынии, Молдавии или Украины. Негативное влияние более очевидно в тех исследованиях, которые делали акцент именно на массовой иммиграции, причем из стран, где изначально уровень преступности высок, а социальные ценности сильно контрастируют с культурным климатом принимающей страны. К примеру, исследование Й. Адамсона, анализирующего данные за 2002–2017 гг., показало, что в Швеции 58 % лиц, подозреваемых в совершении всех преступлений, являются иммигрантами. Что касается убийств, непредумышленных убийств и покушений на убийство, то этот показатель составляет 73 %. С незарегистрированными иммигрантами связано около 13 % преступлений (Adamson 2020). Такой разительный контраст обусловлен как раз тем, что уровень преступности среди коренных жителей Швеции крайне низок. Сомнительным представляется научный «консенсус», согласно которому в США мигранты совершают меньше преступлений, чем коренные жители. Во-первых, многие наблюдатели отмечают, что в США плохо ведется учет миграционного статуса преступников. И даже там, где он ведется, результаты исследований могут быть основаны на поверхностных данных. Так, больше всего доступных данных имеется по штату Техас, и там же достаточно много нелегальных мигрантов, в основном мексиканского происхождения. Сначала Институт Катона¹, а затем М. Лайт и его коллеги-социологи из Висконсинского университета в Мадисоне обнаружили, что уровень арестов нелегальных иммигрантов за тяжкие преступления был значительно ниже, чем коренных жителей (Light, He, Robey 2020). Однако позже выяснилось, что в данных исследованиях некорректно интерпретировались данные Департамента общественной безопасности Техаса (DPS). Когда людей арестовывают в Техасе, DPS отправляет их отпечатки пальцев в Федеральный департамент внутренней безопасности (DHS) для определения иммиграционного статуса. Нелегальные иммигранты, которые

¹ Nowrasteh A. 2018. Criminal Immigrants in Texas: Illegal Immigrant Conviction and Arrest Rates for Homicide, Sex Crimes, Larceny, and Other Crimes // Cato Institute. 26.02.2018. URL: <https://www.cato.org/publications/immigration-research-policy-brief/criminal-immigrants-texas-illegal-immigrant> (дата обращения: 12.09.2022).

сталкивались с сотрудниками иммиграционной службы, например, на границе или во время предыдущего ареста, будут идентифицированы *DHS*, а затем помечены как нелегалы в данных *DPS*. Однако иммиграционный статус значительной части иммигрантов, арестованных в Техасе, не может быть проверен этой системой, поскольку иммиграционные чиновники никогда с ними не сталкивались. Поэтому Департамент уголовного правосудия Техаса (DCJ) продолжает расследовать иммиграционный статус правонарушителей, пока они находятся в заключении. Исследование, которое учло этот фактор, показало, что нелегальные иммигранты в Техасе гораздо чаще осуждаются за такие преступления, как убийство, сексуальное насилие и похищение людей, чем коренные жители¹. Как бы то ни было (дискуссия между Институтом Катона и оппонировавшим ему Центром иммиграционных исследований ведется на момент написания данной статьи², и последний, на наш взгляд, пока более убедителен), причина, по которой граждане так чувствительны к преступлениям неграждан, может заключаться в чисто моральных требованиях к тем, кто расценивается в качестве гостя или кандидата на статус гражданина. Они пока еще «не свои», а потому и вести себя должны «подобающим образом» (по другой логике, если одно преступление совершено нелегальным иностранцем, это одновременно много преступлений, потому что этот человек даже не должен был быть в стране³).

Экологический алармизм. Один из главных признаков постматериалиста – озабоченность экологическими проблемами. Поскольку ему больше не нужно думать о хлебе насущном, он даже склонен стремиться к отрицанию материального, думая о негативных последствиях потребления. Собственно, экологическая тема уже давно ассоциируется с «левизной». По ту сторону баррикад – критики экологического алармизма и/или «отрицатели глобального потепления» (это не одно и то же), которых левые обвиняют чуть ли не в геноциде всего живого на Земле, ибо катастрофа настолько близка, что необходимы срочные меры: немедленный или очень скорый отказ от дешевого ископаемого топлива и огромные инвестиции в зеленую

¹ Kennedy S., Richwine J., Camarota S.A. 2022. Misuse of Texas Data Understates Illegal Immigrant Criminality // The Center for Immigration Studies. 11.10.2022. URL: <https://cis.org/Report/Misuse-Texas-Data-Understates-Illegal-Immigrant-Criminality#3> (дата обращения: 15.12.2022).

² См.: Nowrasteh A. 2022. The Center for Immigration Studies Produces Improbably High Estimates of Illegal Immigrant Criminality in Texas // Cato Institute. 13.10.2022. URL: <https://www.cato.org/blog/center-immigration-studies-produces-improbably-high-estimates-illegal-immigrant-criminality> (дата обращения: 15.12.2022); Richwine J., Kennedy S. 2022. Continued Misuse of Texas Crime Data // The Center for Immigration Studies. 20.10.2022. URL: <https://cis.org/Richwine/Continued-Misuse-Texas-Crime-Data> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Krikorian M., Richwine J. 2022. Flawed Studies Misuse Texas Crime Data Resulting in False Claims about Illegal Alien Crime // The Center for Immigration Studies. 20.10.2022. URL: <https://cis.org/Parsing-Immigration-Policy/Flawed-Studies-Misuse-Texas-Crime-Data-Resulting-False-Claims-about> (дата обращения: 15.12.2022).

энергетику, инициативы вроде *Green New Deal (GND)* – *Зеленого нового курса*. Здесь мы бы хотели разбить повествование на два отрезка. Сначала стоит обратить внимание на дискуссионность многих тезисов, являющихся основной алармистских дискурсов¹. В своей критике экологического алармизма скептики и просто ученые, предпочитающие объективно взвешивать все «за» и «против», могут быть достаточно убедительными. А затем мы посмотрим, как этим пользуются правые авторы, подчеркивающие, насколько сильно зеленые инициативы расходятся с материальными интересами бедных.

Оснований сомневаться в климатическом алармизме достаточно. С. Кунин, американский физик-теоретик, бывший директор Центра городских наук и прогресса в Нью-Йоркском университете, заместитель министра по науке Министерства энергетики в администрации Б. Обамы, в книге “Unsettled: What Climate Science Tells Us, What It Doesn’t, and Why It Matters” («Беспокойство. Что наука о климате говорит нам, чего не знает и почему это важно»), приводя результаты эмпирических наблюдений, пытается разоблачить многие мифы об изменении климата. Среди отмеченного им выделим следующее (сразу подчеркнем, что некоторые пункты остаются дискуссионными):

- волны тепла в США сейчас не более распространены, чем в 1900 г., самые высокие температуры не повышались последние пятьдесят лет;
- за последнее столетие люди не оказали заметного влияния на ураганы;
- ледяной щит Гренландии сегодня сокращается не быстрее, чем восемьдесят лет назад;
- чистое экономическое воздействие антропогенного изменения климата будет минимальным по крайней мере до конца этого столетия;
- несмотря на то, что с 1950 г. антропогенное воздействие увеличилось почти в пять раз, а земной шар немного потеплел, самые суровые погодные явления остаются в пределах прежней изменчивости;
- растительный и животный мир процветали в изобилии во времена, когда уровень CO₂ был в пять или десять раз выше, чем сегодня;
- средняя самая холодная температура года явно повысилась с 1900 г., но средняя самая теплая температура почти не изменилась за последние шестьдесят лет и сегодня примерно такая же, какой была в 1900 г.;
- уровень смертности, связанной с погодой, резко снизился за последние сто лет, даже когда земной шар потеплел на 1,2°C; сегодня он примерно в восемьдесят раз ниже, чем столетие назад;

¹ Говоря о дискуссионности, мы не утверждаем, что глобальное потепление не проблема, что никаких мер не требуется или что никаких негативных экологических последствий не наблюдается. Скорее, речь идет о дискуссии, когда разные авторы, критикуя друг друга, приводят значимые аргументы и контраргументы. Игра не ведется в одни ворота. Иными словами, речь должна идти не об «отмене» озабоченности экологическими проблемами, но о большей осторожности по отношению к конкретным политическим решениям в данной области.

– увеличение концентрации углекислого газа стало важным фактором повышения урожайности, поскольку оно повышает скорость фотосинтеза и изменяет физиологию растений;

– воздействие глобального потепления на США невелико: очень сильное потепление на 5° С в конце века уменьшит экономику США на 4% (но рост как таковой продолжится);

– только для стабилизации антропогенного воздействия на климат потребуется, чтобы к 2075 г. глобальные ежегодные выбросы CO₂ на душу населения упали до уровня менее одной тонны, что сопоставимо с сегодняшними выбросами таких стран, как Гаити, Йемен и Малави;

– перед развивающимся миром стоит множество гораздо более неотложных проблем, включая адекватное энергоснабжение, транспорт, жилье, проблемы общественного здравоохранения, такие как чистая вода и санитария, а также образование, не говоря уже о восстановлении после COVID-19 (Koonin 2021).

Б. Ломборг, президент Копенгагенского центра консенсуса и бывший директор датского правительственного Института экологической оценки (EAI), в книге “False Alarm” («Ложная тревога») подсчитывает, насколько большим может быть ущерб от отчаянных попыток уменьшить темпы глобального потепления. По его мнению, одержимость изменением климата означает, что сейчас «мы переходим от растраты миллиардов долларов на неэффективную политику к растрате триллионов. В то же время мы игнорируем все больше и больше насущных и вполне поддающихся решению мировых проблем» (Lomborg 2020: 11). Исследователь утверждает, ссылаясь на экономические модели, что цена изменения климата к концу века, если ничего не будет предпринято, составит около 3,6% мирового ВВП. Сюда входят все негативные воздействия: не только увеличение затрат из-за более сильных штормов, но и рост количества смертей от волн жары и потери водно-болотных угодий в связи с повышением уровня моря. Это означает, что к 2100 г. доходы могут увеличиться не на 450%, а «только» на 434%: «Это определено проблема. Но это явно не катастрофа» (Lomborg 2020: 13). Далее он отмечает, что богатым легче выступать за высокие налоги на энергию (читай: быть постматериалистом – это недешево). Более того, финансовые выгоды от климатической политики (например, субсидии, предоставляемые домовладельцам на установку солнечных панелей, утепление дома или вождение электрокаров) в подавляющем большинстве случаев достаются *самым богатым*. Напротив, борьба с бедностью могла бы параллельно способствовать решению многих вопросов. Так, одной из самых смертоносных экологических проблем на сегодняшний день является загрязнение воздуха внутри помещений, обусловленное тем, что беднейшие 2,8 млрд человек в мире вынуждены готовить и обогревать свои дома, сжигая грязное топливо: дрова, навоз и картон (Lomborg 2020: 42). Вместо решения этих проблем левые постматериалисты думают преимущественно о сокращении темпов экономического роста и эмиссии CO₂. По оценкам Ломборга, если Евросоюз реально выполнит свои климатические обещания на 2050 г., он один в конечном итоге будет тратить суммы, превышающие

все его текущие расходы на образование, здравоохранение, жилье, оборону, полицию и суды (Lomborg 2020: 98).

В принципе, сегодня все больше ученых и общественных деятелей обращают внимание на изъяны экологического алармизма. К примеру, М. Шелленбергер, бывший экологический активист и демократ (ныне занимающий нейтральную позицию), а также соучредитель центра экологических исследований «Институт прорыва», написал книгу “Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All” («Апокалипсис никогда: почему экологический алармизм вредит всем нам»), в которой утверждает, что изменение климата не является экзистенциальной угрозой, которую изображают в популярных СМИ (Shellenberger 2020). Он утверждает, что технологические инновации, если в них активно вкладываться, решат экологические проблемы. В этом он согласен с Б. Ломборгом: есть огромное множество способов бороться с негативными последствиями глобального потепления, не занимаясь агрессивной «ограничительной» политикой: от активных инвестиций в науку (например, технологии управляемого термоядерного синтеза) до строительства дамб, препятствующих затоплению городов. Шелленбергер также приводит ряд примечательных фактов и прогнозов:

- урожайность значительно возрастет при самых разных сценариях изменения климата; сегодня человечество производит достаточно еды для 10 млрд человек, что составляет 25-процентный излишек; производство продуктов питания может увеличиться даже при повышении температуры на 4–5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем;

- политика в области изменения климата с большей вероятностью нанесет ущерб производству продуктов питания и усугубит бедность в сельских районах, чем само изменение климата;

- масштабные лесные пожары обычно вызываются не жарой, а накоплением древесной биомассы (и это происходит как раз из-за редкости пожаров, которые тушат люди);

- выбросы углерода в развитых странах снижаются уже более десяти лет (в основном благодаря переходу с угля на природный газ и атомную энергию);

- растения Амазонки потребляют около 60% производимого ими кислорода; остальные 40% потребляют микробы, которые разлагают биомассу тропических лесов;

- с 1998 по 2015 г. в мире произошло колоссальное 25-процентное сокращение ежегодной площади выгорания лесов, в основном благодаря экономическому росту;

- во всем мире рост новых деревьев превысил потерю деревьев за последние тридцать пять лет на площади, равной площади Техаса и Аляски вместе взятых;

- в Калифорнии запрет пластиковых пакетов привел к использованию большего количества бумажных пакетов и других более толстых пакетов, что увеличило выбросы углерода из-за большего количества энергии, необходимой для их производства; биопластики, в том числе целлюлоза, так же долговечны, как пластмассы, изготовленные из нефтепродуктов;

- за последние три столетия в Европе появилось больше новых видов растений, чем было задокументировано как вымершие за этот же период;
- реальная угроза для горилл и других диких животных – это не экономический рост и ископаемое топливо, а бедность и древесное топливо;
- чтобы люди перестали использовать дрова и уголь в качестве топлива, им потребуется доступ к сжиженному нефтяному газу и дешевому электричеству;
- города, растущие в результате индустриализации и экономического роста, концентрируют человеческое население и оставляют большую часть сельской местности *дикой природе*;
- сотни миллионов лошадей, крупного рогатого скота, волов и других животных все еще используются в качестве тягловой силы для сельского хозяйства в Азии, Африке и Латинской Америке; отсутствие необходимости выращивать пищу, чтобы накормить их, может освободить значительные площади земли для вымирающих видов;
- ядерная энергия является самым безопасным способом производства надежного электричества;
- солнечные панели часто содержат свинец и другие токсичные химические вещества;
- стоимость возобновляемых источников энергии для потребителей была ошеломляюще высокой; возобновляемые источники энергии способствовали росту цен на электроэнергию в Германии на 50% с 2007 г. В 2019 г. они были там на 45% выше, чем в среднем по Европе;
- если Соединенные Штаты попытаются производить энергию, которую они используют, из возобновляемых источников, потребуется от 25 до 50% всей их земли; напротив, сегодняшняя энергетическая система требует всего 0,5% (см.: Shellenberger 2020).

По мнению Шелленбергера, лицемерно и неэтично требовать, чтобы бедные страны шли по более дорогому и, следовательно, более медленному зеленому пути к процветанию, чем Запад. Хотя и развитым странам зеленый алармизм наносит вред. К примеру, солнечным и ветряным электростанциям по всему миру требуется в среднем в 300–400 раз больше земли, чем природному газу или атомным электростанциям для производства такого же количества энергии. Солнечная энергия не очень благоприятна для Земли, так как панели требуют в 17 раз больше материалов в виде цемента, стекла, бетона и стали, чем атомные электростанции, и создают более чем в 200 раз больше отходов¹. Тезисы Шелленбергера сильно контрастируют со многими левыми и «прогрессивными» дискурсами. Так, Дж. Батлер, осуждая системное насилие, пишет: «...иногда возникает и заразное чувство откровенного удовлетворения от садизма, которое мы, например, наблюдали в действиях против чернокожих сообществ в США, когда невооруженных

¹ Shellenberger M. 2020. Democrats' New Climate Plan Will Kill Endangered Species, Environmentalists Fear // Forbes. 30.06.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/michaelshellenberger/2020/06/30/democrats-climate-plan-will-kill-endangered-species-environmentalists-fear/#5fcaa6507571> (дата обращения: 12.09.2022).

черных людей, бежавших от полиции, расстреливали с такой легкостью и моральной безнаказанностью, как будто они были добычей на охоте. И такое удовлетворение присутствует в аргументах против борьбы с изменением климата, упрямо выдвигаемых теми, кто понимает, что если они признают реальность этого изменения, то им придется ограничить экспансию промышленности и рыночной экономики» (Батлер 2022: 94). Здесь примечательно сравнение полицейского насилия со скепсисом по (в том числе) отношению к экологическому алармизму (что, повторим, не есть то же самое, что отрицание изменения климата). Получается, что одна социальная группа должна иметь право на ненасилие, но миллионы людей, отапливающих свои дома дровами или навозом, вполне можно лишить «экспансии промышленности», которая, по сути, и есть реальный путь преодоления нищеты и бедности.

NB! С. Куни, Б. Ломборг и М. Шелленбергер не единственные исследователи, отрицающие не столько изменение климата, сколько панику вокруг этого изменения¹. Разумеется, многие данные и оценки в науке о климате имеют дискуссионный характер, и все сказанное выше не означает, что «отрицатели алармизма» однозначно правы или что противоположной стороне совершенно нечем ответить (дискуссионность означает, на наш взгляд, что обе стороны имеют убедительные доводы и аргументы при отсутствии надежных предсказательных моделей и слишком большой сложности объекта, о котором идет речь, что порождает различные интерпретации, оценки и т.п.). Но сама такая дискуссионность (именно в научном, а не активистском или политическом сообществе) заставляет как минимум задуматься об оправданности выбора тех или иных способов борьбы с экологическими проблемами (нужно ли нам больше ветряков, занимающих огромные площади и убивающих птиц, или больше атомных электростанций?) или об их в большей степени *ценностной*, а не научной обусловленности. Здесь нужно также быть внимательным к самому ходу

¹ Можно учесть, например, более радикальную в своем скепсисе позицию 3. Сингера (см., напр.: Singer 2021) – американского физика, заслуженного профессора наук об окружающей среде в Университете Вирджинии, изучавшего физику атмосферы. С его именем связано много скандалов и споров об интерпретации тех или иных данных или результатов климатических моделей (его обвиняли в отрицании изменения климата, хотя он называл себя климатическим скептиком). Он указывал на неточности в исторических климатических данных и на неудачи климатических моделей, а также на влияние солнечной изменчивости, облаков, океанских течений и уровня моря на глобальный климат, а также факторы, которые могут смягчить любое воздействие человека на мировой климат. В своих работах он утверждал, что CO₂ не вызывал повышения температуры или уровня моря сверх исторического уровня; что любое увеличение концентрации CO₂ в течение огромных промежутков времени не предшествовало повышению глобальной температуры, а следовало за ним только примерно через 600–800 лет; что углеродные налоги и другие решения кризиса глобального потепления будут иметь серьезные последствия для экономически неблагополучных групп и наций; что климатологи-паникеры скрыли свои необработанные данные о температуре и подорвали систему экспертной оценки, чтобы подавить дебаты.

дискуссии. К примеру, книгу С. Кунина «Беспокойство...» почти сразу раскритиковал ряд экологов. Как указали критики, тезис Кунина о том, что ледяной щит Гренландии сегодня сокращается не быстрее, чем восемьдесят лет назад, крайне спорен, и некоторые данные его опровергают. Были и претензии к тому, что Кунин занимается черрипикинг¹, собирая доказательства в поддержку своих тезисов, но игнорируя другие². Стоит заметить, что Кунин неоднократно на критику отвечал³. Кроме того, видно, что критики сами занимаются искажением позиции Кунина, определяя его как отрицателя изменения климата или как человека, призывающего бездействовать. Можно согласиться с одним из критиков, который также указал на спорность тезиса о темпах таяния ледников Гренландии, но не стал спорить с главным посылом книги: «Я полностью согласен с замечанием Кунина о том, что политика, направленная на замедление или обращение вспять изменения климата, вероятно, потерпит неудачу. Затраты на эти правительственные планы действий могут не оправдать климатические выгоды в долгосрочной перспективе. Я также согласен с тем, что сложные энергетические системы и модели поведения человека вряд ли изменятся так быстро, как это необходимо, даже если деньги не будут проблемой. Он также прав в том, что многие активистские движения, по крайней мере, так же нереалистичны, как и большинство правительственных политик»⁴. Иными словами, даже если люди вроде Кунина и ошибаются (полностью или частично) в оценке последствий изменения климата, все еще остается актуальным вопрос о средствах лечения болезни. Если лекарство наносит или потенциально может нанести урон больший, чем сама болезнь, причем наиболее бедным, то можно пытаться искать альтернативные решения.

¹ *Cherry picking* («сбор вишни») – выборочное представление фактов для подтверждения определенной позиции.

² См.: Mills M.P. 2021. Wall Street Journal Article Repeats Multiple Incorrect and Misleading Claims Made in Steven Koonin's New Book 'Unsettled' // Climate Feedback. 25.04.2021. URL: <https://climatefeedback.org/evaluation/wall-street-journal-article-repeats-multiple-incorrect-and-misleading-claims-made-in-steven-koonins-new-book-unsettled-steven-koonin/> (дата обращения: 12.09.2022).

³ См.: Koonin S. 2021. A Bad Check of Climate Facts // Steven Koonin – Medium. 16.05.2021. URL: <https://steven-koonin.medium.com/response-to-climate-feedbacks-fact-check-of-mark-mills-wall-street-16b9742fe35a> (дата обращения: 12.09.2022); Koonin S. 2022. Factchecking PolitiFact on Greenland's Shrinking Ice // The American Enterprise Institute. 18.02.2022. URL: <https://www.aei.org/op-eds/factchecking-politifact-on-greenlands-shrinking-ice/> (дата обращения: 12.09.2022); Watts A. 2021. Dr. Steve Koonin Responds to a Scientific American Smear Article by Oreskes et al. // ClimateRealism. 03.06.2021. URL: <https://climateralism.com/2021/06/dr-steve-koonin-responds-to-a-scientific-american-smear-article-by-oreskes-et-al/> (дата обращения: 12.09.2022).

⁴ Steven Koonin's Unsettled: Much to Like and to Dislike // Art Berman. 23.02.2022. URL: <https://www.artberman.com/2022/02/23/steven-koonins-unsettled-much-to-like-and-to-dislike/> (дата обращения: 12.09.2022).

На этой интеллектуальной почве процветают дискурсы правых, консерваторов и республиканцев, которые почти в каждой книге затрагивают тему зеленой «левизны». Поскольку здесь нам уже нужны не столько сами аргументы, сколько политический оттенок дискурсов, можно привести несколько цитат, чтобы понять, почему правые бывают левее левых. М. Морано, один из главных консервативных климатических скептиков, в книге “Green Fraud” («Зеленое мошенничество») регулярно подчеркивает цену грандиозных инициатив вроде *GND*: это «повлияет на бедных, заставив их платить более высокую долю своего дохода за энергию, которая будет стоить намного дороже и будет менее надежной, с регулярными отключениями, подобными тем, которые они уже испытывают в “зеленой” Калифорнии» (Morano 2021: 13). В. Хэнсон присоединяется к критике радикальной зеленой энергетики в Калифорнии, обращая внимание на затратные экологические программы, при том что более одной пятой жителей живут за чертой бедности (Hanson 2021: 43). Он также критикует недофинансирование строительства дорог и мостов. Проект высокоскоростной железной дороги потерпел многомиллиардный перерасход средств, а соседняя автомагистраль оставалась в ветхом состоянии и по большинству показателей была самой опасной главной магистралью в стране (Hanson 2021: 43). Наконец, как он отмечает, если бы штат просто использовал свои первоначальные ассигнования на высокоскоростную железную дорогу в размере \$ 10 млрд на строительство трех крупных плотин, важных для Калифорнийского водного проекта, у калифорнийцев могло бы быть значительно больше критически важной воды. «В любом случае новая ортодоксальность, согласно которой плотины и водохранилища представляют собой шрамы на природном ландшафте, оказывающие пагубное воздействие на реки и ручьи, по-прежнему не меняет того, что 30 млн калифорнийцев живут в естественных условиях пустыни. Они просто не могут ни работать, ни жить без огромного импорта воды из северной трети штата и горного хребта Сьерра-Невада» (Hanson 2021: 46).

Д. Нуньес в книге “Countdown to Socialism” («Обратный отсчет до социализма») также обращается к этой теме, говоря об интересах *простых людей*. Как он пишет, в течение многих десятилетий эта сложная ирригационная система, включающая насосные сооружения станции, акведуки, трубопроводы и пр., была в центре внимания радикальных экологов, «которые хотят отодвинуть фермеров в сторону и вернуть землю в естественное состояние пустыни. Это характерно для экологического экстремизма социалистов, главная цель которого – установить контроль над населением» (Nunes 2020: 38). Резко протрамповский консервативный юрист, писатель и радиоведущий М. Левин посвящает экологической проблематике большую часть книги “American Marxism” («Американский марксизм»), где утверждает, что «текущая климатическая политика бессмысленно и серьезно подрывает экономическую систему, подвергая опасности жизни людей в странах, лишенных доступа и надежной электроэнергии» (Levin 2021). Он часто ссылается на исследования и приводит статистические данные, чтобы продемонстрировать, насколько сильный урон нанесут материальному благосостоянию рядовых граждан инициативы зеленых. «Согласно модели *Heritage*

Energy, – пишет Левин, – от налогов и регулирования выбросов углерода к 2040 г. можно ожидать следующего: сокращения более 1,4 млн рабочих мест; общую потерю дохода в размере более \$ 40 тыс. на семью из четырех человек; совокупную потерю валового внутреннего продукта более чем на \$ 3,9 трлн; увеличение расходов на электроэнергию в домохозяйствах в среднем примерно на 12–14%. Несомненно, эти прогнозы значительно недооценивают стоимость энергетических компонентов *GND*. Как отмечается в разделе “Часто задаваемые вопросы” Окасио-Кортес¹, углеродный налог – лишь один из многих инструментов политики, которые сторонники *GND* надеются внедрить» (Levin 2021: 119-120). Консерватор Д. Горовиц в книге “*The Enemy Within*” («Враг внутри») также отмечает (хотя об этом говорят почти все правые), что сокращение промышленных выбросов мало повлияет на снижение эмиссии CO₂, поскольку главный вклад в загрязнение окружающей среды сегодня вносят Китай и Индия, а Соединенные Штаты (благодаря активной замене угля природным газом) резко сократили свой углеродный след (Horowitz 2021: 146).

Кто угнетенный, а кто угнетатель? Современные левые постматериалисты позиционируют себя как борцов против «системного угнетения» и иногда даже против капитализма как такового. Неспроста правые критики ассоциируют их с марксизмом. Такая ассоциация, конечно, достаточно грубая, и резонно говорить, скорее, о постмарксизме, но целенаправленные попытки синтезировать, скажем, современную политику идентичности и марксизм имеют место в рамках различных концепций интерсекциональности (Bohrer 2019). Однако есть причины усомниться в том, что постматериалисты выражают интересы всех угнетенных от лица угнетенных. Если постматериализм возникает там, где больше нет серьезной материальной нужды, то вряд ли сами постматериалисты будут сильно распространены среди «низших» классов. Напротив, все больше критиков обращают внимание, что так называемые левые в реальности являются чем-то вроде нового правящего класса (как минимум новой элитной прослойкой). «Новый преуспевающий класс, – пишет профессор Школы государственного управления имени Блаватника Оксфордского университета и директор Международного центра роста П. Коллиер, – это уже не капиталисты и не традиционные рабочие: это образованные люди, освоившие новые профессии. Они составили новый класс, члены которого, знакомясь друг с другом в университетах, выработали новое общее самосознание. <...> Они выработали даже свою особенную мораль, в которой принадлежность к этническим меньшинствам и сексуальная ориентация позволяют говорить о существовании особых групп, описывающих себя в качестве “жертв”. Такая характерная забота обо всех притесняемых и социально ущемленных дает им в их собственных глазах моральное превосходство над менее образованными слоями населения» (Коллиер 2021: 12).

¹ Имеется в виду сайт Александрии Окасио-Кортес – общественной активистки, сторонницы демократического социализма, члена Демократической партии и Палаты представителей США.

Придерживающийся правых и консервативных убеждений канадский профессор маркетинга Университета Конкордия Г. Саад замечает, что левые уже фактически «колонизировали» университетские городки, школу, средства массовой информации, а также «прогрессивный» IT-бизнес. Левые постматериалисты доминируют везде, где рождаются и распространяются идеи (читай: идеология). Ученый подчеркивает, что в киноиндустрии и сценическом производстве соотношение демократов к республиканцам составляет 93:7; среди редакторов (в книжной и журнальной индустрии) – 92:8; в академических кругах – 90:10. Изучение среднесрочных политических взносов в размере \$ 200 и более среди сотрудников, работающих в технологической отрасли, выявило астрономический либеральный и левый уклон. Процент пожертвований, полученных кандидатами от Демократической партии, составил: *Netflix* – 99,6%; *Twitter* – 98,7%; *Apple* – 97,5%; *Google/Alphabet* – 96%; *Facebook*¹ – 94,5%; *PayPal* – 92,2%; *Microsoft* – 91,7% (Saad 2020: 69-70). М. Ноулз в связи с этим указывает на противоречие: как возможны «системные» расизм, сексизм, гомофобия и т.д., если левые и либералы контролируют практически все влиятельные институты в стране – основные СМИ, Голливуд, административное правительство, высшее и школьное образование, большие технологии? (Knowles 2021: 17)

Казалось бы, это должно быть хорошей новостью, ведь «прогрессивные» левые должны быть лучше капиталистов, которые думают только о деньгах. Но левые постматериалисты не спешат демонтировать сам капитализм. Они, скорее, усложняют жизнь капиталистам, но не делают ее невозможной. Наблюдается нечто вроде «синтеза элит», а не искренняя вражда левых по отношению к капитализму. Пока многие постматериалисты возлагают надежды на «капитализм заинтересованных сторон», более реалистично мыслящие владельцы глобальных корпораций пытаются выжать из обстоятельств максимум выгоды при минимуме потерь. Бывший левый, а ныне консерватор М. Ректенвальд замечает, что профессора бизнеса подружились с профессорами гуманитарных и социальных наук, которые, как известно, придерживаются левых взглядов. Их «левачество» передалось профессорам бизнеса, которые распространили его на своих студентов, продолживших управлять корпоративной Америкой. Затем эти корпоративные лидеры предлагают работникам и клиентам риторические плацебо вместо более дорогостоящих экономических уступок, таких как *более высокая заработная плата, лучшие льготы, более низкие цены*. Иными словами, «жесты пробуждения могут успокоить либеральную политическую элиту, продвигая свои программы политики идентичности, гендерного плюрализма, трансгендеризма, мягких иммиграционных стандартов, городов-убежищ и т.д. В свою очередь, “проснувшиеся” корпорации надеются избежать более высоких налогов, ужесточения регулирования и антимонопольного законодательства» (Rectenwald 2020: 36). Здесь стоит вновь подчеркнуть, что это слова отнюдь не левого автора. Еще более ра-

¹ Принадлежит *Meta Platforms*, признанной в России экстремистской организацией. Запрещен и заблокирован на территории РФ.

дикальным является взгляд политического обозревателя, американского предпринимателя в области здравоохранения и технологий В. Рамасвами. Он стремится раскрыть двуликость «пробужденных» капиталистов, которые попытались воспользоваться левыми дискурсами себе в угоду: под видом добрых дел корпоративные элиты скрывают свои истинные намерения. К примеру, *Nike* пообещала выделить \$ 40 млн для поддержки темнокожих в США. «Это последовало за широко освещаемой рекламой *Nike* с участием бывшего квотербека НФЛ Колина Каперника, который преклонил колени во время исполнения государственного гимна в знак протеста против социальной несправедливости. Это отвлекает от того, что *Nike* использует детский труд в потогонных мастерских в Юго-Восточной Азии и продает кроссовки за \$ 200 темнокожим детям из городских районов, которые не могут позволить себе покупать книги для школы» (Ramaswamy 2021: 28).

Побочные эффекты левых инициатив. Правые теоретики подчас убедительно показывают, насколько неоднозначными могут быть инициативы левых для благосостояния простых граждан. Американская политическая активистка и консервативная публицистка К. Оуэнс, к примеру, считает, что самая большая проблема для темнокожего сообщества в США – это не расизм, неравенство, отсутствие доступа к качественному здравоохранению или тем более изменение климата, а нехватка отцов в семье. Она утверждает, что радикализованное стремление к феминизму одновременно выхолащивает и криминализирует мужчин. Пособия способствуют распаду семьи и не стимулируют темнокожих мужчин к активизации деятельности. «Самое большое бремя, которое ложится на темнокожих, – пишет она, – это то, что 75 % темнокожих детей воспитываются без отцов. И с этим связаны все другие социальные негативные последствия: преступность, неспособность экономически конкурировать, большая вероятность быть арестованным – вот проблема номер один, с которой сталкивается темнокожее сообщество» (Owens 2020: 29). Так, в 1963 г. 72 % небелых семей состояли в браке и были вместе. К 2017 г. эти данные почти полностью изменились: только 27 % (Owens 2020: 31). Д. Горовиц также замечает, что распад семейных ценностей в темнокожем сообществе является важнейшей «ловушкой бедности»: 70 % процентов черных детей рождаются вне брака «благодаря системе социального обеспечения, навязанной демократами американской бедноте, которая урезает социальные пособия для домов, где присутствует отец» (Horowitz 2021: 23-24). Экономист Т. Соуэлл приводит примечательный факт: уровень бедности женатых темнокожих не только ниже, чем у темнокожих в целом, но в некоторые годы также был ниже, чем у белых в целом. «Например, в 2016 г. уровень бедности для черных составлял 22 %, для белых – 11 %, а для черных супружеских пар – 7,5 %» (Sowell 2019: 115).

Перечислять все побочные эффекты левых инициатив, которые могут быть причинами нищеты или неудобств для не самых богатых граждан (или восприниматься так теми, к кому обращаются консервативные авторы), можно довольно долго. Возьмем два примера. Когда весной и летом

2020 г. бушевали протесты, организованные движением *Black Lives Matter* в ответ на «убийство»¹ полицией преступника-рецидивиста Дж. Флойда, простым предпринимателям и их работникам был нанесен ощутимый материальный ущерб. В то время как статистические данные не согласуются с утверждениями активистов о повсеместном расизме в американской полиции (Mac Donald 2017), стремление «отменить полицию» и «избавиться от тюрем» не лучшим образом отразилось на общественном порядке в США. Как отмечает американский консервативный политический обозреватель, телеведущий и блогер Б. Шапиро, полицейские, понимая, что даже надлежащий арест, если он будет произведен белым офицером против чернокожего подозреваемого, может привести к крестовому походу СМИ против них и их департаментов, прекратили активную деятельность: «В результате в 2020 г. умерли тысячи американцев, которые просто не умерли бы в 2019 г.» (Shapiro 2021: 123).

Другая достаточно болезненная тема – рост стоимости высшего образования в США, что является огромной проблемой для многих молодых американцев, вынужденных долгое время расплачиваться по студенческим кредитам. Но среди многих факторов дороговизны образования можно найти колоссальные траты на различных «тренеров по разнообразию» и администраторов, следящих за проведением «прогрессивной» политики. В. Рамасвами утверждает, что с 1987 по 2012 г. в секторе высшего образования появилось более полумиллиона администраторов. Если бы количество администраторов в университетских городках оставалось в пропорциональном соотношении стабильным с 1976 г., их было бы на 537 317 человек меньше, чем сегодня, что позволило бы университетам сэкономить \$ 30,5 млрд в год и сократить стоимость обучения студентов на 20 % (Ramaswamy 2021: 66–67).

Это, вновь отметим, лишь несколько примеров того, как правые акцентируют внимание на возможных негативных последствиях левой постматериалистической политики для граждан, испытывающих самые обычные материальные трудности. Их гораздо больше: от экологического активизма, мешающего инвестировать туда, где есть острая нехватка рабочих мест, до высокомерного отношения левых интеллектуалов, политиков и прочих «прогрессивных» деятелей к проблемам необразованных жителей сельской глубинки вроде тех, кого пренебрежительно именуют реднеками.

¹ Возьмем это слово в кавычки. Хотя официальная версия признает именно убийство, очевидно, что в данном случае политика взяла верх над правдой. Как было сказано в заключении главного окружного судмедэксперта, патологоанатома Э. Бейкера, в крови погибшего «обнаружено так много метамфетамина и фентанила, что, если бы его тело обнаружили дома, очевидной причиной смерти назвали бы передозировку». См.: Волков К. 2020. Власти скрывали, что в крови Джорджа Флойда была почти смертельная доза наркотиков // Российская газета. 27.08.2020. URL: <https://rg.ru/2020/08/27/vlasti-skrivali-chto-v-krovi-dzhordzha-floyda-byla-pochti-smertelnaia-doza-narkotikov.html> (дата обращения: 12.09.2022).

Заключение

Что значит быть левым? Сегодня существует множество систем классификации политических позиций, идеологий и партий или политических спектров, но деление на левых и правых является наиболее простым и удобным. В зависимости от ситуации данная дихотомия приобретает разные коннотации, но смысл достаточно прост. Левые стремятся к изменению сложившегося порядка и принципиальному прогрессивному обновлению общества. Это реформисты, прогрессисты, коммунисты, зеленые, социал-демократы, социалисты, синдикалисты, социал-либералы, демократические социалисты, левые либертарианцы, анархисты и т.д. Правые, в зависимости от ситуации, поддерживают сложившийся порядок или стремятся к сохранению или упрочению традиций и апеллируют к национальным «корням» или расе. Это консерваторы, реакционеры, неоконсерваторы, националисты, монархисты, теократы, фашисты и т.п. Понятно, что данная дихотомия (всегда условная и расплывчатая) актуальна только в том случае, если мы знаем общий контекст. Если в центре внимания находится современный неолиберальный порядок, то смысл политической «левизны» заключается именно в антикапиталистических устремлениях разной степени радикальности и принципиальности. Именно поэтому в обыденной речи и даже в академических дискуссиях слово «левые» стало ассоциироваться с набором ценностей, так или иначе вдохновляемых идеями коммунизма, а точнее – бесклассового общества, в котором все острые социальные проблемы и конфликты будут разрешены или минимизированы.

Но такая понятийная конфигурация может вводить в заблуждение. Некоторые теоретики постиндустриального и информационного общества¹ активно оспаривали марксистскую идею о том, что капитализм есть последняя классовая общественно-экономическая система. Отдельный вопрос, насколько их тезисы оказались успешными и оправдавшими все предсказания, но оснований сомневаться в идее бесклассового посткапитализма становится все больше (см.: Давыдов 2021), тем более если учесть вышесказанное о постматериализме. Ошибочное представление, что между левыми есть или может быть что-то значимо общее сегодня, обусловлено тем, что они борются за «равенство» и «справедливость». Это довольно примечательно, учитывая историю появления самой дихотомии. Правые и левые возникли в 1789 г. во французском парламенте, где было три объединения, представители которых занимали соответствующие места: в правом крыле располагались депутаты, хотевшие сохранить монархический строй, в центре находились колеблющиеся республиканцы, а слева устроились якобинцы – сторонники радикальных революционных действий, стремившиеся к фундаментальным переменам. Данные фундаментальные перемены известны – развитие буржуазных общественных отношений, приправленных девизом «свобода, равенство, братство». Все те же общие абстрактные цели,

¹ От Д. Белла с его возвышающимся «профессионально-техническим классом» (Белл 2004) до информационных «заговоров» нетократии (Бард, Зодерквист 2004).

что и сегодня, с такой же противоречивой перспективой для подавляющего большинства населения.

Вполне возможно, что история повторяется. Первоначально левые были именно теми, кто воплощает собой *новый передовой класс, интересы которого антагонистичны всем остальным*. Капиталисты и буржуазные идеологи стремились к свободе и равенству, но это не мешало им огораживать крестьянские наделы, превращая самих крестьян в батраков и бесправных рабочих. Поэтому не стоит удивляться, что сегодня представители «уходящего» рабочего класса часто имеют больше общего с правыми популистами или консерваторами. Для них они левее левых, так как вместе с ними находятся в одной тонущей лодке.

Все сказанное выше не означает, что правые критики левых постматериалистов по-настоящему левые. Они все те же консерваторы, выступающие за свободный рынок и ненавидящие марксизм и саму идею коммунизма. Это также не означает, что современные левые на Западе, даже те, кто больше всего соответствует нашему собирательному образу постматериалиста, совсем не говорят об экономических проблемах. Напротив, разговоры о всеобщем бесплатном образовании, о необходимости строительства недорого государственного жилья, о потребности в доступных медицинских услугах «от колыбели до могилы» или, скажем, о повышении минимальной заработной платы ведутся повсеместно среди американских левых¹. Такие разговоры, правда, если говорить о США, мало походят на реальные попытки выйти за пределы капитализма и больше напоминают стремление сделать «хотя бы как в Европе». Более того, все предложения, которые могли бы заинтересовать тех, кто испытывает реальные экономические трудности, постоянно разбавляются очень противоречивыми рассуждениями о «системном расизме», «открытых границах», необходимости «отменить полицию» или приближающейся экологической катастрофе, что только отталкивает потенциальных сторонников левых и вносит сумятицу среди других.

Причина, по которой правые стали для очень многих левее левых, заключается в том, что *посткапиталистические общественные отношения, по всей видимости, возникают не в результате борьбы за социально-экономическое равенство, а в результате деактуализации материалистической проблематики для людей, достигших состояния экзистенциальной безопасности*. Отсюда диссонансы и расхождения интересов постматериалистов с интересами очень многих бедных: *материалисты и постматериалисты живут в разных реальностях, испытывают разные трудности, являются, быть может, представителями совсем разных общественно-экономических формаций*. Этот разрыв постоянно увеличивается, и мы непрерывно наблюдаем его проявления. Что важнее – повысить топливные налоги с целью заботы об окружающей среде, как это было во Франции, или прежде всего думать о бедных рабочих, пользующихся личным транс-

¹ Особенно часто на этом фокусируются Демократические социалисты Америки (DSA) (см., напр.: Aronoff, Drier, Kazin 2020).

портом (речь идет о событиях, предшествовавших протестам «желтых жилетов»)? Что важнее – думать прежде всего о своих гражданах или об абстрактной свободе на Украине (речь идет о многократно подорожавших коммунальных услугах в Европе и взлетевших до небес ценах на топливо)?

Схожий конфликт в скрытом виде наблюдается и в России. Часть российских марксистов де-факто превратилась в сторонников действующего президента (например, экономист В.Г. Колташов и философ А.А. Коряковцев), хотя политика и убеждения В.В. Путина никогда не ассоциировались с марксизмом и коммунизмом. В России его сторонники являются во многом аналогами тех правых на Западе, оказавшихся левее левых: защиту национальных интересов и материальные интересы простых граждан, которым помогает «популизм» (а нередко реальные меры социальной поддержки) российской бюрократии, они ставят выше абстрактных западных «демократических» ценностей, которые уже однажды поставили страну на грань гибели. Д. Гудхарт замечает: «...мы могли бы пережить глобальное восстановление интересов *somewheres* – людей из провинциальных городов и сельской местности, которые голосовали за Трампа и за Брексит. Это происходит и в других местах, как недавно заметил Фрэнсис Фукуяма: “Путин остается непопулярным среди более образованных избирателей в крупных городах, таких как Санкт-Петербург и Москва, но имеет огромную базу поддержки в остальной части страны”» (Goodhart 2017: 174).

Целью настоящей статьи не было продемонстрировать, что правые, оказавшиеся левее левых, являются «настоящими» левыми и что вся правда на их стороне. Скорее, в данном контексте следует задуматься, кого стоило бы называть левыми, а кого – правыми (и вообще, актуальна ли эта дихотомия). Левые – это современные постматериалисты, ставшие де-факто новой элитой и, как мы увидели, не замечающие многие *материальные* проблемы вытесненных на обочину жизни людей? Или все же главная цель левых – достижение такого состояния, когда думать о гражданских правах и экологическом благополучии, не испытывая при этом голода или нехватки элементарных благ цивилизации, могли бы *все без исключения*?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бард А., Зодерквист Я. 2004. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Санкт-Петербург : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. 260 с.

Батлер Дж. 2022. Сила ненасилия. Сцепка этики и политики. Москва : Издательский дом ВШЭ. 224 с.

Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва : Academia. 994 с.

Давыдов Д.А. 2018. Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 18, № 3. С. 86-102. DOI 10.17506/1911.2016.18.3.86102

Давыдов Д.А. 2021. Посткапитализм и рождение персоналиата. Москва : Рипол Классик. 336 с.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. Москва : Новое издательство. 464 с.

Коллиер П. 2021. Будущее капитализма. Москва : Издательство Института Гайдара. 376 с.

Стиглиц Дж. 2020. Люди, власть и прибыль. Москва : Альпина Паблишер. 430 с.

Adamson G. 2020. Migrants and Crime in Sweden in the Twenty-First Century // *Society*. Vol. 57. P. 9-21. DOI 10.1007/s12115-019-00436-8

Aronoff K., Drier P., Kazin M. (eds.) 2020. *We Own the Future: Democratic Socialism – American Style*. New York : The New Press. 256 p.

Bohrer A.J. 2019. *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld : Transcript-Verlag. 280 p.

Borjas G.J. 2016. *We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative*. New York : W.W. Norton & Company. 240 p.

Carnes N., Lupu N. 2021. The White Working Class and the 2016 Election // *Perspectives on Politics*. Vol. 19, iss. 1. P. 55-72. DOI 10.1017/S1537592720001267

D'Souza D. 2020. *United States of Socialism: Who's Behind It. Why It's Evil. How to Stop It*. New York : All Points Books. 304 p.

Goodhart D. 2017. *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*. London : Hurst. 256 p.

Grimmer J., Marble W. 2019. Who Put Trump in the White House? Explaining the Contribution of Voting Blocs to Trump's Victory // *Democracy and Polarization Lab at Stanford University*. 12.12.2019. URL: https://stanforddpl.org/papers/grimmer_marble_2019_trump/ (дата обращения: 15.12.2022).

Hanson V.D. 2021. *The Dying Citizen: How Progressive Elites, Tribalism, and Globalization Are Destroying the Idea of America*. New York : Basic Books. 432 p.

Horowitz D. 2021. *The Enemy Within: How a Totalitarian Movement is Destroying America*. Washington : Regnery Publishing. 256 p.

Ignatans D., Matthews R. 2017. Immigration and the Crime Drop // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. Vol. 25, iss. 3. P. 205-229. DOI 10.1163/15718174-02503002

Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton : Princeton University Press. 464 p.

Inglehart R.F. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton : Princeton University Press. 496 p.

Inglehart R.F. 2008. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. Vol. 31, iss. 1. P. 130-146. DOI 10.1080/01402380701834747

Kaurov A.A. et al. 2022. Trends in American Scientists' Political Donations and Implications for Trust in Science // A.A. Kaurov, V. Cologna, Ch. Tyson, N. Oreskes // *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 9, iss. 1. DOI 10.1057/s41599-022-01382-3

Knowles M. 2021. *Speechless: Controlling Words, Controlling Minds*. Washington : Regnery Publishing. 256 p.

Koonin S.E. 2021. *Unsettled: What Climate Science Tells Us, What It Doesn't, and Why It Matters*. Dallas : BenBella Books. 320 p.

Laclau E., Mouffe Ch. 2014. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. New York : Verso. 240 p.

Levin M.R. 2021. *American Marxism*. New York : Threshold Editions. 320 p.

Light M.T., He J., Robey J.P. 2020. Comparing Crime Rates between Undocumented Immigrants, Legal Immigrants, and Native-Born US Citizens in Texas // *Proceedings*

of the National Academy of Sciences. Vol. 117, iss. 51. P. 32340-32347. DOI 10.1073/pnas.2014704117

Lindsay J. 2022. Race Marxism: The Truth about Critical Race Theory and Praxis. Independently Published. 357 p.

Lomborg B. 2020. False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet. New York : Basic Books. 320 p.

Mac Donald H. 2017. The War on Cops: How the New Attack on Law and Order Makes Everyone Less Safe. New York : Encounter Books. 248 p.

Morano M. 2021. Green Fraud: Why the Green New Deal Is Even Worse than You Think. Washington : Regnery Publishing. 256 p.

Norris P., Inglehart R. 2019. Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge : Cambridge University Press. 564 p.

Nunes D. 2020. Countdown to Socialism. New York : Encounter Books. 96 p.

Owens C. 2020. Blackout: How Black America Can Make Its Second Escape from the Democrat Plantation. New York : Threshold Editions. 320 p.

Pluckrose H., Lindsay J. 2020. Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody. Durham : Pitchstone. 352 p.

Ramaswamy V. 2021. Woke, Inc.: Inside Corporate America's Social Justice Scam. New York : Center Street. 368 p.

Rectenwald M. 2020. Beyond Woke. Nashville : New English Review Press. 238 p.

Reed T.F. 2020. Toward Freedom: The Case against Race Reductionism. New York : Verso. 224 p.

Saad G. 2020. The Parasitic Mind: How Infectious Ideas Are Killing Common Sense. Washington : Regnery Publishing. 235 p.

Scarry E. 2020. Privileged Victims: How America's Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People. New York : Bombardier Books. 288 p.

Shapiro B. 2021. The Authoritarian Moment: How the Left Weaponized America's Institutions Against Dissent. New York : Broadside Books. 288 p.

Shellenberger M. 2020. Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All. New York : Harper. 432 p.

Singer S.F. 2021. Hot Talk, Cold Science: Global Warming's Unfinished Debate. Oakland : Independent Institute. 256 p.

Sowell T. 2019. Discrimination and Disparities. New York : Basic Books. 320 p.

Williams J.C. 2017. White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America. Boston : Harvard Business Review Press. 192 p.

References

Adamson G. Migrants and Crime in Sweden in the Twenty-First Century, *Society*, 2020, vol. 57, pp. 9-21. DOI 10.1007/s12115-019-00436-8

Aronoff K., Drier P., Kazin M. (eds.) *We Own the Future: Democratic Socialism – American Style*, New York, The New Press, 2020, 256 p.

Bard A., Söderqvist J. *Netocracy: The New Power Elite and Life After Capitalism*, Saint Petersburg, Stokgol'mskaia shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge, 2004, 260 p. (In Russ.).

Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting*, Moscow, Academia, 2004, 994 p. (In Russ.).

Bohrer A.J. *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*, Bielefeld, Transcript-Verlag, 2019, 280 p.

Borjas G.J. *We Wanted Workers: Unraveling the Immigration Narrative*, New York, W.W. Norton & Company, 2016, 240 p.

Butler J. *The Force of Nonviolence: An Ethico-Political Bind*, Moscow, Izdatel'skij dom VShE', 2022, 224 p. (In Russ.).

Carnes N., Lupu N. The White Working Class and the 2016 Election, *Perspectives on Politics*, 2021, vol. 19, no. 1, pp. 55-72. DOI 10.1017/S1537592720001267

Collier P. *The Future of Capitalism: Facing the New Anxieties*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2021, 376 p. (In Russ.).

D'Souza D. *United States of Socialism: Who's Behind It. Why It's Evil. How to Stop It*, New York, All Points Books, 2020, 304 p.

Davydov D.A. *Postcapitalism and the Birth of the Personalist*, Moscow, Ripol Classic, 2021, 336 p. (In Russ.).

Davydov D.A. Ronald Inglehart's Concept of Post-Materialism in Critical Perspective, *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 3, pp. 86-102. (In Russ.). DOI 10.17506/ryipl.2016.18.3.86102

Goodhart D. *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*, London, Hurst, 2017, 256 p.

Grimmer J., Marble W. Who Put Trump in the White House? Explaining the Contribution of Voting Blocs to Trump's Victory, *Democracy and Polarization Lab at Stanford University*, December 12, 2019, available at: https://stanforddpl.org/papers/grimmer_marble_2019_trump/ (accessed December 15, 2022).

Hanson V. D. *The Dying Citizen: How Progressive Elites, Tribalism, and Globalization Are Destroying the Idea of America*, New York, Basic Books, 2021, 432 p.

Horowitz D. *The Enemy Within: How a Totalitarian Movement is Destroying America*, Washington, Regnery Publishing, 2021, 256 p.

Ignatans D., Matthews R. Immigration and the Crime Drop, *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2017, vol. 25, no. 3, pp. 205-229. DOI 10.1163/15718174-02503002

Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*, Princeton, Princeton University Press, 1997, 464 p.

Inglehart R., Welzel K. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011, 464 p. (In Russ.).

Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006, *West European Politics*, 2008, vol. 31, no. 1, pp. 130-146. DOI 10.1080/01402380701834747

Inglehart R.F. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*, Princeton, Princeton University Press, 1977, 496 p.

Kaurov A.A., Cologna V., Tyson Ch., Oreskes N. Trends in American Scientists' Political Donations and Implications for Trust in Science, *Humanities and Social Sciences Communications*, 2022, vol. 9, no. 1. DOI 10.1057/s41599-022-01382-3

Knowles M. *Speechless: Controlling Words, Controlling Minds*, Washington, Regnery Publishing, 2021, 256 p.

Koonin S.E. *Unsettled: What Climate Science Tells Us, What It Doesn't, and Why It Matters*, Dallas, BenBella Books, 2021, 320 p.

Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, New York, Verso, 2014, 240 p.

Levin M.R. *American Marxism*. New York, Threshold Editions, 2021, 320 p.

Light M.T., He J., Robey J. P. Comparing Crime Rates between Undocumented Immigrants, Legal Immigrants, and Native-Born US Citizens in Texas, *Proceedings of*

the National Academy of Sciences, 2020, vol. 117, no. 51, pp. 32340-32347. DOI 10.1073/pnas.2014704117

Lindsay J. *Race Marxism: The Truth about Critical Race Theory and Praxis*, Independently Published, 2022, 310 p.

Lomborg B. *False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet*, New York, Basic Books, 2020, 320 p.

Mac Donald H. *The War on Cops: How the New Attack on Law and Order Makes Everyone Less Safe*, New York, Encounter Books, 2017, 248 p.

Morano M. *Green Fraud: Why the Green New Deal Is Even Worse than You Think*, Washington, Regnery Publishing, 2021, 256 p.

Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*, Cambridge, Cambridge University Press, 2019, 564 p.

Nunes D. *Countdown to Socialism*, New York, Encounter Books, 2020, 96 p.

Owens C. *Blackout: How Black America Can Make Its Second Escape from the Democrat Plantation*, New York, Threshold Editions, 2020, 320 p.

Pluckrose H., Lindsay J. *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody*, Durham, Pitchstone, 2020, 352 p.

Ramaswamy V. *Woke, Inc.: Inside Corporate America's Social Justice Scam*, New York, Center Street, 2021, 368 p.

Rectenwald M. *Beyond Woke*, Nashville, New English Review Press, 2020, 238 p.

Reed T.F. *Toward Freedom: The Case Against Race Reductionism*, New York, Verso, 2020, 224 p.

Saad G. *The Parasitic Mind: How Infectious Ideas Are Killing Common Sense*. Washington, Regnery Publishing, 2020, 235 p.

Scarry E. *Privileged Victims: How America's Culture Fascists Hijacked the Country and Elevated Its Worst People*, New York, Bombardier Books, 2020, 288 p.

Shapiro B. *The Authoritarian Moment: How the Left Weaponized America's Institutions Against Dissent*, New York, Broadside Books, 2021, 288 p.

Shellenberger M. *Apocalypse Never: Why Environmental Alarmism Hurts Us All*, New York, Harper, 2020, 432 p.

Singer S.F. *Hot Talk, Cold Science: Global Warming's Unfinished Debate*. Oakland, Independent Institute, 2021, 256 p.

Sowell T. *Discrimination and Disparities*, New York, Basic Books, 2019, 320 p.

Stiglitz J. *People, Power and Profits. Progressive Capitalism for an Age of Discontent*, Moscow, Al'pina Pabliher, 2020, 430 p. (In Russ.).

Williams J.C. *White Working Class: Overcoming Class Cluelessness in America*, Boston, Harvard Business Review Press, 2018, 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Александрович Давыдов

кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-код: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry A. Davydov

Candidate of Political Science, Senior Researcher, Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0001-7978-9240;
ResearcherID: O-3033-2017;
SPIN-code: 1881-6989;
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Скоробогатский В.В. Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 90-106. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_90

УДК 351/354:316

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_90

Цифровая трансформация государственного управления: институциональные пределы возможного

Вячеслав Васильевич Скоробогатский

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

Поступила в редакцию 14.10.2022, поступила после рецензирования 14.11.2022, принята к публикации 19.12.2022

Одной из актуальных задач развития российского социума является модернизация системы государственного управления, приведение государственного устройства в соответствие с требованиями, которые предъявляет новая социальная реальность – переход от индустриального к информационному обществу. Особенность исторической ситуации, характерной для российского общества, заключается в том, что оно стоит перед двуединой задачей перехода, во-первых, на следующую ступень цивилизационного развития, во-вторых, от авторитаризма к демократии. При этом происходящее на локально-историческом уровне образует своего рода контекст, напрямую влияющий на результаты движения в русле общеисторического (глобального) процесса, опосредствует масштаб и глубину цивилизационного сдвига. Контекст, обуславливающий возможные пределы такого сдвига, – состояние базовых институтов общества, в первую очередь политических. В статье показано, что административно-бюрократическая модель государственного управления, внедряемая в России на протяжении двух десятилетий, в последние годы переживает цифровую трансформацию. Основным направлением цифровизации является сфера услуг, которые государство оказывает гражданам, организациям и бизнесу. Отмечается, что применение современных технологий не приводит к повышению эффективности государственного управления, а его низкое качество становится основным фактором, препятствующим экономическому росту и формированию человеческого капитала. На основе проведенного исследования делается вывод, что причина низкого качества государственного управления и противоречивых следствий его цифровизации заключается в том, что по основным своим характеристикам российское общество остается советским. Пережитая на рубеже 1990–2000-х гг.

© Скоробогатский В.В., 2023

архаизация социальных, экономических и политических институтов в русле политического курса на отказ от рыночных и демократических реформ создала ситуацию институциональной ловушки, в которой находится российское общество сегодня и которая препятствует эффективному использованию технологий нового поколения.

Ключевые слова: цифровизация, модернизация государственного управления, мета-методологическая платформа в социальной науке, архаизация базовых институтов общества, советское как культурно-исторический тип, корпоративное устройство общества, институциональные ловушки

Digital Transformation of Public Administration: Institutional Limits of the Possible

Vyacheslav V. Skorobogatskiy

Ural Institute of Management – Branch of RANEPa

Yekaterinburg, Russia

E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

Received 14.10.2022, revised 14.11.2022, accepted 19.12.2022

Abstract. One of the topical tasks of the development of Russian society is the modernization of the public administration system, bringing the state structure in accordance with the requirements of a new social reality – the transition from an industrial to an information society. The peculiarity of the historical situation characteristic of Russian society is that it faces a twofold task of transition, firstly, to the next stage of civilizational development, and, secondly, from authoritarianism to democracy. At the same time, what is happening at the local-historical level forms a kind of context that directly affects the results of the movement in the mainstream of the general historical (global) process, mediates the scale and depth of the civilizational shift. The context that determines the possible limits of such a shift is the state of the basic institutions of society, primarily political ones. The article shows that the administrative and bureaucratic model of public administration, being implemented in Russia for two decades, has been undergoing a digital transformation in recent years. The main direction of digitalization is the sphere of services that the state provides to citizens, organizations, and businesses. It is noted that the usage of modern technologies does not lead to an increase in the efficiency of public administration, and its low quality becomes the main factor hindering economic growth and the formation of human capital. As a result of the study, it is concluded that the reason for the low quality of public administration and the contradictory consequences of its digitalization is that, in terms of its main characteristics, Russian society remains Soviet. The archaization of social, economic and political institutions experienced at the turn of the 1990s – 2000s in line with the political course of abandoning market and democratic reforms has created a situation of an institutional trap in which Russian society is today and which prevents the effective usage of new generation technologies.

Keywords: digitalization, modernization of public administration, meta-methodological platform in social science, archaization of basic institutions of society, the Soviet as a cultural and historical type, corporate structure of society, institutional traps

For citation: Skorobogatskiy V.V. Digital Transformation of Public Administration: Institutional Limits of the Possible, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 90-106. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_90

Введение

Идея цифровизации в России получила сегодня тотальное значение. Она рассматривается как путь к модернизации («догнать и перегнать!») не только экономики, но и сферы социальной коммуникации, культуры, образования, здравоохранения и, наконец, государственного управления (Александров 2020: 16-17)¹. Иначе говоря, эта идея приобрела всеобъемлющий характер и применяется в различных областях общественной жизни без учета того, имеются ли для ее осуществления необходимые и достаточные условия, в первую очередь институциональные, а не только технические, финансовые и кадровые. Цифровизация стала своеобразной палочкой-выручалочкой, магическим средством, с помощью которого будто бы можно найти выход из тупиков и неопределенностей нынешнего состояния, добиться чудесного преобразования действительности. У этой практики есть знаменитый предшественник – Сталин, который в переломных ситуациях активно и с успехом использовал фетиш под названием «новая, высшая техника»². Как показал исторический опыт, фантастический реализм был течением не только в русской литературе (Гоголь, Достоевский, Булгаков), но и в политике. Парадоксально, но при всей нелюбви российских правящих кругов к «коллективному Западу» во главе с США, они охотно используют технократические подходы, которые рождены на Западе и использование которых в немалой степени обуславливает его (Запада) экономические и социальные достижения. Впрочем, еще Х. Ортега-и-Гассет отметил, что «восстание масс» сопровождается американизацией их мировоззрения, когда дух (или демон) техники отодвигает на второй или третий план культуру с ее ценностями и вызывает одичание современной жизни, которое О. Шпенглер рискнул назвать цивилизацией (Ортега-и-Гассет 1997: 52-54, 86, 88-89).

При такой постановке вопроса в сторону отодвигаются не только институциональные, но и политические факторы и подходы к осуществлению намечаемых инноваций. Причем в последние два десятилетия дистанцирование от публичной политики является вполне осознанной установкой, если угодно, своеобразным политическим курсом, в русле которого программы модернизации строятся на замене политических технологий иными, идеологически нейтральными. Точнее, допускающими то или иное их

¹ См. также: Добролюбова Е.И. 2021. Качество государственного управления сквозь призму международных рейтингов и оценок российских экспертов // Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС. 28.09.2021. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/konferencii-ctgu/4735-v-akademii-obsudili-prioritetnye-napravleniya-povysheniya-kachestva-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 13.10.2022).

² Сталин И.В. 1938. История Всесоюзной коммунистической партии (большевики). Краткий курс. Москва : Правда. С. 274-276.

идеологическое наполнение в зависимости от внешней и/или внутренней конъюнктуры. И кажется, что цифровые технологии представляют собой идеальный материал для подобных операций. Но не постигнет ли цифровизацию судьба других начинаний, брошенных на полдороге, как это случилось с рядом предшествующих проектов долгосрочного масштаба? Ни идея укрепления вертикали власти, ни национальный план противодействия коррупции так и не стали стратегическими программами государственной политики. Сыграв на первых порах роль манифеста, открывающего эпоху нового правления, они вскоре подверглись рутинизации и превратились в совокупность ежегодно составляемых планов и отчетов.

Методология исследования

В данной ситуации приобретает актуальность вопрос о потенциале и границах технологических инноваций, о соотношении технологий, с одной стороны, политики, экономики, культуры и социальности, взятых и вместе, как единое целое (общество), и по отдельности, с другой. Но постановка такого вопроса выводит нас за границы собственно методологии, поскольку затрагивает область более широкую, чем проблема выбора и обоснования того или иного метода или подхода. Речь здесь идет о фундаментальных вещах, а именно о давно назревшей смене метаметодологической платформы в отечественной социальной науке. Под такой платформой мы понимаем доминирующий в научном сообществе и практике социальных исследований дискурс, основания и корни доминирующего положения которого выходят за пределы собственно науки и погружены в область ее институциональной инфраструктуры.

Привычные ссылки на переходный характер российского социума, которые звучат на протяжении вот уже трех десятков лет, с одной стороны, избавляют нас от теоретико-методологических головоломок, неизбежных при попытках серьезных инноваций в этой области, а с другой – являются наглядным свидетельством стагнации в области методологии социальной науки. С нашей точки зрения, она обусловлена сохранением и явным или неявным использованием революционно-диалектического дискурса – того теоретического языка науки, который сложился под воздействием марксистско-ленинской идеологии в институциональной среде советского общества и получил закрепление в культуре. Формально провозглашенный отказ от марксизма-ленинизма не привел к автоматическому обновлению методологических ориентиров и инструментов научного исследования, для этого требуется рефлексия над основаниями метода. Последняя же предполагает погружение в область институциональной инфраструктуры, выявление ее характеристик и определение того воздействия, которое базовые институты оказывают на семантику и словарь теоретического языка социальной науки.

Иными словами, смене метаметодологической платформы предшествует деидеологизация науки – процедура, осуществляемая посредством не политических, организационных и финансовых акций

(люстрация кадров, изменение номенклатуры научных учреждений и их организационно-правовых форм, поддержка одних направлений и программ исследований и запрет других), а собственно научных инструментов. Сам характер методологической рефлексии, ее направленность на институциональную инфраструктуру социальной науки «подсказывают», что искомой заменой революционно-диалектического дискурса может стать неoinституционализм, сопряженный с рядом концептуальных подходов, сложившихся в современной науке в середине – второй половине XX в. Среди них можно выделить системный, социально-эволюционный, социокультурный подходы, кибернетику, синергетику, конструирование реальности и т.п. Мы полагаем, что неoinституционализм задает методологическую перспективу, в соответствии с которой на базе указанных концептуальных подходов осуществляется формирование новой метаметодологической платформы социальной науки, ее современного теоретического языка.

В каком обществе мы живем?

В нашем исследовании мы будем исходить из предположения, что сохранение и использование в социальной науке теоретического языка, принадлежащего, казалось бы, давно преодоленному прошлому, обусловлено не только инерционными явлениями в корпоративной культуре научного сообщества. Подобного рода инерция, порождаемая воздействием «культуры партийности» (Гордон 2009), конечно, играет определенную роль. Но в большей степени она обуславливается воспроизводством того институционального строя, который сложился в обществе советского периода и продолжает свое существование в структурах нашей повседневности. Рассматриваемый в данном ракурсе вопрос, почему технологии, реально действующие и эффективные в одних условиях, в других, напротив, могут стать инструментами утопического (идеологического) конструирования реальности и способствуют симуляции перемен, для своего решения предполагает ответ на вопрос: в каком обществе мы живем?

Возможно, причины утраты интереса к недавно еще актуальным заданиям, начиная с политических и экономических реформ 1990-х гг., заключаются в том, что попытки их осуществления в скором времени поставили реформаторов перед необходимостью серьезных перемен как в государственном устройстве, так и в управлении. Опыт преобразований, проводившихся в стране в последние три десятилетия, показал, что дело не в их принципиальной неосуществимости ввиду так называемой неготовности общества к переменам. Главным препятствием на пути реформ оказались сами элиты, точнее, их стремление при всех возможных сценариях развития сохранить статус-кво, сложившийся на первом этапе преобразований. Как только обнаружилось, что системным следствием реформ при их последовательном продолжении может стать социальная трансформация, которая коренным образом изменит структуры господства и подчинения, социальную и политическую иерархию, порядок доступа социальных групп к ключевым ресурсам, элиты утратили политическую волю к «либеральной»

(демократической и рыночной) перспективе. Достижение и сохранение социальной стабильности создают возможность продолжения политики социального неравенства, которая закрепляет доминирование сложившихся в 1990-е гг. в российском обществе элит. Административно-бюрократическая модель устройства государства и системы государственного управления при этом остается важнейшим инструментом поддержания достигнутого статус-кво. Сама же установка на сохранение стабильности имеет большую значимость в глазах правящих групп, нежели ее социальная цена ее долгосрочного осуществления – неизбежно снижающийся уровень (качество) государственной и гражданской жизни.

Неопределенность будущего, ближайшего и отдаленного, вытекающие отсюда риски и прямые угрозы для их доминирующего положения и исключительного права доступа к властным и финансово-экономическим ресурсам – таковы, на наш взгляд, основные причины, которые обусловили и обусловливают инициированный элитами отказ общества от перемен. Отказ негласный, но ставший очевидным после дефолта 1998 г., который завершил период политических и экономических реформ 90-х гг., способствовал досрочной отставке президента Б.Н. Ельцина и стал в национальном сознании памятной зарубкой – символическим знаком крушения демократического проекта в том его виде, в каком он сложился в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в русле идейного завершения и отрицания политического курса перестройки.

Отказ от демократического выбора и наступившее безвременье, своего рода историческая пауза, взятая элитами при молчаливом согласии уставших от тягот бессистемного реформирования широких масс, – все это не означало ни бездействия элит, ни отсутствия политического курса и социальной динамики. С нашей точки зрения, применительно к первому десятилетию XXI в. можно говорить о стратегическом повороте, содержанием которого стала архаизация базовых институтов общества, или социальная деградация как технология выживания социума в ситуации, где перед ним напрямую встает экзистенциальный вопрос: «быть или не быть?» (Кара-Мурза 1995: 13). В исторических ситуациях, для которых характерна социальная динамика стагнирующего типа, одним из выходов становится реконструкция, возрождение архаических институтов, опирающихся на традицию, на исторический опыт прошлого и потому обладающих повышенной устойчивостью по отношению к внутренним вызовам, отступлениям от институционального порядка. При этом ссылки на традицию могут быть уловкой, маскирующей под видом традиции такие новообразования, которые обеспечивают, во-первых, стабилизацию дезорганизованных и распадающихся социальных и межличностных отношений в социуме на более низком (упрощенном) уровне организации, во-вторых, способствуют закреплению доминирующего положения правящих элит.

Подобного рода стратегии институциональных изменений имеют сходство с некоторыми формами биологического прогресса, описанными в работах А.Н. Северцова, в частности, с дегенерацией (Северцов 1967: 86, 91).

Но если с точки зрения биологии различные варианты эволюционного развития являются функционально равноценными, то с точки зрения исторического процесса осознанная политика деградации имеет иной смысл. Дж. Агамбен отмечал, что еще со времен Платона и Аристотеля в поле зрения политической науки попало различие между двумя способами существования индивида в обществе – *zoé*, или природная жизнь человека как социального животного («голая жизнь»), и *bios*, или жизнь человека как культурного существа, согласованная с идеей (общего) блага. Пространством *zoé* является *oikos* («дом»), а пространством *bios – polis* («город») (Агамбен 2011: 7-8). Рассматриваемая в этом ракурсе стратегия архаизации институтов порождает тенденцию вынужденного «выхода» человека из политики, замыкания в узком кругу задач физического выживания, приводит к снижению уже достигнутого уровня прав и свобод человека, к возрастанию социального неравенства и, что немаловажно для государства, к ослаблению его позиций на международной арене, к возможному ограничению национального суверенитета.

Наступление эпохи «нового варварства» сопровождается форсированным распространением экстрактивных институтов, которые поддерживают право преимущественного присвоения общественного богатства доминирующими социальными группами. При этом экономический рост может сочетаться с замедлением или даже с отсутствием реального развития – явление, которое представляет собой меньшее зло, нежели снижение уровня социальной стабильности, которое становится неизбежным следствием повышенной динамики, ее негативным (для доминирующих групп) эффектом. Опора на подобные институты в экономике и политике связана с сознательным выбором элит (Стародубровская 2019: 175).

Ценой отказа от инноваций становятся экономическая отсталость, укрепление авторитарных тенденций в политике и культурная деградация. Такковы условия достижения стабильности, восстановления институционального порядка в ситуации осознанного отказа от перемен. Достигаемое здесь состояние устойчивого неэффективного равновесия – институциональная ловушка (Полтерович 2007: 89) исторического масштаба; состояние, при котором взятая элитами пауза, казавшаяся временным тактическим маневром, становится историческим антрактом – более или менее длительным периодом безвременья. Основным содержанием этого периода выступает выборочная реставрация базовых институтов советского, дополняемая их поверхностной модернизацией. Завышенные установки, провозглашаемые, но не реализуемые задачи модернизационного характера служат главным образом целям маскировки архаизации.

Пожалуй, решающим условием успешной маскировки действительных тенденций является то обстоятельство, что природа советского в значительной степени остается «пробелом» в общественном сознании и особенно в массовом сознании, для которого с началом перестройки был характерен переход от позитивного восприятия социалистической действительности к негативным ее оценкам (Юрчак 2014: 42-44), а когда советское стало прошлым, произошел обратный поворот к его идеализации. Несмотря на

высокую частоту словоупотребления, советское, по сути, используется как термин с расплывчатым значением, поскольку имеет служебное значение, указывая либо на хронологические (1917–1991 гг.), либо на идеологические («социализм – капитализм»), либо на «национально-местные» (относящиеся к СССР) черты изучаемого явления (Скоробогачкая, Скоробогачкий 2020: 33-35). Так, в словосочетании «советский человек» советское выступает в роли прилагательного, которое может означать в зависимости от контекста и первое, и второе, и третье.

С нашей точки зрения, советское, несмотря на свою грамматическую форму, – имя существительное: это понятие, характеризующее определенный культурно-исторический тип. Как тип культуры, советское надстраивается над экономическими, политическими и социальными структурами общества, составляет их системное качество, то есть особого рода сверхчувственную реальность, и придает этому обществу форму целого. В данном отношении советское всегда «больше» совокупности составляющих его частей. Одной из особенностей этого типа культуры является конечная ориентация не на ценности и стоящее за ними высшее начало (Бог, Абсолют, мировой Закон), но на сверхценность – власть-потестарность, в поле воздействия которой совершается оборачивание смыслового содержания традиционных (классических) ценностей, сохраняющих свое место и в гражданском обиходе, в повседневности, и в новой культуре. Власть-потестарность является субстанцией, внутренней движущей силой советского в его социальном выражении, а само советское может рассматриваться как бытие-к-власти (Скоробогачкий 2021: 68). В силу этого установка на доминирование (как предварительное условие решения любых задач, от общегосударственных до частных и бытовых) составляет характерную особенность поведения социальных акторов различного вида и масштаба.

Потестарность в мире советского представляет собой власть архаического вида, характеризующуюся «рыхлой», элементарной структурой и слабой дифференциацией функций, тяготея к господству, основанному на насилии и принуждении. Она распределяется по горизонтали и по вертикали социальной организации и обуславливает не только связь между ее частями, но и своеобразное переплетение частного и публичного, общественного и государственного. «Общество» и «государство» – не две относительно самостоятельные «сущности», они сосуществуют по принципу «два в одном». Это функциональные проекции, функциональные системы советского как целого¹. Первая из них («общество») характеризуется институциональной незавершенностью, не «дорастая» до гражданского состояния, конституируемого разветвленной сетью самодеятельных организаций различного вида. Вторая же («государство») отмечена функциональной недостаточностью, которая проступает в неспособности «государства» соответствовать ключевым определениям (в первую очередь «социальное» и «правовое») современного государства. Возможно, дело

¹ Механизм системной дифференциации целого подробно рассматривался отечественными исследователями (Южаков 2011: 135-155).

еще и в открытом, осознанном нежелании представляющей его правящей корпорации вносить принципиальные изменения в существующее социальное и государственное устройство.

Если власть-потестарность составляет внутреннюю основу существования советского, то формой его существования является социальная организация корпоративного типа. Корпоративное начало пронизывает советское сверху донизу, чем обуславливается известная организационно-институциональная однородность социального пространства, в границах которого протекает государственная и общественная жизнь. Мир советского составлен из корпоративных образований, социальных групп и организаций различного масштаба и функционального назначения. Они соединяются в целое посредством вертикальной иерархии, венчаемой на самом вершине правящей корпорацией и символическим образом вождя-перводвигателя. Место той или иной социальной группы или организации (рядовой корпорации) в данной структуре, определяемое мерой доступа к публичной власти, опосредствует степень причастности группы (организации) и составляющих ее индивидов к распределению значимых ресурсов – социальных, экономических, финансовых, культурных (Кордонский 2010: 38-41) – и, соответственно, «раздаток», долю, «причитающуюся» этой группе (Бессонова 2006).

Возникновение советского в начале XX столетия было ответом русской истории на вызовы индустриализации и социальной и политической модернизации второй половины XIX – начала XX вв. Сам же акт возникновения советского и его последующую историю можно рассматривать как «местную», российскую версию общеевропейской модернизации, ее «обочинный», запаздывающий во времени, «догоняющий» вариант, протекающий в режиме притяжения/отталкивания. Эволюция советского и его историческая судьба в целом определялись и определяются его пластичностью, способностью мимикрировать в соответствии с вызовами внешней и внутренней среды, сохраняя относительно неизменным внутренний институциональный строй. Симуляция перемен, возможность приспособить институты и корпоративную организацию общества/государства к требованиям текущего момента, реактивная отзывчивость к действию сиюминутных факторов – таковы ограничения, дальше которых не может идти никакая реформа, никакая модернизация советского.

Институциональные пределы цифровой трансформации государственного управления

С известными основаниями можно утверждать, что современное российское общество (общество в широком смысле слова, включающем и институты государственности) остается в своих основных чертах советским. Подход к советскому как культурно-историческому типу позволяет утверждать, что его существование определялось и определяется (вопреки идущему, кстати, из советского времени представлению) не экономическим базисом или, беря шире, так называемыми объективными условиями и

факторами – социальными, экономическими, политическими и иными. Последние определяют конфигурацию, характер и конкретные формы исторической динамики советского, его историческое «лицо» на том или ином этапе развития. В основе же существования и видоизменения советского лежит нечто более глубокое – культура, которая представлена в бытии общества не только совокупностью ценностей (идеологических принципов) и художественных раритетов, но также системой формальных и главным образом неформальных институтов, формировавшихся на протяжении многих десятилетий дооктябрьской и послеоктябрьской истории советского.

Эта система имела разветвленный, многоуровневый, всеохватывающий характер институционального порядка, «скелета» – внутренней формы, которая задавала параметры функционирования общества и контролировала их исполнение, стимулируя исполнительных и послушных и наказывая несогласных или нерасторопных. Система институтов дополнялась социальным хабитусом, под которым понимается массив жизненных практик, совокупный опыт существования человека в мире советского, включая техники выживания в критических, кризисных ситуациях как его, опыта, квинтэссенцию, как специфическую разновидность социального и человеческого капитала. Структурным «атомом» советского, его элементарным носителем стал новый культурно-антропологический тип – советский человек (Скоробогацкий 2014: 239-240).

Поэтому многоэтапная социальная трансформация (Заславская 2004), включающая перестройку, экономические и политические реформы 1990-х, административные и политические реформы 2000-х и последующих годов, оказалась не чем иным, как чередой попыток обновления советского в соответствии с реалиями постиндустриального (информационного) общества, с новым технологическим укладом «Индустрия 4.0» (Шваб, Дэвис 2018). С нашей точки зрения, цифровая трансформация становится очередным ресурсом обновления советского в текущих условиях перехода к новому технологическому укладу, подобно тому, как прежде в этой роли поочередно выступали электрификация (1920-е гг.), сталинская индустриализация (1930-е гг.), автоматизация производства и управления (1950-е гг.), химизация (1960–1970-е гг.) и другие кампании, по своему характеру одновременно и технологические, и идеологические.

Имманентная связь технологии и идеологии, которая находит практическое воплощение в утопическом конструировании реальности, – одна из сторон советского, благодаря которой оно обладает способностью к мимикрии, к внешнему, поверхностному заимствованию изменений, происходящих в окружающем мире. Глубина и основательность таких заимствований принципиально ограничиваются уровнем вещей и технологий. Допускаются изменения таких параметров функционирования общества как целого, при которых сохраняется его корпоративная организация и доминирующее положение правящих элит с их исключительным правом доступа к власти и ключевым ресурсам.

Ограниченный характер заимствований в значительной степени сужает пространство культурного диалога российского общества с другими

обществами и культурами. Исключенными из диалога-взаимодействия оказываются во многом мир идей и мир ценностей. Идеологическим «фильтром-цензором» в данном случае выступает доставшийся в наследство от советского дискурса, теоретический и культурный одновременно. Важной особенностью теоретического языка советского марксизма было то, что он формировался на основе языка классического марксизма, с той или иной степенью адекватности воспроизводившего социальную реальность середины XIX в., господствовавшие в науке того времени подходы и взгляды, а также коллективные представления, характерные для мироощущения маргинальных слоев населения, аутсайдеров индустриальной революции. Консервация этих подходов и представлений в семантике советского дискурса, идеологического по своей сути, породила определенный фильтр, осуществлявший цензуру новых идей. Критерием отбора нового в науке, экономике и политике была его способность закреплять глубинные основы существующего институционального порядка, в первую очередь корпоративную организацию общественной жизни. Эти функциональные характеристики советского дискурса нашли свое продолжение в метаязыке современной социальной науки, в политических установках и приоритетах властвующих групп и в технологиях идеологического конструирования картины мира и общественного мнения системой образования и средствами массовой информации.

Социально-политический механизм, который обеспечивает сохранение корпоративного строя общества и существующей иерархии в мире советского, – государство. Для построения такого государства правящие элиты в течение вот уже двух десятилетий используют административно-бюрократическую модель, но без особого успеха, поскольку эффективность данной модели предполагает выполнение основополагающего требования: правят законы, а не лица или группы лиц. Для государственного устройства в современной России это требование в принципе невыполнимо в силу того, что фундаментальной, базовой характеристикой российской государственности, как мы указывали выше, является корпоративность. Это ключевой элемент внутренней среды мира советского, который представляет собой своеобразную призму, преломляющую внешние влияния и распределяющую их «следы» во внутреннем пространстве системы. Он определяет характер заимствований – *что* именно заимствуется, в *каких* областях, для *каких* целей. Не менее важно, что он определяет также и способ интерпретации заимствованного, включая его переосмысление и переделку под потребности системы и в соответствии с существующими «местными» нормами и правилами.

Принцип (начало) корпоративности не только опосредствует заимствования, переводя их на язык местной культуры и социума; благодаря его влиянию возникает средостение, задающее определенную дистанцию между «своим» и «чужим». В ментальном плане этот зазор проявляется в виде изначального недоверия к чужому, в хронологическом – в виде запоздавающего, выборочно-случайного обращения к «чужому» новому, в семантическом – в виде принципиальной разности языков, в силу чего

институты, ключевые для успешного усвоения чужого опыта (например, разделение государственной власти на относительно самостоятельные ветви, права и свободы человека, неприкосновенность частной жизни и т.д.), либо не имеют аналогов в российской действительности, либо получают превращенное, во многом декоративное выражение. Существующая модель государства, оберегающего (как панцирь черепахе) корпоративную организацию общества, остается «священной коровой», задает красную линию для любых попыток модернизации, какие бы выгоды она ни сулила отдельным, даже самым влиятельным группам и населению в целом.

Поэтому попытки повысить эффективность и качество государственного управления посредством его цифровой трансформации не затрагивают принципиального устройства государства и направлены главным образом на сферу государственных услуг, оказываемых гражданам, организациям и бизнесу. В литературе отмечается, что применяемые при этом показатели (маркеры перемен) ограничены оценкой электронных сервисов и интенсивности электронного документооборота в ущерб остальным возможным направлениям цифровизации государственного управления (Добролюбова, Южаков, Старостина 2021: 9). В частности, не оценивается эффект от цифровизации управления для граждан, бизнеса и самого государства.

Представляется, что авторы подобных нововведений рассматривают их исключительно с технической стороны, не принимая во внимание социальных и экономических последствий или будучи органически неспособными к восприятию таких «мелочей», несущественных с точки зрения государства, предпочитающего вступать в отношения преимущественно с большими социальными группами и хозяйствующими субъектами. Это неизбежное проявление пониженной социальной чувствительности, характерной для государства подобного типа, ориентированного в своей деятельности на массу и на количество – показатели эффективности, принятые в индустриальном мире прошлого века, где на переднем плане находились машиноподобные системы, а не люди с их правами и свободами, индивидуальными стремлениями, выходящими за рамки корпоративных, предписанных целей. Вследствие такого подхода возрастают риски формального осуществления проекта, в том числе принятия и реализации решений, не соответствующих уровню, которого достигли страны – лидеры цифровизации (Добролюбова, Южаков, Старостина 2021: 10).

Отвлеченность проекта цифровой трансформации государственного управления от институционального и политического контекстов обуславливает достаточно высокую степень опасности его рутинизации, о чем мы говорили выше, ссылаясь на исторический опыт технологических «рывков» в прошлом. Анализ промежуточных результатов цифровой трансформации в этой области показывает несопоставимость тенденций и вытекающих отсюда задач, которые характерны для стран с высоким уровнем развития экономики и качеством государственного управления, с одной стороны, и России, с другой (Добролюбова 2021). Стоящие перед нашим обществом вызовы возникают в ситуации незавершенной модернизации индустриального типа, уже третьей по счету после первой, которая пришлась на конец

XIX – начало XX в., и второй – советской (1930–1960 гг.). Одной из причин этой незавершенности в обоих случаях было слабое развитие институтов демократии и тесно связанная с этим неэффективность государственного управления. Цена отказа от политики в области реформ государственного управления – его низкое качество. В эпоху цифровой трансформации это обстоятельство остается фактором, препятствующим экономическому росту (Добролюбова 2021: 26).

В новых обстоятельствах неэффективность государственного управления проявляется в виде чрезмерного и необоснованного вмешательства государства в экономические, социальные и иные процессы¹, низкого уровня защищенности человека (гражданских и политических прав и свобод, персональных данных и неприкосновенности личной жизни) (Южаков и др. 2021: 12-14), а также здравоохранения и образования (Добролюбова 2021: 23-26), значительного масштаба коррупции (136-е место в мире рядом с Анголой, Либерией и Мали согласно данным на 2022 г., позади Белоруссии, Казахстана и Украины), резкой дифференциации в доходах, заработной плате и др. Существует правило, согласно которому административно-бюрократическая модель государства и государственного управления в условиях перехода к информационному обществу систематически порождает политику, ведущую к воспроизводству и углублению социального неравенства, к росту социальной несправедливости. Она как таковая, в принципе, неадекватна условиям и требованиям современности. Государство остается в стороне от ведущих трендов в развитии миросистемы (Семененко, Лапкин, Пантин 2021; Телин 2021) и системным образом препятствует модернизации различных сфер общественной жизни.

Но советским остается не только государство. Советским остается и общество, которое, с одной стороны, высказывает недовольство реальным положением дел в экономике, культуре, образовании, здравоохранении, уровнем и качеством жизни, но, с другой стороны, как и в былые времена, «в общем и целом» склонно доверять правительству и поддерживать политический режим, считая виновниками многочисленных проблем современную «номенклатуру» либо негативное воздействие внешних факторов. Между государством и обществом сложился и сохраняется определенный консенсус. Его основу составляет негласное соглашение об отказе от серьезных политических и экономических реформ, которые в радикальной форме «штурма по-большевистски» проводились в 1990-е гг. И пока это соглашение остается в силе, сохраняется ситуация институциональной ловушки, в которой уже два десятилетия находятся социум и государство.

¹ Добролюбова Е.И. 2021. Качество государственного управления сквозь призму международных рейтингов и оценок российских экспертов // Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС. 28.09.2021. URL: <https://ipei.ranepa.ru/ru/konferencii-ctgu/4735-v-akademii-obsudili-prioritetnye-napravleniya-povysheniya-kachestva-gosudarstvennogo-upravleniya> (дата обращения: 13.10.2022).

Заключение

Исторически задача трансформации советского встала в повестку дня с середины 1950-х гг. Именно тогда был сделан вывод: природные, человеческие и культурные ресурсы воспроизводства советского в его прежнем виде исчерпаны. Но принципиальный вопрос заключался в том, способно ли советское изменить свою конструкцию, чтобы приспособиться к принципиально новым условиям и требованиям, которые несет с собой приближение нового мира, как бы его ни называли в последние полвека – общество научно-технического прогресса, информационное общество, индустриальное общество второго поколения или как-то еще. История сделала на рубеже тысячелетий рывок, и не только в области технологий. Меняются политические режимы, государственное устройство, экономика, социальные структуры и многое другое в жизни общества. Но главная область, которую затронули перемены, – культура и человек. Расширение человеческой свободы, перешагивающей оставшиеся от прошлого и еще недавно казавшиеся нерушимыми границы и барьеры – национально-государственные, социальные, религиозные, этнические, языковые, ценностные, захватывает людей независимо от места их проживания, от того, к какому из миров, к каким цивилизациям и странам они принадлежат. Это событие планетарного, глобального масштаба, втягивающее в русло перемен весь человеческий род, поскольку свобода – врожденное свойство человека, естественное право любого индивида, которое основывается на том, что он человек.

Данное обстоятельство создает перспективу, вне которой не имеет смысла рассматривать историческую судьбу советского и, что намного важнее, место России в новом мире. Ключом, открывающим вход в этот мир, являются не технологии, какой бы важной ни была (ни казалась) их роль. Сами по себе попытки создания нового технологического уклада, предпринимаемые в отрыве от соответствующих изменений в культуре, политике, социальной структуре, не дадут желаемых результатов. Для новых технологий необходимо другое социальное устройство, гибкое, саморегулирующееся, заключающее в себе высокий потенциал самоорганизации и самоуправления. Нужны новые модели доступа социальных акторов к ресурсам и ключевому из них – к власти, и, соответственно, новые формы и возможности массового участия. Нужно другое качество культуры, образования, здравоохранения, социальной среды – всего того, что формирует человеческий капитал как решающий фактор развития общества в глобализованном мире (May 2012: 115) и составляет социальный фундамент реализации прав и свобод человека. Корпоративные принципы социальной организации и архаизированные институты экстрактивного типа должны уступить место другим, более эффективным в экономическом, социальном и административно-управленческом отношении.

Все это предполагает децентрацию власти, децентрализацию государственного и местного управления, укрепление институтов демократии в жизни местных сообществ. Эти и другие процессы меняют структуру

социального пространства, что не просто открывает возможности, но порождает необходимость перехода к новым технологиям в области экономики, политики, социальных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Агамбен Дж. 2011. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. Москва : Европа. 256 с.

Александров В.Б. 2020. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // Управленческое консультирование. № 2. С. 16-21. DOI 10.22394/1726-1139-2020-2-16-21

Бессонова О.Э. 2006. Раздаточная экономика России. Москва : Российская политическая энциклопедия. 144 с.

Гордон А.В. 2009. Культура партийности и опыт советского историознания // Россия и современный мир. № 3. С. 160-180.

Добролюбова Е.И. 2021. Оценка качества государственного управления в России и других крупных экономиках мира // Государственная служба. Т. 23, № 1. С. 19-27. DOI 10.22394/2070-8378-2021-23-1-19-27

Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Старостина А.Н. 2021. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 234 с.

Заславская Т.И. 2004. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. Москва : Дело. 397 с.

Кара-Мурза А.А. 1995. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. Москва : Институт философии РАН. 211 с.

Кордонский С. 2010. Россия. Поместная федерация. Москва : Европа. 312 с.

Мау В.А. 2012. Человеческий капитал: вызов для России // Вопросы экономики. № 7. С. 114-132. DOI 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132

Ортега-и-Гассет Х. 1997. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. Москва : Весь мир. С. 43-163.

Полтерович В.М. 2007. Элементы теории реформ. Москва : Экономика. 447 с.

Северцов А.Н. 1967. Главные направления эволюционного процесса. Москва : МГУ. 201 с.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. (ред.) 2021. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века. Москва : Весь мир. 384 с.

Скоробогатая Н.А., Скоробогатый В.В. 2020. Советское: историко-культурный контекст феномена // Антиномии. Т. 20, № 2. С. 33-74. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202

Скоробогатый В.В. 2014. Безвременье и время философии. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 270 с.

Скоробогатый В.В. 2021. Советское: генезис, расцвет, пути трансформации в посткоммунистическую эпоху. Екатеринбург : Издательство Уральского университета ; Санкт-Петербург : Алетейя. 474 с.

Стародубровская И.В. 2019. Драма модернизационной теории. Статья 2. После кризиса: развилки и тупики современной модернизационной теории // Общественные науки и современность. № 2. С. 170-181. DOI 10.31857/S086904990004342-8

Телин К.О. 2021. Вместо мифа: «момент истины» для государства // Полис. Политические исследования. № 5. С. 184-191. DOI 10.17976/jpps/2021.05.13

Шваб К., Дэвис Н. 2018. Технологии Четвертой промышленной революции. Москва : Эксмо. 320 с.

Южаков В.Н. 2011. Организация процесса развития: онтология и методология управления развитием. Москва : Издательский дом В. Ема. 216 с.

Южаков В.Н. и др. 2021. Деятельность государства по защите охраняемых законом ценностей в период пандемии: оценка граждан / В.Н. Южаков, Е.И. Добролюбова, А.Н. Покида, Н.В. Зыбуновская // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 7-30.

Юрчак А. 2014. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. Москва : Новое литературное обозрение. 664 с.

References

Agamben G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Moscow, Evropa, 2011, 256 p. (In Russ.).

Aleksandrov V.B. The Idea of the Digital State in the Face of the Russian Cultural Tradition of Understanding of Sense of the Government, *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye* [Management Consulting], 2020, no. 2, pp. 16-21. (In Russ.). DOI 10.22394/1726-1139-2020-2-16-21

Bessonova O.E. *Distribution economy of Russia*, Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2006, 144 p. (In Russ.).

Dobrolyubova E.I. Assessing the Quality of Public Administration in Russia and Other Large Economies of the World, *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], 2021, vol. 23, no. 1, pp.19-27. (In Russ.). DOI 10.22394/2070-8378-2021-23-1-19-27

Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Starostina A.N. *Digital Transformation of Public Administration: Efficiency-Effectiveness Assessment*, Moscow, Izdatel'skiy dom "Delo", 2021, 234 p. (In Russ.).

Gordon A.V. Party Culture and Soviet Experience in Study of History, *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World], 2009, no. 3, pp. 160-180. (In Russ.).

Kara-Murza A.A. "New Barbarism" as a Problem of Russian Civilization, Moscow, Institut filosofii RAN, 1995, 211 p. (In Russ.).

Kordonskiy S. *Russia. Estates Federation*, Moscow, Evropa, 2010, 312 p. (In Russ.).

Mau V.A. Human Capital: Challenges for Russia, *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 2012, no. 7, pp. 114-132. (In Russ.). DOI 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132

Ortega y Gasset J. The Revolt of the Masses, J. Ortega y Gasset *Izbrannyye Trudy* [Selected works], Moscow, Ves' mir, 1997, pp. 43-163. (In Russ.).

Polterovich V.M. *Elements of the Theory of Reform*, Moscow, Ekonomika, 2007, 447 p. (In Russ.).

Schwab K., Devis N. *Shaping the Fourth Industrial Revolution*, Moscow, Eksmo, 2018, 320 p. (In Russ.).

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. (eds.) *The State in Political Science: Transformations in a Twenty-First Century Social Context*, Moscow, Ves' mir, 2021, 384 p. (In Russ.).

Severtsov A.N. *The Main Directions of the Evolutionary Process*, Moscow, MGU, 1967, 201 p. (In Russ.).

Skorobogatetskaya N.A., Skorobogatskiy V.V. The Soviet: Historical and Cultural Contexts of the Phenomenon, *Antinomii* [Antinomies], 2020, vol. 20, no. 2, pp. 33-74. (In Russ.). DOI 10.24411/2686-7206-2020-10202

Skorobogatskiy V.V. *The Soviet: Genesis, Flourishing, Ways of Transformation in the Post-Communist Era*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Saint Petersburg, Aleteyya, 2021, 474 p. (In Russ.).

Skorobogatskiy V.V. *Timelessness and the Time of Philosophy*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2014, 270 p. (In Russ.).

Starodubrovskaya I.V. Drama of Modernization Theory. Article 2. After Crisis: Forks and Deadlocks of Modernization Theory Today, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Studies and Modernity], 2019, no. 2, pp. 170-181. (In Russ.). DOI 10.31857/S086904990004342-8

Telin K.O. Replacing the Myth: “Moment of Truth” for the State, *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political studies], 2021, no. 5, pp. 184-191. (In Russ.). DOI 10.17976/jpps/2021.05.13

Yurchak A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*, Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2014, 664 p. (In Russ.).

Yuzhakov V.N. *Organization of the Development Process: Ontology and Methodology of Development Management*, Moscow, Izdatel'skiy dom V. Ema, 2011, 216 p. (In Russ.).

Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Government Performance in Protecting Public Values during Pandemic: Citizen Evaluation, *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Issues of State and Municipal Administration], 2021, no. 3, pp. 7-30. (In Russ.).

Zaslavskaya T.I. *Russian Society Today: Social Mechanisms of Transformation*. Moscow, Delo, 2004, 397 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Васильевич Скоробогатский

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала РАНХиГС, г. Екатеринбург, Россия;
SPIN-код: 5237-9048;
E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav V. Skorobogatskiy

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Public Administration and Political Technologies, Ural Institute of Management – Branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russia;
SPIN-code: 5237-9048;
E-mail: skorobogatskiy-vv@ranepa.ru

Рой О.М. Государственная политика в сфере безопасности: выбор приоритетов // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 107-122. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_107

УДК 316.334.3

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_107

Государственная политика в сфере безопасности: выбор приоритетов

Олег Михайлович Рой

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

г. Омск, Россия

E-mail: roi_omsk@mail.ru

Поступила в редакцию 27.06.2022, поступила после рецензирования 06.09.2022, принята к публикации 22.11.2022

Потребность в безопасности является одной из самых значимых потребностей человека. В статье рассматривается теоретическое содержание данного феномена, проводится анализ сложившихся подходов к его исследованию. Выделяются особенности безопасности как общественного блага, локализованного на национально-государственном и индивидуальном уровнях. Отмечаются трудности сочетаемости данных уровней друг с другом и их внутренняя противоречивость. Подчеркивается, что главным субъектом политики в области общественной безопасности выступает государство, которое определяет перечень специальных институтов, призванных обеспечить удовлетворение потребностей граждан в безопасности. Используя в качестве теоретико-методологической основы исследования теорию секьюритизации, автор статьи определяет основные уровни анализа и формы восприятия безопасности, особо выделяя ее внутреннюю и внешнюю разновидности. На примере соотнесения понятий исполнителя функции и распорядителя услуг безопасности раскрываются особенности функционирования деятельности по нейтрализации угроз безопасности на государственном и местном уровнях. Также обобщаются результаты пилотного социологического исследования, проведенного в мае – июне 2022 г. и посвященного анализу восприятия угроз безопасности на индивидуальном уровне, что позволило выявить общественно значимые приоритеты в обеспечении безопасности. На основе проведенного теоретического анализа безопасности как общественного блага и результатов социологического исследования автором формулируются принципы организации государственной политики в сфере безопасности и даются рекомендации по ее совершенствованию. Делается вывод, что глубокая связь между внутренними и внешними факторами безопасности требует слаженной и продуманной политики по их синхронизации. При этом государству необходимо внимательнее относиться к внутренним факторам риска, рассматривая такие важнейшие социальные сферы, как образование, здравоохранение и культуру, в качестве составных частей политики в области безопасности.

© Рой О.М., 2023

Ключевые слова: безопасность, общественное благо, теория секьюритизации, внешние факторы угроз, внутренние факторы угроз, опасность, риски, функции, услуги

National Security Policy: Priority-Setting

Oleg M. Roy

Dostoevsky Omsk State University

Omsk, Russia

E-mail: roi_omsk@mail.ru

Received 27.06.2022, revised 06.09.2022, accepted 22.11.2022

Abstract. The need for security is one of the most significant human needs. The article discusses the theoretical content of this phenomenon, analyzes the existing approaches to its study. It highlights the features of security as a public good, localized at the national-state and individual levels. The work notes difficulties in the compatibility of these levels with each other and their internal inconsistency. It is emphasized that the main actor of public security policy is the state, which defines a list of special institutions designed to meet the security needs of citizens. Using the securitization theory as a theoretical and methodological basis, the author defines the main levels of analysis and forms of perception of security, highlighting its internal and external varieties. By the example of correlating the concepts of the executor of the function and the manager of security services, the features of the functioning of activities to neutralize security threats at the state and local levels are revealed. The article also summarizes the results of a pilot sociological study conducted in May – June 2022 and devoted to the analysis of the perception of security threats at the individual level, which made it possible to identify socially significant priorities in ensuring security. Based on the theoretical analysis of security as a public good and the results of sociological research, the author formulates the principles of the organization of state policy in the field of security and gives recommendations for its improvement. It is concluded that a deep connection between internal and external security factors requires a well-coordinated and well-thought-out policy for their synchronization. At the same time, the state needs to pay more attention to internal risk factors, considering such important social spheres as education, health and culture as components of security policy.

Keywords: security, public good, securitization theory, external threat factors, internal threat factors, danger, risks, functions, services

For citation: Roy O.M. National Security Policy: Priority-Setting, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 107-122. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_107

Введение

Безопасность является одной из ключевых сфер общественной жизни. Она обеспечивает удовлетворение потребности человека в защите от негативного влияния неблагоприятных факторов как естественного, так и искусственного происхождения. Потребность в безопасности входит в число наиболее значимых потребностей человека. Знаменитый ученый А. Маслоу относил ее к первичной группе наряду с физиологическими потребностями,

удовлетворяемыми человеком в первоочередном порядке (Maslow 1954). Чувство безопасности присуще человеку в силу его биосоциальной природы, будучи основанным на инстинктах самосохранения и самозащиты.

Удовлетворяя свою потребность в безопасности, человек стремится получить защиту от различных угроз, вступая для этого во взаимоотношения с другими людьми, имеющими схожие ориентации. По мере вовлечения человека в систему общественных отношений изменяется и сам характер безопасности вследствие воздействия многочисленных факторов, оказывающих на отдельного человека опосредованное воздействие. Индивидуально человеку сложно реагировать на многочисленные угрозы, поскольку его личные усилия несоразмерны потенциальной силе этих угроз. Чтобы повысить эффективность защиты, необходимо передать функции по обеспечению групповой безопасности определенному общественному институту, который предоставляет соответствующую защиту в качестве общественного блага. Предоставление этим институтом услуг в области безопасности обеспечивает удовлетворение не столько индивидуальных, сколько групповых интересов, формируя систему коллективной защиты. Поэтому в отличие от других видов общественных благ безопасность ориентирована на максимальный объем социального представительства, не предусматривающий заявительного (присутственного) характера для его участников. К примеру, парк как общественное благо удовлетворяет потребность тех, кто его посещает, а за его содержание несут ответственность местные органы власти, тогда как за безопасность отвечает национальное правительство, осуществляющее свои функции на основе законодательства (Krahmann 2008).

Главным субъектом политики в области общественной безопасности выступает государство, которое определяет перечень специальных институтов, призванных обеспечить удовлетворение потребностей граждан в безопасности в соответствии с характером возникающих угроз и степенью их значимости для человека, а также распределяет ответственность за их нейтрализацию между соответствующими территориальными уровнями публичной власти. Для достижения поставленных целей государство разрабатывает специальную политику, основанную на оценке потенциальных угроз и применении имеющихся технологий противодействия этим угрозам.

Обзор литературы

Теоретические исследования в области безопасности исходили главным образом из того, что представляет собой политика в области безопасности, каким образом формируются приоритеты в преодолении возникающих угроз, как осуществляется выбор этих приоритетов (Гайдаев 2021; Медведев, Томашов 2009). В центре внимания находились в основном вопросы глобального характера, от терроризма, межгосударственных конфликтов и ядерного сдерживания до экологической безопасности, здравоохранения и транснациональной преступности (Collins 2022). Ряд авторов признавали, что в исследовании безопасности превалирует государственническая ортодоксальность традиционной международной безопасности, основанная на

военной защите территории от «внешних» угроз, тогда как безопасность человека представляет собой более широкий контекст в исследовании природы этого феномена (Newman 2010).

Определенное отклонение от глобализма в исследовании природы безопасности сделала Копенгагенская школа, разработав теорию секьюритизации, в соответствии с которой безопасность рассматривается как социальный конструкт. Действия и мотивы акторов безопасности носят преимущественно региональный характер, поскольку проблемы безопасности проявляются больше в непосредственном окружении индивида, нежели в глобальном формате. Эта теория нацеливает на рассмотрение комплексов безопасности с точки зрения того, как акторы интерпретируют уровень материальной обеспеченности объектов защитной инфраструктуры, а не со стороны самого содержания этих объектов (размера вооруженных сил или ядерного арсенала). «Простая физическая смежность имеет тенденцию генерировать большее взаимодействие в области безопасности между соседями, чем между государствами, расположенными в разных районах... Смежность является мощным фактором безопасности, потому что многие угрозы легче распространяются на короткие расстояния, чем на большие» (Buzan, Wæver 2003: 45).

Разработчики теории секьюритизации Б. Бузан и О. Вевер вслед за К. Уолтцем выделили три уровня анализа безопасности: уровень индивида (безопасность индивидов); уровень государства (национальная безопасность); уровень системы (международная безопасность) (Buzan, Wæver, Wilde 1998). Разделение уровней анализа безопасности следует рассматривать через призму разграничения сферы ответственности между наднациональными и национальными уровнями регулирования данной сферы, формирования единой сбалансированной государственной политики в сфере безопасности на основе гармонизации индивидуальных, национальных и глобальных интересов.

В продолжение этой классификации в литературе получило широкое применение разделение безопасности на внутреннюю и внешнюю, когда внутренняя связана с реакцией на угрозы, исходящие изнутри страны вследствие нарушения устойчивости базисных характеристик общественного устройства, а внешняя – с рисками за пределами государственных границ, что принято решать дипломатическими и (или) военными мерами (Викторов 2019; Фадеев 2016). Разделение безопасности на внутреннюю и внешнюю отображает амбивалентность исследуемого феномена, присутствующего одновременно на всех уровнях социальной организации – от личностного до мирового. Выбор государственной политики в сфере безопасности осуществляется в соответствии с оценкой влияния внутренних и внешних факторов, актуализация которых является предметом выбора социальных приоритетов.

В одной из наших работ уже отмечалось, что в России система безопасности является чрезвычайно централизованной и институционализированной главным образом в режиме сдерживания, ориентируясь преимущественно на нейтрализацию факторов прямого воздействия (терроризм, пожары, техногенные аварии и пр.), тогда как факторы косвенного влияния (экономические и социальные диспропорции, нарушение принципа верховенства права

и равенства всех перед законом, физическое здоровье населения и др.) не получили надлежащего институционального оформления (Рой 2018).

Таким образом, одной из ключевых проблем в исследовании безопасности является ее пограничное положение как общественного блага, локализованного на двух ярко выраженных уровнях – национально-государственном и индивидуальном, способы актуализации которых существенно различаются. Если национально-государственный уровень в своей основе апеллирует к удовлетворению интересов государства, выраженных в нормах законодательства или приоритетах социально-экономического развития, то индивидуальный – к нейтрализации локальных угроз, связанных с местом проживания человека, благосостоянием его семьи, обеспечением условий трудовой деятельности, проведением досуга, уверенностью в будущем и пр. Сочетаемость этих уровней между собой отнюдь не безусловна: укрепление безопасности на национальном уровне не означает того же самого для отдельных граждан, семей, их уверенности в своем будущем. И, наоборот, удовлетворенность человека условиями своего проживания, надежностью работы местных органов правопорядка не всегда коррелирует с высокой степенью защиты страны от внешних угроз. Поэтому возникает ряд вопросов. Каким образом человек актуализирует для себя безопасность как общественное благо? Насколько значимым для него является разделение безопасности на внутреннюю и внешнюю? И как в этих условиях должна формироваться государственная политика в области безопасности?

Безопасность как общественное благо

Безопасность является важнейшим общественным благом, которое требует определенных затрат, и объем которого регулируется степенью удовлетворенности граждан количеством или качеством этого блага.

Степень безопасности, как и всякого блага, может иметь шкалу интенсивности и, соответственно, измеримости. Будучи включенным в систему общественных отношений, каждый субъект (социальная группа) по-разному актуализирует характер общественной безопасности и определяет уровень цены, которую необходимо заплатить за ее обеспечение. Количественными разрядами шкалы интенсивности выступают значения риска проявления угрозы, то есть определенной вероятности того, что потребность субъекта в обеспечении стабильности своего существования будет поколеблена и принесет ему определенный ущерб. Однако вычислить такую вероятность вряд ли возможно, поскольку ее значение определяется множеством факторов, имеющих нерегулярный и подчас случайный характер.

Немецкий социолог Н. Луман отмечал, что когда исходишь из понятия риска и ищешь противоположное понятие, то прежде всего на ум приходит не опасность, а определенность. Ведь снижение риска связано с повышением определенности. Однако никакого решения без риска не бывает, поэтому определенность выступает фикцией, не имеющей теоретического смысла. Даже попытки уменьшить риск сами являются рискованными, отличаясь от уже существующего риска лишь по времени, масштабу и распределению

выгоды или ущерба. Поэтому предметом различения для субъекта становится соотношение риск/опасность. Для различных субъектов состояние неопределенности и возникновение опасности вызывают разную реакцию со стороны систем противодействия рискам и разрешаются различными и в то же время функционально эквивалентными способами. Противостоять рискам возможно за счет гармонизации отношений между временным и социальным измерением, когда социальный консенсус не может быть гарантирован без надлежащей стабильности во времени (Луман 2013).

В основе безопасности как общественного блага лежит некое страховое событие, приносящее ущерб отдельному субъекту или группе, и относительно которого обществом разрабатываются меры по нейтрализации. Режим противодействия этому событию может осуществляться в течение длительного времени и не предусматривает достижения какой-либо цели. Само потребление безопасности как общественного блага осуществляется беспредметно и предусматривает негативный отбор приносящих угрозы факторов.

Сама безопасность как феномен представляет собой набор инструментов, противодействующих влиянию разных опасностей, осознание и нейтрализация которых представляются главными функциями безопасности как общественной сферы.

Однако безопасности как благу присущи свои особенности, среди которых в первую очередь следует назвать:

1) безопасность есть вероятностное благо, значение которого актуализируется при наступлении возможного страхового события. Виртуальный характер угроз, актуализированный сферой общественной безопасности, делает их неосязаемыми для человека, превращаясь в инструмент влияния одной социальной группы, располагающей реальной информацией об угрозах, на другие, не имеющие такой информации. Асимметрия информации о факторах опасности, вызванная тем, что одна из сторон взаимодействия лишена адекватной информации, способствует низкой прозрачности процесса трансформации этих угроз;

2) отсутствие дискретности безопасности, проявляющееся в том, что ее сложно разделить на элементы, по которым можно измерять степень интенсивности угроз, информация о которых сосредоточена у продавцов этого блага, которые могут предоставлять эту информацию в соответствии со своими представлениями о ее состоянии в обществе;

3) продавцами безопасности как общественного блага выступает ограниченный перечень субъектов, не являющихся свободными участниками рыночных отношений, а выступающих в качестве представителей государства, предоставляющего всю услугу от стадии ее актуализации до стадии предоставления. Предоставление услуги в сфере безопасности является непрерывным процессом без четко выраженного начала и завершения. Началом в предоставлении услуги выступает стадия осознания опасности, на которую должна быть выработана соответствующая реакция. Расходы на предоставление услуги в области безопасности закладываются в бюджете и направлены преимущественно на обеспечение превентивных мероприятий по нейтрализации потенциальных угроз, полнотой информации о которых владеют сами продавцы.

В то же время в современном мире сфера обеспечения безопасности существенно выходит за пределы предоставления данной услуги как общественного блага. К примеру, в России действует значительное число организаций, предоставляющих услуги в области безопасности на возмездной основе. По данным МВД, в нашей стране более 26 тыс. частных охранных предприятий, а лицензированных охранников насчитывается свыше 700 тыс. Только на 2019 г., по самым скромным подсчетам, в сфере частного охранного бизнеса было занято от 1,5 до 2 млн россиян¹.

Зарубежные исследователи уже в начале 2000-х гг. отмечали тенденцию формирования безопасности как предмета рыночной сделки, становящегося предметом купли-продажи между субъектами рыночных отношений (Mandel 2002; Avant 2004). Так, например, широкое распространение в мире получает создание частных военных компаний, поддерживаемых правительствами многих государств в качестве мобильных групп продвижения внешней политики в области безопасности и реализации внешнеполитических интересов. Концептуализация безопасности как товара, а не коллективного блага, влияет на значение и реализацию безопасности в западных демократиях.

Таким образом, безопасность перестает проявлять свойства исключительно как общественного блага, становясь одной из ключевых рыночных услуг в современном мире. Кроме того, ее исполнение подчас выступает мощным инструментом политического влияния различных социальных групп. Такая трансформация негативно отображается на предоставлении услуги безопасности как общественного блага, снижает эффективность государственной политики в одной из ключевых сфер ее ответственности. Следствием этой тенденции становится то, что современное государство все чаще из регулятора трансформируется в одного из участников рыночных отношений, превращая одно из общественных благ в инструмент извлечения рыночной ренты. Определенная часть соответствующих функций передается частным структурам, усиливающим давление на общество.

Уровни исследования безопасности

Среди возможных направлений совершенствования государственной политики в области безопасности можно выделить такие, как конкретизация действующих угроз, разграничение понимания безопасности как рыночной услуги и общественного блага и дифференциация уровней рассмотрения безопасности как общественно значимой сферы общественной жизни. В оценке безопасности достаточно четко выделяется пять уровней: индивидуальный, групповой, региональный, национально-государственный и мировой. Осознание безопасности по-разному проявляет себя на каждом уровне.

¹ Охранные организации в России постепенно будут расширять сферу своего присутствия // Эксперт. 19.12.2019. URL: <https://expert.ru/2019/12/19/ohrannyye-organizatsii-v-rossii-postepenno-budut-rasshiryat-sferu-svoego-prisutstviya/?ysclid=l6d3qmpdij577587869> (дата обращения: 26.06.2022).

На индивидуальном объекте оценки выступают отдельные личности, на групповом – социальные группы, на региональном – субгосударственные территориальные образования, на национально-государственном – государства, на мировом – ведущие политические объединения стран. Содержание оценки складывается в зависимости от восприятия одной из сторон отношений на каждом уровне поведения другой стороны с точки зрения ее угрозы для себя.

Несмотря на то, что в конечном счете потенциальная опасность проявляется на индивидуальном уровне, другие уровни аккумулируют определенные наборы угроз, наслаивающиеся друг на друга и определяющие характер соответствующих проблем в сфере безопасности на отдельном локальном участке территории. Групповая безопасность является первичным способом самоорганизации людей, объединяющихся с целью защиты от внешних угроз. Групповая консолидация может осуществляться в рамках локальных территорий, в том числе со статусом муниципальных образований, отраслевых объединений или общественных организаций. Формирование групп происходит на основе доверия или других социальных институтов, обеспечивая интеграцию индивидов в сбалансированное сообщество. Региональная безопасность определяется геополитическим положением территории, общностью интересов проживающих на этой территории граждан. Личностные ориентации здесь уступают место общественным, где ключевую роль начинают играть политические регуляторы, зависимые от соотношения сил влияния на конкретной территории. Границы этой территории определяются административно как пространственная основа реализации государственной политики. Национально-государственный уровень безопасности служит основой защиты национальных и государственных интересов, будучи заданным государственными границами, общностью языка, действием норм национального законодательства. Мировой уровень определяется границами действия норм международного права, авторитетом наднациональных институтов, охватывает сферу взаимодействия национально-государственных систем.

В оценке безопасности необходимо принимать во внимание содержание самих угроз, которые преодолеваются соответствующим уровнем безопасности, и степень восприятия этих угроз субъектом. Поэтому важно определить субъекта, в отношении которого актуализированы соответствующие угрозы, а также других субъектов, влияющих на степень распространения и интенсивность этих угроз. Таким образом, проблемы безопасности следует рассматривать через призму субъект-субъектных отношений, на пересечении позиций и интересов которых определяются масштаб и вектор этих угроз, отображаемых соответствующими системами безопасности.

Б. Бузан предложил классификацию угроз по пяти соответствующим секторам: военный, политический, экономический, экологический (сектор окружающей среды), социетальный (Buzan 1997). В каждом из представленных секторов формируется система взаимодействия между ведущими акторами, призванная определить степень опасности соответствующей угрозы и предложить меры по ее нейтрализации. Снижение уровня актуа-

лизации угрозы означает повышение индивидуального порога ее восприятия и способствует расширению сфер, предполагающих широкое участие общественности в повышении степени своей индивидуальной и групповой защиты. При этом максимальная концентрация общественного интереса к проблемам безопасности достигается на групповом и региональном уровнях, где наблюдаются первичные инструменты идентификации угроз и вырабатываются общественно значимые предложения по их нейтрализации. В то же время, когда концепция безопасности распространяется на экономическую, экологическую и социальную сферы, могут возникнуть сомнения, что взаимозависимость безопасности в этих секторах позволит решать проблемы на локальных уровнях.

Основные направления реализации государственной политики в сфере безопасности

В реализации государственной политики в области безопасности явно проявляются два режима: исполнение функции и предоставление услуг (организация производства). Главное отличие между ними заключается в том, что предоставление услуг (организация производства) предполагает оценку исполнения качества услуги или произведенной для целей безопасности продукции, тогда как функция исполняется в рамках заданных полномочий, не предусматривающих индивидуальной оценки.

В России исполнение функций представлено полномочиями исполнительных органов государственной власти, реализующих контрольно-надзорные и регулирующие операции, направленные на обеспечение функционирования базовых институтов. Однако определенная часть полномочий, выделенная Основным Законом, позволяет федеральным структурам осуществлять и экономическую деятельность. Так, наряду с обязательствами обеспечивать оборону и безопасность, на федеральном уровне в соответствии с Конституцией в сферу безопасности включены такие вопросы, как оборонное производство; определение порядка продажи и покупки оружия, боеприпасов, военной техники и другого военного имущества; производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования. На уровне субъектов Федерации наряду с ярко выраженными функциями по обеспечению безопасности, осуществляемыми в рамках совместного ведения с федеральной властью, имеет место и перечень услуг, куда, к примеру в соответствии с нормами федерального законодательства¹ можно отнести: организацию выполнения и осуществления мер пожарной безопасности, организацию проведения мероприятий по предупреждению и ликвидации болезней животных, их лечению, созданию, содержанию и организации деятельности аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований и пр.

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47393> (дата обращения: 26.06.2022).

Исполнителем функций в предоставлении безопасности как общественного блага выступают учрежденные государством специальные службы, обладающие максимально полным для своего уровня объемом представлений о характере угроз и масштабах возможных последствий. Их целью является выполнение определенных на государственном уровне целей и задач в соответствии с утвержденными стратегическими ориентирами. Исполнение функций в сфере безопасности имеет преимущественно превентивный характер, связанный с необходимостью противодействия потенциальным угрозам.

Государство как организатор производства средств безопасности выступает главным заказчиком производства вооружения и средств обороны, экспортером продукции военного назначения в зарубежные страны. Производство средств безопасности становится источником превращения этой сферы в предмет рыночной сделки, в рамках которой устанавливается стоимость продукта и ее цена для потребителя. Именно государство как центр предоставления специальных услуг оказывает первоочередную помощь в случае техногенных и природных катастроф, террористических актов, участвуя в нейтрализации страховых событий и выдавая компенсацию за причиненный ущерб.

На местном (муниципальном) уровне вопросы безопасности, наряду с превентивными мерами поддержки, такими как осуществление мероприятий в сфере профилактики правонарушений или участие в профилактике терроризма и экстремизма, обретают также характер социальной услуги, связанной с удовлетворением потребности членов локального сообщества в комфортной и безопасной среде. Так, в сферу ответственности местных (муниципальных) властей согласно федеральному законодательству¹ включаются: участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения; обеспечение первичных мер пожарной безопасности; создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и пр. Оценку в исполнении этих обязательств на местном уровне дает население, что позволяет квалифицировать их именно в статусе услуг.

Сочетание полномочий всех уровней публичной власти позволяет равномерно распределить реакцию на потенциальные угрозы по соответствующим центрам ответственности, разделенным по основным территориальным уровням, дифференцировать риски соразмерно способности того или иного территориального уровня противодействовать им. Сбалансированное исполнение функций и услуг в сфере безопасности позволяет минимизировать риски и повысить уровень безопасности в обществе, нейтрализовать наступление неблагоприятных и опасных событий. Сбалансировать возникающие угрозы целесообразно в рамках специальной государственной политики в области безопасности, призванной обеспечить комплексное и стабильное развитие государства на всех территориальных уровнях.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/20035> (дата обращения: 26.06.2022).

Государственная политика в сфере безопасности предусматривает исполнение определенного перечня функций и услуг, обеспечивающих организацию производства средств для защиты общества от разнообразных угроз. Обеспечение безопасности является достаточно затратной процедурой, что стимулирует централизацию этой функции и закрепление ее за государством за счет аккумулируемых им налоговых источников. Таким образом, безопасность превращается в самостоятельную и относительно обособленную отрасль национальной экономики со своей структурой и способами распределения финансовых средств.

Однако в процессе функционирования этой системы возникают определенные сбои, не позволяющие отрасли выполнять весь объем закрепленных за ней обязательств. К наиболее характерным сбоям следует отнести следующие: разрывы во взаимодействии территориальных уровней управления; недостаточное использование самоорганизационных механизмов, связанных с возможностью привлечения к решению проблем представителей локальных сообществ; недостаточная информированность общества о масштабах угроз и не всегда имеющаяся готовность специальных служб противодействовать этим угрозам.

Разрывы во взаимодействии уровней государственной и муниципальной властей во многом объясняются тем, что органам местной власти чаще, чем органам государственной власти, приходится действовать в условиях уже произошедшего страхового события. И в этом плане местная власть в осуществлении мер безопасности играет роль не только исполнителя функции по предупреждению страховых событий, но и распорядителя услуги по их нейтрализации. Ведь именно местная власть в первую очередь призвана удовлетворить потребность локальных сообществ в обеспечении безопасности. Однако участие органов местного самоуправления по предупреждению угроз в сфере безопасности является достаточно ограниченным как по экономическим, так и по правовым причинам. Эти органы не обладают финансовыми и юридическими ресурсами для того, чтобы самостоятельно решать вопросы безопасности своих территорий. Все это повышает риски возникновения неблагоприятных страховых событий, утяжеляет бремя расходов на нейтрализацию их последствий.

Социологическое исследование о восприятии проблем безопасности в российском обществе

Государственная политика в области безопасности должна строиться в рамках налаженного взаимодействия между уровнями публичной власти, в соответствии с запросами общества и учетом индивидуального восприятия потенциальных угроз. Несмотря на многообразие угроз, стоящих перед человечеством и, соответственно, форм безопасности, которые призваны нейтрализовать действие этих угроз, можно говорить об определенном порядке в восприятии опасностей на индивидуальном уровне.

Во-первых, следует отметить операциональную неопределенность самого понятия «безопасность», значение которого рассредоточено по всей

палитре разнообразных опасностей и угроз. Во-вторых, первичный анализ показывает, что восприятие безопасности осуществляется человеком на двух уровнях – личном и общественном. Если личный уровень преломляет угрозы безопасности через призму личных переживаний индивида, особенностей его социального положения, степени материальной обеспеченности, семейного положения и т.д., то общественный уровень демонстрирует восприимчивость человека к происходящим в мире, стране социально-экономическим процессам, характер его подверженности действующим в обществе настроениям. И, в-третьих, рассмотрение проблем безопасности через дихотомию внутренний/внешний позволяет определить приоритетность личных или общественных ориентаций в оценке индивидом проблем безопасности, роль органов массовой информации в формировании позиции респондента при восприятии угроз.

В мае – июне 2022 г. нами было проведено пилотное социологическое исследование, посвященное анализу восприятия угроз безопасности на индивидуальном уровне. Цель – выявление общественно значимых приоритетов в обеспечении безопасности и разработка рекомендаций по совершенствованию политики безопасности на региональном уровне. Использовалась анкета, которая была сформирована в Гугл-форме и размещена в социальной сети «ВКонтакте». В течение трех недель на вопросы анкеты ответили 75 человек в возрастном диапазоне от 18 лет до 61 года. Соотношение мужчин и женщин составило 35,1% и 64,9% соответственно. Большинство респондентов (свыше 80%) имели высшее образование.

В анкету было включено несколько блоков, позволяющих определить отношение людей к проблемам безопасности, выявить общественно значимые факторы, оказывающие влияние на характер этого отношения. Таким образом, основными задачами исследования были обозначены:

- выяснение того, что респонденты вкладывают в содержание понятия «безопасность»;
- ранжирование действующих угроз безопасности как для общества, так и для себя лично;
- определение отраслей национальной экономики, состояние которых имеет значение для обеспечения общественной безопасности;
- актуализация текущих проблем общества и определение приоритетных направлений по их преодолению;
- определение того, какие угрозы, внутренние или внешние, респонденты считают для себя более актуальными.

С точки зрения персональной идентификации самого понятия «безопасность», большинство респондентов склонилось к его трактовке «защита меня и моих близких» (32,4%) и «условия обеспечения моих прав на здоровую и комфортную среду» (25,7%), что позволило констатировать ярко выраженный крен в сторону индивидуальной драматизации проблемы безопасности перед общественной. К примеру, общественный маркер варианта определения безопасности как «защита моей страны, моего народа от нашествия врагов» набрал только 10,8%.

В вопросе о наиболее серьезных угрозах современному обществу наибольший процент набрали угрозы внутреннего регистра – моральная деградация общества (62,2%) и резкое падение уровня жизни в стране (51,4%). Третье место заняла ярко выраженная внешняя угроза – угроза ядерной войны (37,8%).

Ключевыми отраслями, которые в наибольшей степени оказывают влияние на безопасность, названы образование и органы правопорядка и безопасности.

Среди наиболее актуальных проблем современного российского общества лидерские позиции удерживают проблемы коррупции (так ответили 48% опрошенных), состояние отечественного образования (32%) и состояние правоохранительной системы (30,7%), то есть вновь внутренние проблемы.

В качестве приоритетных мер по повышению степени безопасности респонденты определили реорганизацию существующей бюджетной системы, реформирование социальной сферы и ужесточение антикоррупционного законодательства.

В целом опрос продемонстрировал приоритеты в оценке внутренних факторов обеспечения безопасности перед внешними. На прямой вопрос – внешние или внутренние факторы являются более значимыми для безопасности страны – 52% респондентов склонилось к приоритету внутренних, 46,5% отметили равную значимость этих факторов.

Базовые принципы формирования государственной политики в области безопасности

Проведенный теоретический анализ безопасности как общественного блага и результаты пилотного социологического исследования позволяют сформулировать ряд важных принципов организации государственной политики в области безопасности:

1) *принцип персонализации* – предусматривает актуализацию проблем безопасности через призму защиты интересов гражданина, повышения информационной открытости и учета проблем локальных территорий. Люди, как правило, соизмеряют усилия государства по решению проблем безопасности со своими текущими запросами, необходимостью удовлетворения потребностей в максимальной защите себя и членов своей семьи от актуальных угроз;

2) *принцип сбалансированности внутренних и внешних факторов* – отображает реальное различие между уровнями угроз, возникающих перед человеком и отображаемых на различных территориальных уровнях. Безопасность воплощается в восприятии человека через последовательную нейтрализацию внутренних и внешних угроз; текущих угроз, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, и угроз потенциальных, вероятность проявления которых может варьировать в соответствии с динамикой глобальных тенденций, изменениями международной обстановки;

3) *принцип общественного соучастия* – предполагает активное участие граждан локальных территорий в нейтрализации угроз безопасности путем расширения роли самоуправления и самоорганизации социальных

общностей по месту жительства и работы. Принцип предполагает создание на местном уровне специальных институтов (сводов правил или общественных формирований), ответственных за обеспечение безопасности на локальных территориях;

4) *принцип информационной открытости* – связан с повышением роли информации в предупреждении и нейтрализации потенциальных угроз. Люди имеют право получать максимально полную информацию о техническом состоянии жилищ, в котором они живут, о работе правоохранительных служб в их районе, о техническом состоянии инженерной инфраструктуры с высокой степенью износа и пр. По мере повышения степени глобализации угроз информация, как правило, становится более избирательной и адресной.

Использование указанных принципов в организации государственной политики в сфере безопасности позволит повысить эффективность расходов на содержание этой важнейшей общественной сферы, улучшить работу публичных организаций, ответственных за нейтрализацию потенциальных угроз, наладить тесные продуктивные отношения между различными территориальными уровнями управления отраслью в условиях бюджетных ограничений.

Государству необходимо более внимательно относиться к внутренним факторам риска, оказывающим влияние на повседневную жизнь граждан, рассматривая такие важнейшие социальные сферы, как образование, здравоохранение и культура, в качестве составных частей государственной политики в области безопасности. Отдельного внимания заслуживает работа органов государственной власти по преодолению коррупционного поведения и совершенствованию работы правоохранительных органов. В реализации государственной политики в сфере образования не должен ощущаться разрыв в оценке внутренних и внешних угроз, требуется усиление значения бюджетных механизмов в преодолении разрывов в уровне жизни между различными категориями населения, регионами. Если общество не будет ощущать реальных изменений в области защиты своих повседневных прав на безопасную и комфортную среду, то оценить актуальность внешних угроз ему будет значительно сложнее, а это снизит степень самоорганизации и сопротивляемости по отношению к ним.

Заключение

Теоретический анализ и проведенное в рамках заявленной темы пилотное исследование позволили определить сложный и неоднозначный характер феномена безопасности, его восприятия и общественной актуализации. Полученные результаты подтверждают значительную роль влияния информации на отношение к безопасности, способность местных органов власти, в том числе региональных, информировать о характере актуальных для данной территории угроз. Рост нестабильности и повышение уровня международной напряженности, пришедшиеся на начало 2022 г., обострили интерес общества к проблемам национальной безопасности, усилив тревогу граждан о своем будущем и судьбе своих близких. Исследование под-

твердило господствующую в рамках теории секьюритизации точку зрения о превалировании в индивидуальном восприятии феномена безопасности значения непосредственного окружения перед глобальными рисками и доминирующий характер внутренних угроз. В то же время исследование позволило выявить глубокую связь между внутренними и внешними факторами безопасности, что требует слаженной и продуманной политики по их синхронизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Викторов А.Ш. 2019. Внешняя и внутренняя безопасность России в современном мире (теоретико-методологические основы социологического исследования) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество / под ред. В.И. Герасимова. Москва : ИНИОН РАН. Вып. 2-2. С. 82-86.

Гайдаев О.С. 2021. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 21, № 1. С. 20-32. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32

Луман Н. 2013. Риск и опасность // Отечественные записки. № 2. С. 19-51.

Медведев С.А., Томашов И.А. 2009. Безопасность как общественное благо: повестка дня для ЕС и «Группы восьми» // Вестник международных организаций. № 2. С. 100-104.

Рой О.М. 2018. Безопасность как объект публичного управления // Управленческие науки. Т. 8, № 1. С. 52-61. DOI: 10.26794/2304-022X-2018-8-1-52-61

Фадеев В.Н. 2016. Внутренние и внешние угрозы национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 4. С. 33-38.

Avant D. 2004. The Privatization of Security and Change in the Control of Force // *International Studies Perspectives*. Vol. 5, iss. 2. P. 153-157. DOI 10.1111/j.1528-3577.2004.00165.x

Buzan B. 1997. Rethinking Security after the Cold War // *Cooperation and Conflict*. Vol. 32, iss. 1. P. 5-28. DOI 10.1177/0010836797032001001

Buzan B., Wæver O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge : Cambridge University Press. 564 p.

Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London : Lynne Rienner. 247 p.

Collins A. (ed.) 2022. *Contemporary Security Studies*. Oxford : Oxford University Press. 584 p.

Krahmann E. 2008. Security: Collective Good or Commodity? // *European Journal of International Relations*. Vol. 14, iss. 3. P. 379-404. DOI 10.1177/1354066108092304

Mandel R. 2002. *Armies without States: The Privatization of Security*. Boulder : Lynne Rienner. 169 p.

Maslow A.H. 1954. *Motivation and Personality*. New York : Harper. 411 p.

Newman E. 2010. Critical Human Security Studies // *Review of International Studies*. Vol. 36, iss. 1. P. 77-94. DOI 10.1017/S0260210509990519

References

Avant D. The Privatization of Security and Change in the Control of Force, *International Studies Perspectives*, 2004, vol. 5, no. 2, pp. 153-157. DOI 10.1111/j.1528-3577.2004.00165.x

- Buzan B. 1997. Rethinking Security after the Cold War, *Cooperation and Conflict*, vol. 32, no. 1, pp. 5-28. DOI 10.1177/0010836797032001001
- Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*, Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 564 p.
- Buzan B., Wæver O., Wilde J. de *Security: A New Framework for Analysis*, London, Lynne Rienner, 1998, 247 p.
- Collins A. (ed.) *Contemporary Security Studies*, Oxford, Oxford University Press, 2022, 584 p.
- Fadeev V.N. Internal and External Threats to National Security, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2016, no. 4, 33-38. (In Russ.).
- Gaidaev O.S. Securitization Theory or a Well Overlooked Old: On the Philosophical and Theoretical Premises and Origins of the Theory, *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2021, vol. 21, no. 1, pp. 20-32. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32
- Krahmann E. Security: Collective Good or Commodity? *European Journal of International Relations*, 2008, vol. 14, no. 3, pp. 379-404. DOI 10.1177/1354066108092304
- Luhmann N. Risk and Danger, *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2013, no. 2, pp. 19-51. (In Russ.).
- Mandel R. *Armies without States: The Privatization of Security*, Boulder, Lynne Rienner, 2002, 169 p.
- Maslow A.H. *Motivation and Personality*, New York, Harper, 1954, 411 p.
- Medvedev S.A., Tomashov I.A. Security as a Public Good: An Agenda for the EU and the G8, *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii* [Bulletin of International Organizations], 2009, no. 2, pp. 100-104. (In Russ.).
- Newman E. Critical Human Security Studies, *Review of International Studies*, 2010, vol. 36, no. 1, pp. 77-94. DOI 10.1017/S0260210509990519
- Roy O.M. Security as an Object of Public Administration, *Upravlencheskie nauki* [Management Sciences], 2018, vol. 8, no. 1, 52-61. (In Russ.). DOI: 10.26794/2304-022X-2018-8-1-52-61
- Viktorov A. Sh. External and Internal Security of Russia in the Modern World (Theoretical and Methodological Foundations of Sociological Research), V.I. Gerasimov (ed.) *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation], 2019, no. 2-2, pp. 82-86. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Михайлович Рой

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; ORCID: 0000-0003-1885-7865; ResearcherID: S-3643-2016; SPIN-код: 2404-7079; E-mail: roi_omsk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg M. Roy

Doctor of Social Science, Professor, Department of Regional Economics and Human Resource Management, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia; ORCID: 0000-0003-1885-7865; ResearcherID: S-3643-2016; SPIN-code: 2404-7079; E-mail: roi_omsk@mail.ru

Рувинский Р.З. Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 123-147. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_123

УДК 340.15

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_123

Регулирование на основе данных: от верховенства права к публичным программам лояльности

Роман Зиновьевич Рувинский

Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Нижний Новгород, Россия
E-mail: ruvinskiy-rz@ranepa.ru

*Поступила в редакцию 22.06.2022, поступила после рецензирования 16.11.2022,
принята к публикации 19.12.2022*

В центре внимания статьи – долгосрочные тенденции развития системы регулирования общественных отношений, определяемые внедрением в сферу публичного управления цифровых технологий обработки репутационных данных о поведении и характеристиках индивидов и организаций. В первой части работы рассматривается сложившийся в эпоху модерна режим верховенства права, подчеркиваются его уязвимые стороны и сложность поддержания в условиях современных вызовов, заставляющих мировые элиты коренным образом реформировать социальные институты и подсистемы (экономику, энергетику, здравоохранение и т.д.). Вторая часть посвящена характеристике существующих технологий регулирования на основе данных, рассмотрению их трансформирующего воздействия на режим верховенства права. В третьей части представлена прогнозная характеристика формирующейся системы социальной регуляции; особое внимание уделено роли этических норм в конструировании

© Рувинский Р.З., 2023

новой системы социального регулирования поверх и вместо институтов правового государства. Подчеркивается, что механизмы регулирования и контроля, основанные на интеллектуальном анализе данных и нередко предполагающие оценку поведения субъектов, надстраиваются над системами позитивного права, однако легко могут быть использованы для расширения контроля органов власти в общественных отношениях, выходящих за пределы сферы правового регулирования. Такие механизмы могут включать повышенные требования для доступа к социальным благам, требовать соблюдения не только правовых, но и морально-этических норм, профессиональных стандартов и произвольным образом истолкованных обычаев. Делается вывод, что итогом датафикации регулирования является фактическое замещение механизма правового регулирования расширенными системами комплаенса, зачастую основанными на непрозрачных нормах неясного происхождения. Институты правового государства и режим верховенства права, предполагающие определенность нормоустановления и демократический контроль за правотворчеством, заменяются программами лояльности, воспитывающими лишь послушание.

Ключевые слова: правовое государство, правовое регулирование, система социального кредита, цифровая трансформация, цифровой профиль, этика, комплаенс, большие данные

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00173.

Data-Driven Regulation: From the Rule of Law to Public Loyalty Programs

Roman Z. Ruvinskiy

Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of RANEPА

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: ruvinskiy-rz@ranepa.ru

Received 22.06.2022, revised 16.11.2022, accepted 19.12.2022

Abstract. The article focuses on the long-term trends in the development of a regulatory mechanism of social relations, determined by the introduction of digital technologies for processing reputational data on the behavior and characteristics of individuals and organizations into the public administration. The first part of the research examines the regime of the rule of law established in the age of modernity, highlights its vulnerabilities and the difficulty of maintaining it in the face of specific modern challenges forcing the world elites to fundamentally reform social institutions and subsystems (economy, energy, healthcare, etc.). The second part is devoted to the characterization of existing data-driven regulation technologies, considering their transformative impact on the rule of law regime. The third part presents predictive characteristics of the emerging system of social regulation; special attention is paid to the role of ethical norms in constructing a new system of social regulation over and instead of the institutions of the rule of law. It is emphasized that modern mechanisms of regulation and control, based on intelligent data analysis and often involving some form of assessment of the behavior of subjects, are super-structured over existing systems of positive law, but can easily be used to expand the control of authorities in public relations that go beyond the scope of legal regulation. Such mechanisms may

include increased requirements for access to social goods and require compliance not only with legal, but also with moral and ethical norms, professional standards, and arbitrarily interpreted customs. The author concludes that the regulatory datafication results in the actual replacement of the mechanism of legal regulation by extended compliance systems, often based on opaque norms of unclear origin. The institutions of the rule of law and the regime of the supremacy of law, presupposing the certainty of norm-setting and democratic control over lawmaking, are being replaced by loyalty programs fostering only obedience.

Keywords: rule of law, legal regulation, social credit system, digital transformation, digital profile, ethics, compliance, big data

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00173.

For citation: Ruvinskiy R.Z. Data-Driven Regulation: From the Rule of Law to Public Loyalty Programs, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 123-147. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_123

Введение

Очередной номер журнала “The Economist” вышел 6 мая 2017 г. с недвусмысленной иллюстрацией на обложке: несколько нефтяных платформ, подписанных наименованиями американских техгигантов *Google*, *Microsoft*, *Facebook*¹ и др., с исходящим от них дымом в виде нулей и единиц – составляющих двоичного кода². Прозрачный посыл редакции издания: данные – важнейший ресурс в наше время, своего рода «новая нефть». С этой мыслью нельзя не согласиться, ведь за последние годы информация о нашем повседневном поведении, наших привычках, интересах, потребностях сделалась источником колоссальных прибылей для коммерческих компаний, продающих эту информацию рекламодателям и оказывающих влияние на выбор товаров и услуг пользователями онлайн-сервисов. Отдельные ученые отмечают формирование нового экономического порядка, который претендует на человеческий опыт, спрессованный в информацию пользовательских профилей, как на сырье, доступное для коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи (Зубофф 2022: 106-107).

Данные – «новая нефть», но при этом они значат гораздо больше, чем просто экономический актив или средство достижения коммерческой прибыли. В переживаемую нами информационную эпоху они становятся также и инструментом управления, ценным административным ресурсом, без которого уже невозможно представить себе деятельность государственных органов. Мы наблюдаем практически повсеместное и все более широкое внедрение в административную практику программных комплексов и систем, основанных на работе с данными, при этом наибольшую значимость среди них, судя по всему, имеют системы, собирающие и анализирующие

¹ Принадлежит *Meta Platforms*, признанной в России экстремистской организацией. Запрещен и заблокирован на территории РФ.

² The World’s Most Valuable Resource Is No Longer Oil, but Data // The Economist. 06.05.2017. URL: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/06/the-worlds-most-valuable-resource-is-no-longer-oil-but-data> (дата обращения: 21.06.2022).

данные о поведении субъектов – индивидов и организаций, позволяющие принимать на основании этих данных соответствующие решения.

Правится нам это или нет, но внедрение продвинутых информационных технологий в сферу публичного управления не может не отразиться тем или иным образом на облике современного государства и, соответственно, на качествах правопорядка, правовой системы, на сложившихся режимах реализации субъективных прав и границах свободы субъекта. Что происходит с системой социального регулирования? Как развивается право в условиях внедрения систем управления поведением людей, основанных на анализе персональных данных? Как в новых условиях может (и может ли?) обеспечиваться режим верховенства права? Поиску ответов на данные вопросы посвящено настоящее исследование.

Хрупкий режим верховенства права

Одной из характерных черт социального уклада, который принято именовать современным (modern), то есть относящимся к эпохе модерна, является то, что управление и осуществление власти в нем основываются на праве. Как известно, «право» является весьма неоднозначным (скорее, даже многозначным и многогранным) явлением, относительно понимания которого до сих пор не утихают философские и научные споры. Участие в этой дискуссии совершенно не входит в замысел настоящей статьи. Тем не менее, вне зависимости от того, понимаем ли мы под правом лишь исходящие от государства нормы (Голунский, Строгович 1940: 154), признаем ли существование естественного, или надзаконного права (Chloros 1958; Радбрух 2004), видим ли в праве прежде всего специфичные общественные отношения, определенный социальный порядок (Romano 2017: 7-13), необходимо согласиться с тем, что право, во-первых, в любом случае не тождественно морали, во-вторых, способно выступать регулятором поведения людей и их коллективов через предписывание им определенных правил, вменение обязанностей и правомочий.

Историческое развитие общества привело к формированию моделей управления, в рамках которых власть правящих над подданными/гражданами не абсолютна, а сами подданные/граждане сохраняют внутреннюю духовную свободу и связаны только теми нормами, которые затрагивают область их внешних, объективированных вовне поступков и в определенном процедурном порядке объявлены заранее. Несмотря на разнообразие политических режимов, традиций, форм, несмотря даже на существование в мире таких феноменов, как «фасадный конституционализм» (Law, Versteeg 2013) и «фасадная демократия» (Ritter 2015: 19), в целом можно признать, что современные общества так или иначе опираются на идею верховенства права (rule of law), а большинство современных государств заявляет о себе как о «правовых государствах» (Rechtsstaat, l'état de droit).

Действительно, единодушие в поддержке доктрины верховенства права кажется беспрецедентным (Tamanaha 2004: 3), несмотря на то, что в разных странах, в рамках различных политических режимов она может пониматься очень неодинаково: от куцей, ограничивающейся лишь формальными рам-

ками «диктатуры закона» до содержательно наполненной модели с принципом разделения властей, демократизмом и гарантированием прав человека (Таманаха 2004: 91-92). Наиболее полные, содержательные модели верховенства права органически соответствуют либерально-рыночному хозяйственному укладу (Таманаха 2004: 97), тогда как формальные (или «фасадные») модели, сводящиеся преимущественно к голой легальности, характеризуют обычно периферийные и полупериферийные экономики, располагающиеся за пределами ядра капиталистической мир-системы (Chibundu 1999). Вопреки распространенным, в том числе в профессиональном юридическом обществе, предрассудкам, качества государства как государства «правового», прочность и полнота режима верховенства права определяются не столько какой-то специфической «западной» культурой и «западным» же свободолобием, сколько материальными экономическими предпосылками, в том числе событиями истории европейского, а затем американского колониализма и неоколониализма, обеспечивших более благоприятные условия для отдельных немногочисленных держав и их ближайших сателлитов (Mattei, Nader 2008: 17-31). Таким образом, следует понимать, что режим верховенства права, в тех или иных своих проявлениях, неразрывно связан с определенным хозяйственным укладом, шире – со всей парадигмой социального развития. Кризисные явления, потрясающие основы существующего хозяйственного уклада, сигнализирующие о достижении пределов развития в рамках заданной парадигмы, вполне способны подорвать или как минимум деформировать и режим верховенства права. В этом смысле так называемое правовое государство (в континентальной традиции, в отличие от традиции англо-американской, принято указывать на определенные качества государства, а не на «правление права») оказывается весьма хрупкой конструкцией, финал которой предопределен закатом породившего ее уклада и завершением определенной – индустриальной – исторической эпохи.

Через кризисы в экономике, политике, социальной сфере и международных отношениях, открытая мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. и с тех пор лишь растущая как снежный ком, заставила правительства даже наиболее развитых западных стран пересмотреть свои взгляды на доктрину верховенства права и отказаться от попыток реализации наиболее наполненных, с содержательной точки зрения, моделей правового государства. Обеспечение всеобщего благоденствия, широких свобод и демократического участия в отправлении власти сопряжено со значительными финансовыми, временными и управленческими издержками, а сами эти блага оказываются слишком дорогим «удовольствием» в условиях, когда требуется на ходу отвечать на специфически новые вызовы, в ускоренном порядке принимать решения и кардинальным образом реформировать социальные институты и подсистемы (экономику, энергетику, здравоохранение и т.д.). Как можно было убедиться в период пандемии COVID-19, сегодня правительства очень разных стран мира, в том числе «патентованных» демократий, не стесняются пренебрегать даже некоторыми формальными составляющими режима верховенства права, в том числе следованием должной процедуре (due process) при принятии общезначимых решений и

уважением гарантированных конституцией прав (Platon 2020). Быть может, мир оказался в слишком неблагоприятной ситуации, а сложность накопившихся проблем, так или иначе связанных с обеспечением управления социальными процессами, не позволяет сегодня относиться к доктрине верховенства права как к священной ценности? Специфически современные вызовы, встающие перед правящими кругами, логичным образом требуют перестройки модели управления обществом, принципов отправления власти, а вместе с ними – системы нормативного регулирования поведения социальных акторов. К счастью, решение, способное существенно снизить управленческие издержки и добиться большей предсказуемости общественных процессов, кажется найденным: новейшие цифровые технологии сбора и анализа данных постепенно становятся основой для реформирования публичного управления и воздействия на поведение субъектов. Так называемая цифровая трансформация репрезентуется в публичном дискурсе как неизбежность, как очевидное, объективно необходимое благо (Зубофф 2022: 291-295). Стоит лишь разобраться с тем, что она несет с собой для верховенства права и вообще для современных правовых систем.

Системы регулирования на основе данных: шанс для верховенства права или его могильщик?

Сегодня уже никого нельзя удивить тем, что для получения нового паспорта, обращения с заявлением на выплату пособия на ребенка или уплаты штрафа за нарушение правил дорожного движения достаточно открыть мобильное приложение: пара кликов, и дело сделано! Электронные сервисы, внедряемые правительствами по всему миру, позволяют гражданину взаимодействовать с органами государства без необходимости выстаивать долгие очереди лишь для того, чтобы, получив какую-нибудь справку, отнести ее в другое ведомство для обращения за очередным документом. Межведомственный документооборот максимально упрощен: госорганы получают интересующую их информацию о физическом или юридическом лице из соответствующих баз данных, в электронном формате; сами же базы данных взаимосвязаны и включены в системы обмена информацией. Удобно, но на самом деле это лишь наиболее зримая и понятная обывателю сторона процесса выстраивания принципиально нового публичного управления, его нижний ярус. Невозможно точно сказать, в какой степени контроль осознавался изначально инициаторами цифровизации госсектора в качестве ее функции, однако сегодня, несомненно, именно контроль – понимаемый в широком смысле, как контроль над поведением субъектов – выступает основным модусом развития проектов так называемого цифрового государственного управления.

Подобно тому как в коммерческом секторе данные о человеке и создаваемые человеком, так называемый поведенческий излишек (Зубофф 2022: 126-131), представляют интерес как источник прибыли, получаемой за счет их превращения в прогнозные продукты и воздействия на потребительские решения, в сфере публичного управления они оказываются исходным ресур-

сом для воздействия на правовое поведение субъектов и реализации адресной правовой политики, адресных административно-регуляторных мероприятий. Сбор и анализ данных о гражданах и организациях, их прошлых поведенческих актах, текущих финансово-экономических (например, о размере собственных средств), медицинских (например, о наличии хронических заболеваний), правовых (судимость, прохождение процедуры банкротства) и иных характеристиках делают возможным, во-первых, прогнозирование поведения соответствующих лиц в будущем, во-вторых, ранжирование субъектов в зависимости от предназначенных им публичных услуг/мер принуждения, в-третьих, автоматизированное принятие решений в их отношении. Ранжирование, то есть разделение адресатов управленческих мероприятий на некие множества, вовсе не обязательно предполагает какую-либо дискриминацию – по крайней мере, в качестве непосредственной цели такой управленческой стратегии – но позволяет административным органам более точно воздействовать на определенные группы, поощрять за желательное поведение и, возможно, наказывать за поведение нежелательное.

Различные правительственные проекты, предполагающие сбор, анализ, учет и оценку поведенческих данных о физических и юридических лицах, либо служащие, как кажется на первый взгляд, лишь средствами идентификации, планомерно помещают субъекта в своего рода *цифровой контур* – пространство взаимодействия с органами власти, а также с другими частными лицами, доступное для машинного считывания и алгоритмического анализа. Логика таких проектов кажется предельно простой: как можно большая часть поведенческих актов субъекта должна осуществляться в цифровом формате, с помощью соответствующих программных средств (мобильных приложений, интернет-порталов и т.д.); поведенческие акты, осуществляемые в реальном, материально-осязаемом мире, то есть в «аналоговом» формате, должны быть преобразованы в формат цифровой – тогда регулировать поведение людей можно будет не столько посредством предписывания, вменения обязанностей и прав, сколько через цифровое посредничество. Хотя пока об этом можно говорить, скорее, как о близкой перспективе, чем как о свершившемся факте, цифровое профилирование, то есть сбор данных о каждом лице с возможностью их автоматизированного анализа и принятия решений¹, создание своего рода *цифровых двойников*, или *аватаров* (Виноградова, Полякова, Минбалеев 2021: 11), и опосредование поведения субъектов в рамках общественных отношений цифровыми технологическими инструментами в различных их проявлениях (сюда следует отнести как удобные мобильные приложения наподобие разрабатываемых Минцифры РФ «Госуслуг», так и системы городского видеонаблюдения с функцией распознавания лиц) открывают дорогу кардинальной

¹ Юридическая дефиниция профилирования содержится в п. 71 преамбулы Общего регламента по защите данных, действующего в Евросоюзе. См.: General Data Protection Regulation 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 // EUR-Lex. Access to European Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32016R0679> (дата обращения: 21.06.2022).

перестройке сложившихся ранее систем правового регулирования, правоприменения и публичного управления.

Основным фактором этой перестройки является постепенное формирование системы *допусков и ограничений*, в рамках которой разным категориям лиц, цифровые профили которых содержат различные данные, значимые для принятия административных решений того или иного рода, предоставляются неодинаковые возможности правореализационных действий и адресуются различные управленческие меры (неодинаковые по объему и содержанию публичные услуги, правоограничительные меры, меры принуждения). Субъект, оказавшийся в пространстве, опосредуемом электронными платформами и системами интеллектуального анализа данных, во-первых, вынужден принимать установленные для него допуски и ограничения (преодолеть их он чаще всего не способен), во-вторых, созданными для него фактическими условиями направляется к совершению ожидаемых от него поступков, к следованию ожидаемой модели поведения. Такое регулирование, при котором органы власти могут меньше предписывать в форме писаных позитивно-правовых установлений, в зарубежной научной литературе именуется труднопереводимым словосочетанием – *regulation by design* (Yeung 2017), то есть регулирование посредством проектирования определенных фактических условий, посредством социальной инженерии, создания определенного социального дизайна. Очевидно, что данный феномен представляет собой кульминацию развития инструментов и методов управления, которые французский философ М. Фуко описывал как устройства безопасности (*dispositifs de sécurité*): тогда как «дисциплинарность все время указывает вам на то, что вы должны делать», а «в системе закона все, что не подверглось определению, является разрешенным», определяющей чертой работы устройств безопасности является «регуляция в пространстве самой реальности» (Фуко 2011: 72-75).

Если государственные органы владеют актуальной базой данных о подконтрольных им миллионах физических и юридических лиц и имеют возможность просеивать эти данные через аналитические алгоритмы, значит, они в состоянии устанавливать критерии и пределы допуска к тем или иным услугам, площадкам, местам и общественным отношениям. Благодаря выстраиванию системы допусков, в рамках которой какие-то возможности для субъекта могут быть заблокированы, поставлены под условие или ограничены периодом времени, становится доступным наделение правомочиями и ограничение правомочий без вынесения индивидуально адресованных правоприменительных актов, лишь в рамках ранее принятого одиночного *нормативного* решения. Так, в период коронавирусной пандемии московская мэрия заблокировала действие транспортных карт жителей столицы старше 60 лет и москвичей с хроническими заболеваниями; разблокировка карт осуществлялась в автоматическом режиме после поступления сведений о прохождении вакцинации из Единой медицинской информационно-аналитической системы. С 1 июня 2022 г. в России действует федеральный закон, требующий от зрителей оформления электронной персонифицированной карты (Fan ID) для посещения спортивных соревнований и ставящий допуск болельщика к месту проведения соревнований в зависимость

от содержания сведений о нем в специальной информационной системе идентификации¹. Принцип допусков, напрямую связанных с данными цифровых профилей (причем не только физических, но и юридических лиц), может быть распространен практически на любую сферу общественных отношений: получение пособий и льгот, лицензирование, участие в госзакупках, банкинг, страхование, выезд за рубеж, приобретение авиа- и железнодорожных билетов, бронирование гостиниц, поступление в учебные заведения, трудовые отношения и т.д.

В каком-то смысле в мире цифровой архитектуры допусков и ограничений, ранжирования субъектов и предсказания их вероятного поведения механизм юридической ответственности как ответственности за правонарушение становится даже излишним². В то время как для привлечения лица к юридической ответственности требуется, как правило, доказывание факта противоправного деяния и вины субъекта, а также следование определенной, зачастую довольно-таки сложной процедуре, блокирование допусков может осуществляться в автоматическом, алгоритмически заданном порядке, то есть безусловно. Таким образом, данные из соответствующих источников (информационных систем, электронных реестров и т.п.) могут выступать не только в качестве доказательств противоправного поведения, но и в качестве самоисполняющихся оснований (элементов алгоритма) для применения рестрикций вне рамок механизма юридической ответственности. Вина, мотивы, вообще субъективная сторона того или иного поступка утрачивают прежнее значение. Достаточно того, что ваше поведение в настоящем или прошлом – даже если оно не нарушает формальных запретов – не соответствует заданным параметрам «допустимого»/ожидаемого либо позволяет спрогнозировать нежелательные последствия ваших поведенческих актов в будущем: в таком случае вы просто оказываетесь отрезанными от определенных благ или областей общественных отношений.

Описанное выше вовсе не сюжет из научной фантастики, ведь основанные на обработке данных системы регуляции, контроля и при необходимости ограничения правомочий субъектов уже существуют. Наиболее масштабным из проектов, направленных на использование данных о поведении субъектов для осуществления регулирующего воздействия на них, на сегодняшний день является действующая в КНР *система социального кредита* (社会信用体系, далее – ССК). Это многомодульный проект, основой которого выступает платформа межведомственного и государственно-частного обмена юридически и социально значимой информацией о гражданах, организациях и даже структурных элементах госаппарата. Государственные органы на

¹ Федеральный закон от 30.12.2021 г. № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О физической культуре и спорте в Российской Федерации”» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47465> (дата обращения: 21.06.2022).

² По крайней мере, благодаря цифровым инструментам управления наряду с механизмом юридической ответственности и иными традиционными средствами правового принуждения вырастает система принудительных и правоограничительных мер, основывающихся на репутационной оценке поведения и осуществляемых в автоматическом режиме.

национальном, региональном и местном уровнях ведут реестры недобросовестных («подрывающих доверие») и образцово законопослушных участников общественных отношений в подведомственных им отраслях; информация из этих реестров – «черных» и «красных» списков – раскрывается через национальную и региональные платформы информационного обмена; различные государственные ведомства и сотрудничающие с ними частные корпоративные образования применяют согласованные правоограничительные и поощрительные меры к лицам, включенным в соответствующие реестры (Bach 2020; Backer 2019: 132-137; Blomberg 2018).

Содержимое ведомственных реестров и обмен им определяют допуски и ограничения для того или иного лица. Еще совсем недавно, судя по наблюдениям экспертов, значительная часть социально-кредитной информации вносилась в базы данных вручную, а «черные» и «красные» списки велись едва ли не в таблицах *Excel*¹, однако очевидно, что такое технологическое несовершенство является временным. Как указывает один из китайских правоведов, ССК аккумулирует большие массивы данных о коммерческих сделках, данные из социальных сетей, систем видеонаблюдения и т.п., чтобы сделать возможными динамический, комплексный, осуществляемый в реальном времени анализ и предсказание поведенческих характеристик субъектов (Yu 2020). Отмечая, что обработка персональных данных субъектов должна обеспечивать формирование голографических (многомерных) цифровых портретов социально-кредитных субъектов, китайский автор напрямую связывает ССК с технологиями анализа больших данных и искусственным интеллектом (Yu 2020).

Одной из «фирменных» и при этом наиболее обсуждаемых за пределами КНР черт ее ССК является экспериментирование с рейтинговой оценкой субъектов (Bach 2020: 494-495). Очевидно, что такая оценка становится возможной лишь благодаря цифровому профилированию и интеллектуальному анализу данных о субъектах правоотношений, вернее, об адресатах (=объектах) мер правовой политики государства (Рувинский 2021: 71). Вопреки распространенным слухам, на сегодняшний день в КНР нет единой системы балльного рейтингования за социально полезное и социально вредное поведение. Проекты социального скоринга развиваются пока на уровне отдельных муниципальных образований, и штрафная функция выражена в них значительно слабее, нежели функция поощрения. Тем не менее, несомненно, что ранжирование субъектов в рамках лишь отдельных областей отношений (отдельно для государственно-служебных отношений, отдельно для целей лицензирования, предоставления субсидий и льгот и т.д.) или же в комплексном формате, охватывающем одновременно несколько сфер общественной жизни, является логичным продолжением цифрового профилиро-

¹ Understanding China's Social Credit System: A Big-Picture Look at Social Credit as It Applies to Citizens, Businesses and Government // Trivium Social Credit. Tracking China's Social Credit System. 23.09.2019. URL: <http://socialcredit.triviumchina.com/wp-content/uploads/2019/09/Understanding-Chinas-Social-Credit-System-Trivium-China-20190923.pdf> (дата обращения: 21.06.2022).

вания, необходимым элементом выстраивания системы регулирования на основе данных. Балльно-рейтинговая оценка является при этом наиболее понятной и непосредственной, но отнюдь не единственно возможной формой социального ранжирования.

Необходимо признать, что китайская ССК на сегодняшний день – наиболее масштабный и, вероятно, наиболее развитый проект, предполагающий регулирование и контроль через сбор и анализ данных. Впрочем, масштабность во многом связана с тем, что под ее брендом в действительности функционирует целый ряд взаимосвязанных, но все же в значительной мере автономных проектов, относимость которых к ССК может быть весьма условной. Так, невозможно однозначно сказать, относится ли к структурным компонентам ССК китайская система видеонаблюдения, являющаяся одной из наиболее продвинутых в мире как в технологическом плане, так и в плане охвата территории и населения¹. Как бы то ни было, ошибкой было бы думать, будто регулирование и контроль на основе данных есть некое китайское ноу-хау. Если внимательно осмотреться по сторонам, можно убедиться, что подобные проекты уверенно внедряются и за пределами Китая.

Системы электронной, в том числе биометрической, идентификации и аутентификации граждан в настоящее время развиваются по всему миру: без них невозможно профилирование, а следовательно, невозможны автоматизированный пруденциальный контроль и реализация системы допусков и ограничений. Практически во всех развитых странах сегодня функционируют системы автоматической регистрации и видеоанализа событий, позволяющие распознавать и идентифицировать индивидов в режиме реального времени. Они нужны не столько для функционирования системы допусков, сколько для контроля, фиксации данных и наказания за нарушение запретов. В период пандемии коронавирусной инфекции в ряде европейских стран, включая Болгарию, Литву, Польшу, Хорватию, правительства использовали функцию отслеживания местонахождения мобильных устройств лиц, находящихся на карантине². В некоторых странах, в том числе в Катаре³, гражда-

¹ Bischoff P. 2022. Surveillance Camera Statistics: Which Cities Have the Most CCTV Cameras? // Comparitech. 11.07.2022. URL: <https://www.comparitech.com/vpn-privacy/the-worlds-most-surveilled-cities/> (дата обращения: 21.06.2022); Polyakova A., Meserole C. 2019. Exporting Digital Authoritarianism: The Russian and Chinese Models // Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/research/exporting-digital-authoritarianism/> (дата обращения: 21.06.2022).

² Knowledge Hub: COVID-19 Contact Tracing Apps in the EU // Liberties. 02.06.2021. URL: <https://www.liberties.eu/en/stories/trackerhub5-legal-acts/43539> (дата обращения: 21.06.2022); Bulgaria: Tracking Mobile Devices and Data Protection – Where Do We Draw the Line? // ICLG. 15.04.2020. URL: <https://iclg.com/briefing/11435-bulgaria-tracking-mobile-devices-and-data-protection-where-do-we-draw-the-line> (дата обращения: 21.06.2022).

³ См.: Sadek G. Qatar: Installing COVID-19 Tracing App on Mobile Phones and Wearing Face Masks among Recent Mandatory Anti-pandemic Measures Instituted by Authorities // The Library of Congress. 11.06.2020. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2020-06-11/qatar-installing-covid-19-tracing-app-on-mobile-phones-and-wearing-face-masks-among-recent-mandatory-anti-pandemic-measures-instituted-by-authorities/> (дата обращения: 21.06.2022).

нам вменялось в обязанность устанавливать на свои мобильные устройства приложения, позволяющие следить за их перемещениями.

В России, судя по сообщениям СМИ, ведется работа по созданию цифровой инфраструктуры учета и оценки поведения иностранных трудовых мигрантов. Среди возможных шагов в данном направлении в разное время назывались запуск мобильного приложения, фиксирующего «рейтинг социального доверия мигранта»¹, а также создание архитектуры цифрового профиля мигранта с биометрической информацией и сведениями социально-правового характера². В 2020 г. было издано распоряжение Правительства РФ, утвердившее в новой редакции План мероприятий по реализации в 2020–2022 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. В п. 24 данного документа предусмотрена подготовка в срок до второго квартала 2021 г. «описания технических требований и условий создания государственной информационной инфраструктуры, необходимой для обеспечения функционирования создаваемых миграционных правил, электронных сервисов и механизмов контроля» и включающей в себя в том числе цифровой профиль иностранного гражданина³. На момент подготовки настоящей статьи информация о запуске подобных проектов отсутствует: очевидно, программная инфраструктура находится все еще в стадии разработки.

В апреле 2022 г. был подписан президентский указ, предусматривающий создание государственной информационной системы противодействия коррупции «Посейдон»⁴. Из содержания документа следует, что система должна будет собирать и анализировать разнообразные данные, касающиеся государственных служащих, в том числе сведения об их доходах. Вероятно, анализу будут подвергнуты также данные о расходах госслужащих, сведения об исполнении ими своих должностных обязанностей, информация из социальных сетей и СМИ. Насколько автоматизированной будет работа системы и каким образом будет осуществляться обработка данных, указ представления не дает.

Еще более любопытен проект, внедряемый в настоящее время в итальянских городах Рима и Болонье и нацеленный на стимулирование соци-

¹ Мигрантов могут обязать устанавливать особое приложение на смартфонах // Вести.ру. 29.05.2020. URL: <https://www.vesti.ru/finance/article/2415327> (дата обращения: 21.06.2022).

² В России создадут единую базу цифровых профилей иностранцев, пребывающих в стране // ТАСС. 29.03.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11014899> (дата обращения: 21.06.2022).

³ Распоряжение Правительства РФ от 30.05.2020 г. № 1452-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 22.02.2019 № 265-р» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-30052020-n-1452-r/> (дата обращения: 21.06.2022).

⁴ Указ Президента РФ от 25.04.2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции “Посейдон” и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47769> (дата обращения: 21.06.2022).

ально полезного поведения граждан. Мобильное приложение, именуемое «умный кошелек гражданина» (Smart Citizen Wallet), по замыслу его разработчиков, должно функционировать наподобие программ лояльности в современных супермаркетах, когда следование ожидаемой модели поведения позволяет потребителю накапливать скидочные баллы и приобретать товары по более выгодным ценам¹. По словам М. Бугани, ассессора по цифровизации администрации Болоньи, «граждане будут поощряться, если будут раздельно сортировать мусор, пользоваться общественным транспортом, разумно расходовать энергию, не будут иметь взысканий от муниципальных властей, будут активно пользоваться картой “Культура”»². Стоит обратить внимание на то, что *Smart Citizen Wallet* предполагает учет поведения горожан за пределами сферы правового регулирования либо на границе правового регулирования. Пользование общественным, а не личным транспортом и активное посещение культурных мероприятий по специальной муниципальной карте, разумеется, не относятся к юридическим обязанностям гражданина. Однако уже сам факт того, что новый муниципальный проект затрагивает эти вопросы, свидетельствует, что, по крайней мере, для местных властей стимулирование определенного поведения граждан в таких делах является немаловажной задачей.

Расширяют ли системы регулирования и контроля, основанные на операциях с данными, возможности для верховенства права? Можно ли рассматривать проекты, подобные перечисленным выше, в качестве инноваций, способных придать режиму верховенства права и модели правового государства «второе дыхание»? Некоторые современные исследователи проявляют разумную сдержанность в ответе на данные вопросы, отмечая ряд существенных проблем применения систем, основанных на обработке цифровых данных о субъектах: отсутствие демократического контроля за осуществляемым через такие системы регулированием; опасность включения в алгоритмы дискриминационных условий, ведущих к необъективности принимаемых решений; непрозрачность работы таких систем (Bayamlioglu, Leenes 2018: 301-311; Ebers 2020: 76-78). Некоторые, напротив, смотрят на перспективы датафикации регулирования с немалым оптимизмом, предлагая обсуждать характерные черты нового, формирующегося режима *верховенства мета-права* (meta-rule of law) (Casanovas, Koker, Hashmi 2021).

Возможно, стоит посмотреть на проблему датафикации регулирования более широко, временно абстрагировавшись от непрозрачности алгоритмов и рисков принятия необъективных решений. Это архиважные

¹ Gareri R. I Progetti di agenda digitale e nuovo piano smart city // Portale di Roma Capitale. URL: https://www.comune.roma.it/web-resources/cms/documents/R._Gareri_I_Progetti_di_Agenda_Digitale_e_nuovo_piano_Smart_City_-_Roma_Capitale.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

² Rosano F. Bologna, la “patente digitale” per i cittadini virtuosi: punti e premi. E un’app con tutti i servizi // Corriere di Bologna. 29.03.2022. URL: https://corrieredibologna.corriere.it/bologna/politica/22_marzo_29/bologna-patente-digitale-cittadini-virtuosi-punti-premi-un-app-tutti-servizi-5a861258-af3a-11ec-9372-638361423a51.shtml (дата обращения: 21.06.2022).

проблемы, однако в последнее время они широко обсуждаются учеными и экспертами, пытающимися выработать систему мер по минимизации таких рисков (Ebers 2020: 79-81; Orwat 2020; Xenidis 2020: 755-757)¹. Что представляет собой куда более глубокую, при этом не столь заметную проблему, так это вопрос, являются ли метаправо, датафицированное регулирование и алгоритмическое управление проявлениями права? Является ли регулирование на основе данных *правовым* регулированием, относится ли оно к элементам правовой системы?

Право представляет собой по-своему уникальный культурный феномен человеческой цивилизации. Оно очевидным образом затрагивает поведение людей и их объединений, границы их свободы, и при этом связано с возможностью внешнего принуждения (Бибахин 2005: 19; Кельзен 2015: 48-50). Гегель в качестве исходной точки права определял свободную волю, характеризуя систему права как «царство осуществленной свободы, мир духа» (Гегель 1990: 67). Будучи по своей сути принудительным порядком, право (по крайней мере, как позитивное) исторически отграничивается от морали, для которой основным средством обеспечения действенности служит внутреннее психическое отношение человека к своим поступкам (Кельзен 2015: 80-84; Муромцев 2004: 164; Locke 2010: 31-33; Shavell 2002). Поскольку право связано с внешним (государственным) принуждением, мы привыкли, что юридические нормы регламентируют не все, а лишь наиболее значимые общественные отношения, хотя, надо признать, сфера правового регулирования достаточно подвижна, и в течение последнего столетия можно было наблюдать ее неуклонное расширение (Проди 2017: 10-12; Рувинский 2020: 215; Толстик 2015: 761).

Исходя из того, что современные системы регулирования на основе данных опосредуют поведенческие акты субъектов, находящиеся в сфере правового регулирования (например, исполнение судебных решений, уплата налогов и сборов, нарушение общественного порядка, осуществление лицензируемых видов деятельности, соблюдение ограничений и запретов при прохождении гражданской службы), и предполагают применение принудительных мер в тех или иных формах, они очевидным образом имеют юридический характер и значение. В то же время следует обратить внимание на то, каким образом такие системы функционируют и насколько далеко простираются их регуляторно-управленческие возможности.

Системы социально-кредитного типа, учитывающие информацию репутационного характера («не был, не состоял, не привлекался») относительно физических и юридических лиц – объектов управления, опираются прежде всего на уже существующие официальные предписания, содержащиеся в законодательстве, а сами не предписывают, но *подталкивают*², стиму-

¹ См. также: Algorithms: Please Mind the Bias! // Institut Montaigne. March 2020. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/publications/algorithms-please-mind-bias> (дата обращения: 21.06.2022).

² *Nudge, nudging* – удачные в семантическом плане обозначения данного явления, используемые в англоязычной литературе (König 2020: 471; Catanzariti 2021: 78-81).

лируют к выбору надлежащих моделей поведения. Такое «подталкивание» реализуется через допуски и ограничения, дифференциацию (ранжирование, грейдирование) подконтрольных единиц и применение адресных поощрительных либо, напротив, дисциплинарных мер. Круг возможных правореализационных действий индивида или организации с «подмоченной» репутацией оказывается сужен, доступ к определенным благам и участие в определенных отношениях могут быть превентивно ограничены не вследствие противоправного поведения, осуществляемого «здесь и сейчас», а вследствие наличия информации об определенном – даже правомерном – поведении в прошлом, если такая информация позволяет алгоритму на основании корреляционного анализа (Das 2016: 37-40) сделать вывод о возможности *нежелательного* поведения в будущем. Нежелательность поведения, возможность или «намерение совершить соответствующие противоправные деяния»¹ в будущем, вероятная угроза – новый предиктивно-аналитический вокабуляр, вполне соответствующий датафикации регулирования и позволяющий распространить государственный контроль за пределами строгих процессуальных механизмов правового принуждения.

Надстраиваясь над нормами законодательства, системы регулирования на основе репутационных данных способны создавать регуляторные эффекты за рамками отношений, охватываемых прямыми законодательными предписаниями. Пользование общественным транспортом вместо личного, своевременное добровольное прохождение медицинских осмотров и вакцинации, отдельный сбор отходов, экономное потребление электроэнергии и газа, волонтерство и донорство легко могут быть включены в перечень оцениваемых видов деятельности индивида без необходимости закрепления в нормативных правовых актах соответствующих юридических обязанностей. Конечно, в таком случае оцениваемые виды социально полезного поведения должны становиться основаниями для предоставления соответствующим лицам тех или иных преимуществ, преференций, ведь следование поощряемым моделям поведения предполагает добровольность. Может статься, однако, что преимуществом, предоставляемым за участие в социально-кредитных проектах и следование надлежащим поведенческим моделям, со временем станет доступ к социальным благам и общественным пространствам, прежде не обусловленный совершением каких-либо действий сверх законодательно закрепленных обязанностей. Социально-кредитные, основанные на анализе данных, системы на деле могут оказаться не средствами поощрения, предоставляющими отдельным категориям лиц более широкий спектр возможностей при условии наличия определенной информации в их цифровых профилях, а, напротив, средствами ограничения субъектов в том, что безусловно доступно уже сейчас. Цифровая надстройка над позитивным правом опасна для права тем, что его нормы теряют прямое действие, а реализация закрепленных в нормах правомочий ставится в зависимость от дополнительных условий.

Следует также обратить внимание еще на два момента. Как отмечал бельгийский теоретик права М. ван Хук, «право занимается в первую очередь

¹ Формулировка из Федерального закона от 30.12.2021 г. № 462-ФЗ.

не человеческим поведением и индивидуальными человеческими действиями как таковыми, а *человеческим взаимодействием*, межличностным поведением, человеческой коммуникацией» (Хук 2012: 31)¹. Системы регулирования на основе данных, напротив, насколько можно судить, имеют дело с отдельными поведенческими актами, а также отдельными социально-юридическими, финансово-экономическими, медицинскими и иными характеристиками оказавшихся в поле их внимания лиц. Коммуникативный элемент оказывается де-факто изъят из области регулирования. Новые системы регулирования и контроля воздействуют на общество и социальные связи не как на общественные отношения, а как на дискретные действия и характеристики *дискретных объектов*.

Итак, возвращаясь к вопросу о соотношении режима верховенства права и систем регулирования на основе данных, приходится констатировать, что если верховенство права и модель правового государства и получают благодаря современным цифровым технологиям новое звучание и развитие, то уже не в качестве верховенства *права* и не в качестве *правового государства*. Чтобы понять, что приходит праву на смену, стоит еще раз обратить внимание на опыт Китая, Болоньи и Рима.

Социально-кредитная этика?

В основе китайского проекта ССК, как следует уже из его названия, лежит идея *доверия, хорошей репутации, доброго имени* (信用, *credit*), понимаемых в широком смысле и предполагающих соблюдение субъектом предписаний правовых и моральных норм, исполнение обязанностей по сделкам, следование принятым в народе практикам². Следование правовым предписаниям, содержащимся в законах и подзаконных нормативных актах, имеет важное, первостепенное значение, однако замысел ССК вовсе не исчерпывается задачей обеспечить режим законности в его понимании, типичном для советской и российской юридической науки (Старилов 2017: 19–24). В одном из важнейших нормативных документов по созданию ССК, Плана построения системы социального кредита на 2014–2020 гг., неоднократно встречаются отсылки к моральному воспитанию граждан и государственных служащих как одной из первоочередных задач внедрения социально-кредитных механизмов в практику публичного управления³. Обеспечение соблюдения норм общественной морали и профессиональной этики, воспитание семейных добродетелей определены в качестве ориентиров для

¹ Ср.: «...правовое регулирование не сводится лишь к вопросу воздействия на поведение населения или контроля за поведением» (Hildebrandt 2018: 9).

² Wu J. 2020. Preface // Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen / ed. by O. Everling. Wiesbaden : Springer Gabler. P. IX–XIV.

³ Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020) // China Copyright and Media. 25.04.2015. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/> (дата обращения: 21.06.2022).

функционирования систем сбора, раскрытия и использования социально-кредитной информации провинции Хэбэй и муниципалитета Шанхай¹.

С 2010–2011 гг. в городском уезде Цинчжэнь китайской провинции Гуйчжоу действует интересный проект, направленный на стимулирование жителей сельской местности соблюдать моральные нормы и нормы общезжития. В рамках данного проекта каждая деревня уезда проводит экспертную оценку поведения отдельных граждан в соответствии с заранее публикуемыми «деревенскими нормами» (Dai 2020: 150); наиболее «честные» фермеры поощряются бонусными баллами, зачисляемыми на специальную банковскую карту, и получают приоритет в обслуживании административными органами и финансово-кредитными учреждениями². Предусмотрен и механизм наказания за недобросовестное поведение, однако подробности штрафной составляющей проекта не раскрываются.

Как можно понять по заявлениям итальянских чиновников, в Болонье и Риме власти также пытаются запустить проект, который бы стимулировал поведение граждан на границе права и социальной этики. Хотя, на первый взгляд, подобные проекты несут лишь пользу их участникам и обществу в целом, необходимо понимать, что с их помощью государственные органы приобретают возможность незаметно расширить пределы своего влияния, распространить свой контроль на ранее неподконтрольные им сферы жизни. Что объединяет в конечном счете и китайскую ССК с входящими в нее муниципальными пилотными проектами балльно-рейтинговой оценки, и итальянские эксперименты с «умным кошельком гражданина», так это присущая им направленность на слияние права, морали, обычаев, общесоциальной и профессиональной этики.

По сути, распространение систем, основанных на анализе репутационных данных и иных значимых характеристик физических и юридических лиц, ведет к постепенному вытеснению механизма правового регулирования *комплаенсом*.

Обычно о *комплаенсе* (от англ. *compliance* – согласие, соответствие), подразумевающим соблюдение правовых, корпоративных, этических и иных норм, принято говорить в контексте внутреннего корпоративного (зачастую банковского) контроля: в этом смысле *комплаенс* предстает в качестве одного из методов в арсенале менеджмента организации (Nelson 2021). Однако данное явление можно рассматривать и более широко, как систему средств обеспечения соответствия поведения субъектов действующим правовым и морально-этическим нормам, профессиональным и отраслевым стандартам, нормам обычаев и деловых обыкновений в публично-правовых

¹ 河北省社会信用信息条例. URL: <http://hbrb.hebnews.cn/pc/paper/c/201710/01/c25267.html> (дата обращения: 21.06.2022); Shanghai Municipal Social Credit Regulations. (Passed by the 38th Meeting of the Standing Committee of the 14th Session of the Shanghai People's Congress on June 23, 2017) // China Law Translate. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/shanghai-municipal-social-credit-regulations/> (дата обращения: 21.06.2022).

² 贵州清镇市诚信农民建设成效显著. URL: http://www.wenming.cn/syjj/dfcz/gz/201503/t20150327_2527223.shtml (дата обращения: 21.06.2022).

и частнопроводных отношениях, внутри и вне отдельных корпоративных образований, в самых разных, в том числе лежащих за пределами правового регулирования, областях жизни.

Судя по всему, движение в сторону слияния позитивного права с этикой в рамках расширенных систем комплаенса началось с практики закрепления в законодательстве обязанности отдельных категорий лиц следовать стандартам и правилам профессиональной деятельности, а также кодексам деловой этики, разработанным соответствующими сообществами: государственными служащими, нотариусами, арбитражными управляющими, страховщиками, аудиторами и др. Несмотря на многочисленность отраслевых документов, содержащих такие правила, они затрагивали до сих пор относительно немногочисленный круг лиц; сами же нормы деловой этики и стандарты профессиональной деятельности всегда утверждались в рамках надлежащих процедур компетентными выборными органами соответствующих отраслевых и профессиональных сообществ.

Включение уже не только профессиональной этики, но и этики социальной в находящиеся в руках государства и основанные на анализе данных техники регулирования, учета и контроля поведения субъектов означает формирование принципиально новой, синкретической системы социальной регуляции, основанной на праве и этике, но в действительности подменяющей собой и то и другое. Очевидно, именно такую систему попытались описать ученые, провозглашающие рождение режима верховенства так называемого метаправа и изображающие схему нового типа регулирования как единство императивных правовых норм (*hard law*), стандартов, лучших практик, рекомендательных норм (*soft law*), регуляторных политик, программ, стратегий и этики (Casanovas, Koker, Hashmi 2021: 77-78).

Базирующиеся на продвинутой цифровой технологии системы стимулирования, «подталкивания» нужного поведения позволяют ввести в действие нормы, которые не были установлены в рамках прозрачных процедур и источники которых неочевидны. Как известно, позитивное право может быть дурным и несправедливым, однако мы всегда можем с определенностью сказать, кто и для чего инициировал принятие того или иного закона/подзаконного акта, принимался ли он в рамках надлежащих процедурных правил, кто ответственен за его содержание и кому выгодно его действие. Традиционные системы морали и этики формируются в рамках длительных исторических периодов и отражают текущее состояние общества в его тотальности; опять же, следование морально-этическим нормам может обеспечиваться внутренним совестливым отношением субъекта к своим деяниям, порицанием со стороны других членов общества или коллектива, но чаще всего не предполагает ограничения в доступе к социальным благам, невозможность реализации предусмотренных законом прав и свобод. С социально-кредитными системами комплаенса все иначе: они способны оценивать поведение субъектов за рамками правового регулирования, применяя к ним прямо не предусмотренные законодательством поощрительные и правоограничительные (в том числе штрафные) меры; они могут предполагать повышенные, по сравнению с законодательными, требования к поведению; через них государство получа-

ет возможность навязывать обществу произвольные поведенческие модели в качестве некой «новой этики», «охраняемого обычая», «защищаемых ценностей» и т.п. Немаловажно, что имплементация определенным образом подобранных норм права и этики в цифровые системы регулирования и контроля делает фактически возможным наказание вне рамок законных механизмов юридической ответственности; это возможно через блокирование доступа к определенным благам и общественным пространствам.

Заключение

Основанные на интеллектуальном анализе данных системы воздействия на поведение субъектов, разумеется, не развивают и уж точно не улучшают институты правового государства и режим верховенства права. Впрочем, не совсем точным был бы и вывод, согласно которому они представляют для правового государства и верховенства права угрозу. Скорее, их стремительное развитие в последние годы, головокружительные перспективы на ближайшее будущее связаны с их востребованностью. Правовое государство зашло в глубочайший тупик вместе со всей парадигмой общественного развития, ее породившей. На повестке дня, судя по всему, не расширение горизонтов свободы, не «всеобщее благосостояние», а, напротив, ограничение потребления, кардинальное изменение поведенческих привычек, ужесточение нормирования и контроля.

Модель правового государства с четким кодексом должного и запретного, с прозрачными демократическими процедурами установления общеобязательных норм, с широкими правами и свободами членов общества становится избыточно затратной и сложной, превращаясь из решения в проблему. Проблема состоит в том, что в одночасье отказаться от многих свобод, изменить потребительские привычки, заставить людей делать больше того, чем они привыкли делать, достаточно трудно. Мы видели и продолжаем наблюдать, как парламенты и правительства по всему миру реформируют законодательства, вводя новые обязанности, устанавливая все больше запретов, однако такое реформирование всегда требует немалых политических усилий и нередко сопряжено со значительным недовольством граждан, предпринимателей, владельцев коммерческих компаний. Нужно отметить, что модель правового государства деградирует не только в странах либеральной демократии (то есть деградируют не только наиболее содержательно наполненные, приближенные к идеалу ее версии), но повсеместно, в том числе там, где верховенство права всегда понималось, скорее, как императив следования режиму законности: все более частое отступление от закрепленных в законодательстве формальных процедур и чрезмерно вольное толкование даже конституционных положений¹ отражают

¹ В данном контексте можно вспомнить распространенную в последнее десятилетие практику увеличения предельного количества сроков полномочий главы государства и отмены соответствующих ограничений (в Азербайджане, Белоруссии, КНР и ряде других стран), неоднозначную процедуру внесения поправок в Консти-

те объективные трудности, которые правящим кругам современных государств становится все сложнее преодолевать. Цифровые средства регулирования и контроля оказываются в этих условиях «палочкой-выручалочкой» для глобальных и национальных элит, вынужденных встречать вызовы новой эпохи: ускоряющуюся деградацию окружающей среды, перенаселение, дефицит ресурсов, невозможность поддерживать рост прибыли капиталистических предприятий обычными экономическими способами и т.д.

Благодаря системам, способным на основе анализа данных о физических и юридических лицах ранжировать объем и качество публичных услуг, открывать допуски и устанавливая ограничения в доступе к социальным благам, становится возможным ограничивать и запрещать, не предписывая новых обязанностей и запретов напрямую или предписывая их по минимуму. Становится возможным более эффективный, требующий минимального человеческого вмешательства, контроль за соблюдением запретов и исполнением обязанностей. Принципиально важным является то, что системы регулирования на основе данных не предполагают прямого устранения институтов правового государства, а их внедрение не сопровождается однозначным отказом от уже закрепленных в законодательстве конституционно-правовых положений и процедур. Новая цифровая архитектура управления и контроля оказывается не конкурентом правового государства, а своего рода паразитическим наростом на его теле, действуя поверх писанных норм и в определенных отношениях сводя содержание этих норм к чистой формальности. Тогда как установление законодательных положений всегда предполагает ту или иную форму публичной дискуссии, обеспечиваемую через участие в процессе правотворчества избранных народом лиц (депутатов парламента, делегатов иных представительных органов, избранного населением главы государства), основанные на анализе цифровых данных системы воздействия на поведение субъектов могут внедряться в жизнь миллионов под видом нейтральной техники, вне каких-либо демократических процедур. В то время как любой, даже дурной или имитационный (Law, Versteeg 2013), закон предполагает некоторую степень определенности налагаемых на субъектов обязанностей, запретов и ограничений, некоторую степень определенности ожидаемых правоприменительных решений, цифровая архитектура допусков и ограничений позволяет, во-первых, вводить новые ограничения явочным порядком, во-вторых, делает труднопредсказуемыми результаты правоприменения в той мере, в которой они зависят от алгоритмической обработки информации.

Право (и именно в значении позитивного права) не исчезает совсем, но лишается той роли, которую играло прежде. Оно должно дать начало новой комплаенс-подобной системе регулирования поведения, в которой нормы

туцию Российской Федерации в 2020 г., беспрецедентно массовое голосование по почте на президентских выборах в США и все большее распространение дистанционного онлайн-голосования в других странах. О размывающих верховенство права антилиберальных тенденциях в конституционном законодательстве либеральных государств – членов ЕС последних лет см.: (Drinóczy, Bień-Kacała 2019; Szente 2022).

позитивного права будут лишь одним из ярусов нормативности и которая при этом, как прежде позитивное право, будет полностью подконтрольна государству. Через новую систему регулирования, оценивающую не коммуникацию между субъектами, а дискретные действия и характеристики *субъект-объектов* (то есть лиц, сведенных к статусу единиц в подвижных и проницаемых множествах), открывается путь к поистине революционной трансформации человеческого поведения. Сокращение использования личного автотранспорта за счет стимулирования пользования общественным, снижение энергопотребления в домах и офисах, отдельный сбор мусора, следование ESG-принципам (Hill 2020: 13-27) в деятельности коммерческих компаний – начальный перечень поведенческих сдвигов, к которым уже подстегивают цифровые посредники и социально-кредитные проекты. Очевидно, что этот перечень в дальнейшем будет расширяться¹, а участие в соответствующих проектах постепенно из добровольного будет превращаться в безальтернативное. Если мысленно продолжить данную тенденцию, можно спрогнозировать, что в перспективе ближайших 10–20 лет процесс трансформации регулирования может привести к замене институтов правового государства множеством *программ лояльности*, понимаемых и в качестве аналогов современных программ лояльности в торговых сетях, и в буквальном смысле, как лояльность своему правительству и проводимой им политике.

Впрочем, в мире программ лояльности само государство в том виде, в котором мы привыкли его знать, перестает быть нужным. Коль скоро поведение определяется в большей степени сформированной социальной привычкой, своего рода ритуалом, а не актом нормативного волеизъявления, модели поведения для членов общества могут навязываться из любого центра. Современное государство, связанное демократическими процедурами с волеизъявлением населения и ответственное перед населением, в перспективе может быть заменено цифровыми платформами. Не слишком радужная, но вполне реальная перспектива, для осознания которой придется пересмотреть ставшее за последнее столетие привычным понимание многих правовых и политических институтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бибихин В.В. 2005. Введение в философию права. Москва : Институт философии РАН. 344 с.

¹ Основанные на учете поведенческих (репутационных) данных проекты социально-кредитного типа легко могут быть встроены в становящиеся все более популярными в мире практики кэнселинга и деплатформинга: в доступе к тем или иным социальным благам, общественным местам может быть отказано и за осуждаемое поведение в прошлом (например, за неполиткорректные высказывания), и за нежелание следовать навязываемой, но выдаваемой за мнение большинства, позиции по тому или иному вопросу. Стоит заметить, что отнюдь не обязательно, чтобы внедрение систем социально-кредитной оценки было инициировано правительственными структурами; теоретически, при наличии должных ресурсов и отсутствии противодействия со стороны органов государства, инициаторами могут быть неправительственные организации, профессиональные ассоциации и даже неформальные сети единомышленников.

Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В. 2021. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // *Правоприменение*. Т. 5, № 4. С. 5-19. DOI 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19

Гегель Г.В.Ф. 1990. *Философия права*. Москва : Мысль. 524 с.

Голунский С.А., Строгович М.С. 1940. *Теория государства и права*. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР. 304 с.

Зубофф Ш. 2022. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. Москва : Издательство Института Гайдара. 784 с.

Кельзен Г. 2015. *Чистое учение о праве*. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс. 542 с.

Муромцев С.А. 2004. *Определение и основное разделение права*. Санкт-Петербург : Издательский дом СПбГУ. 224 с.

Проди П. 2017. *История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права*. Москва : Издательство Института Гайдара. 512 с.

Радбрух Г. 2004. *Законное неправо и надзаконное право* // Радбрух Г. *Философия права*. Москва : Международные отношения. С. 228-238.

Рувинский Р.З. 2020. *Правопорядок в период глобального кризиса: трансформации, тенденции, угрозы*. Санкт-Петербург : Алетейя. 350 с.

Рувинский Р.З. 2021. *Система социального кредита в Китае: модель конституционализма для кризисной эры* // *Сравнительное конституционное обозрение*. № 3. С. 63-85. DOI 10.21128/1812-7126-2021-3-63-85

Старилов Ю.Н. 2017. *От правильного понимания и уважения законности к ее верховенству* // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. № 3. С. 18-40.

Толстик В.А. 2015. *Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции?* // *Юридическая техника*. № 9. С. 759-763.

Фуко М. 2011. *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. Санкт-Петербург : Наука. 544 с.

Хук М. ван 2012. *Право как коммуникация*. Санкт-Петербург : Университетский издательский консорциум. 288 с.

Bach J. 2020. *The Red and the Black: China's Social Credit Experiment as a Total Test Environment* // *The British Journal of Sociology*. Vol. 71, iss. 3. P. 489-502. DOI 10.1111/1468-4446.12748

Backer L.C. 2019. *Next Generation Law: Data-Driven Governance and Accountability-Based Regulatory Systems in the West, and Social Credit Regimes in China* // *Southern California Interdisciplinary Law Journal*. Vol. 28, iss. 1. P. 123-172.

Bayamlioglu E., Leenes R. 2018. *The 'Rule of Law' Implications of Data-Driven Decision-Making: A Techno-Regulatory Perspective* // *Law, Innovation and Technology*. Vol. 10, iss. 2. P. 295-313. DOI 10.1080/17579961.2018.1527475

Blomberg M. 2018. *The Social Credit System and China's Rule of Law* // *Mapping China Journal*. No. 2. P. 77-162.

Casanovas P., Koker L. de, Hashmi M. 2021. *Law, Socio-Legal Governance, the Internet of Things, and Industry 4.0: A Middle-Out/Inside-Out Approach* // *Multidisciplinary Scientific Journal*. Vol. 5, iss. 1. P. 64-91. DOI: 10.3390/j5010005

Catanzariti M. 2021. *Algorithmic Law: Law Production by Data or Data Production by Law?* // *Constitutional Challenges in the Algorithmic Society* / ed. by H.-W. Micklitz et al. Cambridge : Cambridge University Press. P. 78-92.

Chibundu M.O. 1999. *Globalizing the Rule of Law: Some Thought at and on the Periphery* // *Indiana Journal of Global Legal Studies*. Vol. 7, iss. 1. P. 79-116.

Chloros A.G. 1958. *What is Natural Law?* // *The Modern Law Review*. Vol. 21, iss. 6. P. 609-622.

Dai X. 2020. *Toward a Reputation State: A Comprehensive View of China's Social Credit System Project* // *Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen* / ed. by O. Everling. Wiesbaden : Springer Gabler. P. 139-164.

- Das S.R. 2016. Data Science: Theories, Models, Algorithms, and Analytics // SCU Web Page of Sanjiv Ranjan Das. July 2016. URL: https://srdas.github.io/Papers/DSA_Book.pdf (дата обращения: 21.06.2022).
- Drinóczi T., Bień-Kacała A. 2019. Illiberal Constitutionalism: The Case of Hungary and Poland // *German Law Journal*. Vol. 20, iss. 8. P. 1140-1166. DOI 10.1017/glj.2019.83
- Ebers M. 2020. Regulating AI and Robotics: Ethical and Regulatory Challenges // *Algorithms and Law* / ed. by M. Ebers, S. Navas. Cambridge : Cambridge University Press. P. 37-99.
- Hildebrandt M. 2018. Algorithmic Regulation and the Rule of Law // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. Vol. 376, iss. 2128. DOI: 10.1098/rsta.2017.0355
- Hill J. 2020. Environmental, Social, and Governance (ESG) Investing: A Balanced Analysis of a Sustainable Portfolio. London : Elsevier. 357 p.
- König P.D. 2020. Dissecting the Algorithmic Leviathan: On the Socio-Political Anatomy of Algorithmic Governance // *Philosophy & Technology*. Vol. 33. P. 467-485.
- Law D.S., Versteeg M. 2013. Sham Constitutions // *California Law Review*. Vol. 101, iss. 4. P. 863-952. DOI 10.2139/ssrn.1989979
- Locke J. 2010. A Letter Concerning Toleration // *Locke on Toleration* / ed. by R. Vernon. New York : Cambridge University Press. P. 3-46.
- Mattei U., Nader L. 2008. Plunder: When the Rule of Law is Illegal. Malden : Blackwell Publishing. 293 p.
- Nelson J.S. 2021. Compliance as Management // *The Cambridge Handbook of Compliance* / ed. by B. van Rooij, D.D. Sokol. Cambridge : Cambridge University Press. P. 104-122.
- Orwat C. 2020. Risks of Discrimination through the Use of Algorithms. Berlin: Federal Anti-Discrimination Agency. 122 p. URL: https://www.antidiskriminierungsstelle.de/EN/homepage/_documents/download_diskr_risiken_verwendung_von_algorithmen.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (дата обращения: 21.06.2022).
- Platon S. 2020. Reinventing the Wheel ... and Rolling over Fundamental Freedoms? The Covid-19 Epidemic in France and the 'State of Health Emergency' // *The Theory and Practice of Legislation*. Vol. 8, iss. 3. P. 293-309. DOI: 10.1080/20508840.2020.1804110
- Ritter D.P. 2015. The Iron Cage of Liberalism: International Politics and Unarmed Revolutions in the Middle East and North Africa. Oxford : Oxford University Press. 285 p.
- Romano S. 2017. The Legal Order. New York : Routledge. 179 p.
- Shavell S. 2002. Law versus Morality as Regulators of Conduct // *American Law and Economics Review*. Vol. 4, iss. 2. P. 227-257.
- Szente Z. 2022. Constitutional Changes in Populist Times // *Review of Central and East European Law*. Vol. 47, iss. 1. P. 12-36. DOI: 10.1163/15730352-47010001
- Tamanaha B.Z. 2004. On the Rule of Law: History, Politics, Theory. Cambridge : Cambridge University Press. 188 p.
- Xenidis R. 2020. Tuning EU Equality Law to Algorithmic Discrimination: Three Pathways to Resilience // *Maastricht Journal of European and Comparative Law*. Vol. 27, iss. 6. P. 736-758. DOI 10.1177/1023263X20982173
- Yeung K. 2017. 'Hypernudge': Big Data as a Mode of Regulation by Design // *Information, Communication & Society*. Vol. 20, iss. 1. P. 118-136. DOI 10.1080/1369118X.2016.1186713
- Yu Q. 2020. 算法行政: 社会信用体系治理范式及其法治化 // *法学论坛*. 第2期. URL: <http://fzzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm> (дата обращения: 21.06.2022).

References

- Bach J. The Red and the Black: China's Social Credit Experiment as a Total Test Environment, *The British Journal of Sociology*, 2020, vol. 71, no. 3, pp. 489-502. DOI 10.1111/1468-4446.12748
- Backer L.C. Next Generation Law: Data-Driven Governance and Accountability-Based Regulatory Systems in the West, and Social Credit Regimes in China, *Southern California Interdisciplinary Law Journal*, 2019, vol. 28, no. 1, pp. 123-172.

- Bayamlioglu E., Leenes R, The 'Rule of Law' Implications of Data-Driven Decision-Making: A Techno-Regulatory Perspective, *Law, Innovation and Technology*, 2018, vol. 10, no. 2, pp. 295-313. DOI 10.1080/17579961.2018.1527475
- Bibikhin V.V. *The Introduction to the Philosophy of Right*, Moscow, Institut filosofii RAN, 2005, 344 p. (In Russ.).
- Blomberg M. The Social Credit System and China's Rule of Law, *Mapping China Journal*, 2018, no. 2, pp. 77-162.
- Casanovas P., Koker L. de, Hashmi M. Law, Socio-Legal Governance, the Internet of Things, and Industry 4.0: A Middle-Out/Inside-Out Approach, *Multidisciplinary Scientific Journal*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 64-91. DOI: 10.3390/j5010005
- Catanzariti M. Algorithmic Law: Law Production by Data or Data Production by Law?, H.-W. Micklitz et al. (eds.) *Constitutional Challenges in the Algorithmic Society*, Cambridge, Cambridge University Press, 2021, pp. 78-92.
- Chibundu M.O. Globalizing the Rule of Law: Some Thought at and on the Periphery, *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 1999, vol. 7, no. 1, pp. 79-116.
- Chloros A.G. What is Natural Law?, *The Modern Law Review*, 1958, vol. 21, no. 6, pp. 609-622.
- Dai X. Toward a Reputation State: A Comprehensive View of China's Social Credit System Project, O. Everling (ed.) *Social Credit Rating: Reputation und Vertrauen beurteilen*, Wiesbaden, Springer Gabler, 2020, pp. 139-164.
- Das S.R. Data Science: Theories, Models, Algorithms, and Analytics, *SCU Web Page of Sanjiv Ranjan Das*, July 2016, available at: https://srdas.github.io/Papers/DSA_Book.pdf (accessed June 21, 2022).
- Drinóczi T., Bień-Kacała A. Illiberal Constitutionalism: The Case of Hungary and Poland, *German Law Journal*, 2019, vol. 20, no. 8, pp. 1140-1166. DOI 10.1017/glj.2019.83
- Ebers M. Regulating AI and Robotics: Ethical and Regulatory Challenges, M. Ebers, S. Navas (eds.) *Algorithms and Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2020, pp. 37-99.
- Foucault M. *Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977-1978*, Saint Petersburg, Nauka, 2011, 544 p. (In Russ.).
- Golunsky S.A., Strogovich M.S. *Theory of State and Law*, Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo NKYu SSSR, 1940, 304 p. (In Russ.).
- Hegel G.W.F. *The Philosophy of Right*, Moscow, Mysl, 1990, 524 p. (In Russ.).
- Hildebrandt M. Algorithmic Regulation and the Rule of Law, *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 2018, vol. 376, no. 2128. DOI: 10.1098/rsta.2017.0355
- Hill J. *Environmental, Social, and Governance (ESG) Investing: A Balanced Analysis of a Sustainable Portfolio*, London, Elsevier, 2020, 357 p.
- Hoecke M. van. *Law as Communication*, Saint Petersburg, Universitetskij izdatel'skij konsorcium, 2012, 288 p. (In Russ.).
- Kelsen H. *Pure Theory of Law*, Saint Petersburg, Alef-Press, 2015, 542 p. (In Russ.).
- König P.D. Dissecting the Algorithmic Leviathan: On the Socio-Political Anatomy of Algorithmic Governance, *Philosophy & Technology*, 2020, vol. 33, pp. 467-485.
- Law D.S., Versteeg M. Sham Constitutions, *California Law Review*, 2013, vol. 101, no. 4, pp. 863-952. DOI 10.2159/ssrn.1989979
- Locke J. A Letter Concerning Toleration, R. Vernon (ed.) *Locke on Toleration*, New York, Cambridge University Press, 2010, pp. 3-46.
- Mattei U., Nader L. *Plunder: When the Rule of Law is Illegal*, Malden, Blackwell Publishing, 2008, 293 p.
- Muromtsev S.A. *Opređenje i osnovnoe razdělenie prava* [Definition and Basic Separation of Law], Saint Petersburg, Izdatel'skij dom SPbGU, 224 p. (In Russ.).
- Nelson J.S. Compliance as Management, B. van Rooij, D.D. Sokol (eds.), *The Cambridge Handbook of Compliance*, Cambridge, Cambridge University Press, 2021, pp. 104-122.
- Orwat C. *Risks of Discrimination through the Use of Algorithms*, Berlin, Federal Anti-Discrimination Agency, 2020, 122 p., available at: <https://www.antidiskriminierungsstelle>.

de/EN/homepage/_documents/download_diskr_risiken_verwendung_von_algorithmen.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (accessed June 21, 2022).

Platon S. Reinventing the Wheel ... and Rolling over Fundamental Freedoms? The Covid-19 Epidemic in France and the 'State of Health Emergency', *The Theory and Practice of Legislation*, 2020, vol. 8, no. 3, pp. 293-309. DOI: 10.1080/20508840.2020.1804110

Prodi P. *A History of Justice: From the Pluralism of Forums to the Contemporary Dualism of Conscience and Law*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017, 512 p. (In Russ.).

Radbruch G. Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law, G. Radbruch *Filosofija prava* [The Philosophy of Right], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004, pp. 228-238. (In Russ.).

Ritter D.P. *The Iron Cage of Liberalism: International Politics and Unarmed Revolutions in the Middle East and North Africa*, Oxford, Oxford University Press, 2015, 285 p.

Romano S. *The Legal Order*, New York, Routledge, 2017, 179 p.

Ruvinskiy R.Z. *Legal Order in Time of the Global Crisis: Transformations, Trends, Threats*, Saint Petersburg, Aletheia, 2020, 350 p. (In Russ.).

Ruvinskiy R.Z. The Social Credit System in China: A Model of Constitutionalism for the Era of Crises, *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2021, no. 3, pp. 63-85. (In Russ.). DOI 10.21128/1812-7126-2021-3-63-85

Shavell S. Law versus Morality as Regulators of Conduct, *American Law and Economics Review*, 2002, vol. 4, no. 2, pp. 227-257.

Starilov Yu.N. From A Correct Understanding and Respect for The Rule of Law to Its Supremacy, *Vestnik VGU. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2017, no. 3, pp. 18-40. (In Russ.).

Szente Z. Constitutional Changes in Populist Times, *Review of Central and East European Law*, 2022, vol. 47, no. 1, pp. 12-36. DOI: 10.1163/15730352-47010001

Tamanaha B.Z. *On the Rule of Law: History, Politics, Theory*, Cambridge, Cambridge University Press, 2004, 188 p.

Tolstik V.A. Legal Totalitarianism: The Strategy of Lawmaking or an Inertial Motion? *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2015, no. 9, pp. 759-763. (In Russ.).

Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital Profile: The Concept, Regulatory Mechanisms and Enforcement Problems, *Pravoprimerenie* [Law Enforcement Review], 2021, vol. 5, no. 4, pp. 5-19. (In Russ.). DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19

Xenidis R. Tuning EU Equality Law to Algorithmic Discrimination: Three Pathways to Resilience, *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2020, vol. 27, no. 6, pp. 736-758. DOI 10.1177/1023263X20982173

Yeung K. 'Hypernudge': Big Data as a Mode of Regulation by Design, *Information, Communication & Society*, 2017, vol. 20, no. 1, pp. 118-136. DOI 10.1080/1369118X.2016.1186713

Yu Q. Algorithmic Administration: The Governance Paradigm of the Social Credit System and Its Normative Grounds, *Faxue Luntan* [Legal Forum], 2020, no. 2, available at: <http://fzfyjy.cupl.edu.cn/info/1035/11847.htm> (accessed June 21, 2022). (In Chinese).

Zuboff S. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2022, 784 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман Зиновьевич Рувинский

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия; ORCID: 0000-0002-9114-1786; ResearcherID: R-3275-2018; SPIN-код: 8748-0166; E-mail: ruvinskiy-rz@ranepa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman Z. Ruvinskiy

Candidate of Law, Associate Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of RANEPa, Nizhny Novgorod, Russia; ORCID: 0000-0002-9114-1786; ResearcherID: R-3275-2018; SPIN-code: 8748-0166; E-mail: ruvinskiy-rz@ranepa.ru

Степанов С.К. Вина в деликтном праве: генезис основных подходов // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 148-167. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148

УДК 347

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_148

Вина в деликтном праве: генезис основных подходов

Семен Константинович Степанов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России
г. Москва, Россия
E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru

*Поступила в редакцию 17.06.2022, поступила после рецензирования 12.09.2022,
принята к публикации 22.11.2022*

В отечественной доктрине деликтного права обсуждение вины как условия деликтной ответственности сводится к установлению ее содержания посредством субъективных или объективных критериев. В соответствии с первым подходом вина рассматривается как особое психическое отношение нарушителя к противоправному поведению и его последствиям. Согласно объективному подходу вина заключается в непринятии делинквентом необходимых мер осмотрительности. Однако ученые нередко абстрагируются от выявления генезиса данных подходов. В статье предпринимается попытка восполнить данный пробел. Для достижения поставленной цели автор использует исторический метод и обращается в первую очередь к римскому праву. Это позволяет, с одной стороны, указать на причины появления вины, с другой – определить ее содержание. Результаты исследования показали, что в классическом римском праве вина служила инструментом более тонкой настройки при привлечении лица к деликтной ответственности: в одних случаях она позволяла расширить пределы ответственности, в других, наоборот, сузить. Кроме того, вина, определявшаяся в римском праве преимущественно посредством объективных критериев, имела тенденцию совпадать с противоправностью. Некоторые предпосылки их разделения обнаруживаются лишь в *Corpus iuris civilis*. Существенные изменения происходят в Средние века. К XIII в. благодаря влиянию канонического права вина приобретает субъективное содержание. Во многом это было связано с возрастающей ролью исповеди как основного элемента в учении о примирении грешника с Богом. Таким образом сформировалась идея об индивидуальном отношении делинквента к нарушению, что способствовало укреплению субъективного

© Степанов С.К., 2023

подхода. В статье также нашло отражение учение Ф. Аквинского о человеческих поступках, благодаря которому субъективный подход попал в орбиту исследований постглоссаторов, а также Г. Гроция. К XVII столетию в результате сложного процесса взаимопроникновения юридической и религиозной сфер психологическая концепция вины попадает как в уголовное, так и в деликтное право.

Ключевые слова: вина, деликтное право, каноническое право, римское право, противоправность

Fault in Tort Law: The Genesis of the Main Approaches

Semyon K. Stepanov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Moscow, Russia

E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru

Received 17.06.2022, revised 12.09.2022, accepted 22.11.2022

Abstract. In the Russian doctrine of tort law, the discussion of fault as a condition of tort liability is reduced to establishing its content by means of subjective or objective criteria. The first approach considers fault is a special mental attitude of a delinquent to illegal behavior and its consequences. According to the objective approach, fault lies in the failure of a delinquent to take the necessary precautions. However, scientists often abstract from identifying the genesis of these approaches. The article attempts to fill this gap. To achieve the goal, the author uses the historical method and refers primarily to Roman law. It allows, on the one hand, to indicate the causes of fault, on the other hand, to determine its content. The results of the study show that in classical Roman law, fault served as a fine-tuning tool when bringing a person to tort liability: in some cases, it expanded the limits of liability, in others, on the contrary, narrowed its scope. In addition, fault, defined in Roman law primarily by objective criteria, tended to coincide with wrongfulness. Some prerequisites for their separation can only be found in the *Corpus Iuris Civilis*. Significant changes occurred in the Middle Ages. By the 13th century, due to the influence of canon law, fault acquires a subjective content. This was largely due to the growing role of confession as the main element in the doctrine of the reconciliation of the sinner with God. Thus, the idea of the individual relation of the delinquent to the violation was formed, which contributed to strengthening the subjective approach. The article also reflects the teaching of Thomas Aquinas on human actions, thanks to which the subjective approach got into the studies of postglossators, as well as Hugo Grotius. By the 17th century, as a result of a complex process of interpenetration of legal and religious spheres, the subjective concept of fault finds its way into both criminal and tort law.

Keywords: fault, tort law, canon law, Roman law, wrongfulness

For citation: Stepanov S.K. Fault in Tort Law: The Genesis of the Main Approaches, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 148-167. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148

Введение

Хорошо известная читателю российская литература по деликтному праву обладает весьма любопытной характеристикой: исследователи зачастую начинают изложение проблемы с анализа знакового дела, после чего переходят к аргументации разделяемой ими точки зрения, повсеместно ссылаясь на труды авторитетных зарубежных (преимущественно англо-американских) или советских/российских ученых. При этом в отечественной литературе по деликтному праву многие фундаментальные положения принимаются в качестве аксиом, не требующих критического анализа. Если для западных авторов подобное положение дел можно считать допустимым, поскольку даже самой незначительной проблеме оказываются посвящены десятки тысяч страниц научной литературы, то для российских цивилистов аналогичный прием представляется nepозволительной роскошью.

В современной отечественной доктрине деликтного права лишь изредка можно увидеть попытки осмысления генезиса того или иного явления (Маркелова 2018; Евстигнеев 2017). Между тем российское деликтное право оказалось вовсе лишено надлежащего исторического анализа. Это утверждение может вызвать некоторое недоумение: ведь во многих статьях, диссертациях, монографиях наличествуют исторические разделы – это и есть та самая аргументация. Однако нередко в подобных работах историко-правовой обзор имеет отдаленное отношение к проблематике деликтного права и тем более не выполняет функцию генетического объяснения (Зиновьева 2006: 10-73).

Даже в тех случаях, когда актуальность исторической части исследования намеренно завышается автором, она выглядит достаточно фрагментарно. После краткого изложения основных (общеизвестных) категорий римского деликтного права ученые переходят к комментированию положений европейского права периода кодификации (XIX в.), обращая пристальное внимание на нормы Гражданского кодекса Франции (Кодекс Наполеона) (Шепель 2014). При этом из орбиты исследований вовсе выпадает средневековый этап эволюции (конец V – XVI вв.). Однако именно в этот период происходит фундаментальное изменение всей архитектуры деликтного права.

В чем же истинное значение исторического аргумента в юридическом исследовании? Считается, что апелляция к истории допустима в том случае, когда она выполняет объяснительную функцию в рамках догматического исследования, иными словами, создает новое знание относительно актуального состояния правовых конструкций (Третьяков 2005: 41; Wieacker 1996: 15). Тем не менее зачастую ретроспективное рассмотрение того или иного явления преследует нормативную цель, создавая у читателя обманчивое впечатление, будто исторический аргумент предопределяет ответ на вопрос о должном¹. Тем временем еще И.А. Покровский отмечал, что «лозунгом современной юриспруденции является знаменитое изречение

¹ В зарубежной литературе подобное положение дел очень распространено (Jansen 2003; Beever 2016).

Р. фон Иеринга: “Через римское право, но вперед, дальше его”. Усвоив то, что было создано предками, потомки должны работать дальше сами, ибо правовые проблемы не таковы, чтобы они могли быть решены раз навсегда. Новые условия постоянно ставят на очередь новые задачи, и юриспруденция должна постоянно оставаться на своем посту» (Покровский 1998: 17). В этой связи цель нашего исследования состоит не в том, чтобы раз и навсегда разрешить спор относительно содержания вины, а скорее выявить истоки противоположных подходов к ее определению.

Традиционно драматургия отечественной литературы о вине сводится к установлению ее содержания в качестве субъективного или объективного стандарта (Тебряев 2002; Матвеев 1955, 1970; Иоффе 1951). В первом случае вина есть не что иное, как особое психическое отношение нарушителя к противоправному поведению и его последствиям. Согласно же объективному подходу вина заключается в непринятии делинквентом необходимых мер осмотрительности. Сторонники объективной концепции упрекают субъективистов в рецепции чуждых доктрине гражданского права уголовно-правовых взглядов (Брагинский, Витрянский 2005: 583). Тогда как влиятельные последователи субъективного критерия указывают на невозможность описания посредством объективного масштаба проблемных случаев причинения вреда несовершеннолетними и недееспособными (Кочиоль 2018: 244), а также учета вины (умысла или грубой неосторожности) потерпевшего. Подобные случаи свидетельствуют о субъективизации стандарта вины.

Каковы предпосылки появления столь неоднозначной психологической концепции вины в деликтном праве? Можно ли обнаружить ее истоки в римском праве? Или причина кроется в переосмыслении содержания категории в Средние века? Если ответ положительный, то почему именно субъективный подход стал преобладающим в раннее Новое время? Поиску ответов на эти вопросы посвящено настоящее исследование. Этим же определяется структура работы. Начиная с рассмотрения вины в римском праве, мы переходим к обсуждению фундаментальных изменений этого условия ответственности в Средние века и раннее Новое время.

Значение вины в римском праве

Римское право представляло собой систему средств защиты, главным образом *actiones* (исков), которые предоставлялись правопорядком субъектам в случае, если существовали основания полагать, что их легитимные имущественные интересы нарушены (Третяков 2022: 22). Для внедоговорного взаимодействия лиц, следствием которого являлся определенного рода вред, существовало несколько видов *actiones*: *actiones poenalis* (штрафные), *actiones mixtae* (смешанные), *actiones rei persecutoriae* (направленные на вознаграждение за убыток). Каждый из этих исков имел различные основания. Так, для штрафных таковыми были *furtum* (кража) и *iniuria* (оскорбление словом или действием). Типичным примером смешанного иска, посредством которого находили удовлетворение и штрафной, и имущественный

интересы, считался *actio legis Aquiliae* – иск из закона Аквилія (Дождев 2016: 633). Основанием последнего служило *damnum iniuria datum* – противоправное нанесение ущерба. Наконец, иском, необходимым для удовлетворения исключительно имущественного интереса, был так называемый *condictio ex causa furtiva* – кондиционный иск из кражи (Гримм 2003: 401).

Главная роль в определении того, заслуживал ли интерес потерпевшего защиты, принадлежала претору. Если он считал, что интересы истца подлежат защите, то предоставлял последнему *actio*. Как справедливо отмечает С.В. Третьяков, отличие от современного права состоит в том, что вопрос о предоставлении средства защиты решался в принципе не до факта нарушения чужого интереса, а после этого (Третьяков 2022: 23). В связи с этим возникают вопросы относительно значения и содержания вины. Возможно ли утверждать, что вина была необходимым реквизитом предоставления претором иска потерпевшему? И если это так, то какова внутренняя архитектура вины?

В классическом римском праве весьма последовательно проводится мысль, согласно которой ответственность за деликт наступает не только за сам факт причинения вреда, но и за вину (Hasse 1838). Напротив, для права эпохи XII таблиц элемент воли играет незначительную роль, а умышленные правонарушения ставятся в один ряд с неосторожными (Гусаков 1896: 145). По всей видимости, не было необходимости выделять вину в архаический период в качестве особого элемента, поскольку любое деликтное взаимодействие презюмировалось умышленным (Kaser 1984: 186). Р. Циммерманн приводит следующий пример: «Когда раба зарезали до смерти или воткнули ему в лицо горящий факел, это не только *prima facie* противоправно, но и сделано умышленно» (Zimmermann 1992: 1005). В определенном смысле древнейший вид ответственности можно считать ответственностью без вины.

Более того, римское право эпохи XII таблиц концентрируется на ужасающих для причинителя вреда последствиях нарушения, создавая уникальную систему превенции (Parisi et al. 2020), с помощью одновременного существования *actiones poenalis*, *lex talionis* и практически неограниченного права потерпевшего на самозащиту¹. Столь жесткая стратегия социальной регуляции была необходима главным образом для того, чтобы предотвратить возможный конфликт. Разумеется, в то время не существовало никаких различий между компенсаторной и превентивной функциями деликтной ответственности. Более того, привычные для современного юриста задачи, реализуемые в рамках уголовного права, разрешались посредством инструментария частного права (Jansen 2003: 197-201). Основной акцент древнейшего римского деликтного права был на том, каким образом потерпевший

¹ В связи с этим Р. фон Иеринг замечает: «Где на другой стороне стояло вполне несомненное право, там надо было быть готовым к тому, то для достижения его будут употреблены все силы и не только собственные имеющего право, но и силы его друзей и родственников, между тем как сам нарушитель не мог рассчитывать в таком случае на поддержку своих» (Иеринг 1875: 106).

должен реагировать на поведение делинквента (Jansen 2003: 192), которое нарушало чувство собственного права¹. Строго говоря, в праве эпохи XII таблиц центральным считался вопрос, следует ли реагировать и как реагировать потерпевшему на посягательство; в современном деликтном праве, напротив, особое внимание уделяется условиям, при которых причинитель вреда привлекается к деликтной ответственности.

В определенном смысле римское право освободилось от древнейших оков с принятием закона Аквилы в 286 г. до н.э., где получает самостоятельную трактовку ответственность за *damnum iniuria datum* – противоправное нанесение ущерба (Дождев 2016: 632). И здесь особого внимания заслуживает *iniuria*. Существует весьма убедительное мнение, согласно которому *damnum iniuria* представляет собой асиндетон – стилистическую фигуру, основанную на пропуске союза. Об этом свидетельствует тот факт, что оба слова *damnum* и *iniuria* стоят в именительном падеже (Rodger 2006: 421, 425). А примерно к I в. до н.э. довольно распространенным стало употребление вместо *iniuria* термина *culpa*; соответственно, привычный состав приобрел вид *damnum culpa datum* (Daube 1969: 153), что свидетельствует о появлении дополнительного критерия, близкого по значению к вине. Эти обстоятельства заставляют нас, во-первых, проиллюстрировать разнообразную палитру взглядов на *iniuria*, во-вторых, установить соотношение между *iniuria* и *culpa*.

Можно выделить, как минимум, три подхода к определению *iniuria* в законе Аквилы². Первая точка зрения имеет наибольшее количество сторонников и определяет *iniuria* как объективный элемент, независящий от воли лица, смысл которого состоит в отсутствии обстоятельств, исключающих противоправность (Schipani 1969: 83). Иными словами, лицо действует *iniuria*, только если отсутствуют условия, оправдывающие его вредоносное поведение (к примеру, необходимая оборона, крайняя необходимость и т.д.) (Hasse 1838: 23, 39, 47, 48)³. Подобный подход убедительно доказывает зарождение и эволюцию *culpa* в лоно *iniuria*. Уже в классический период появившаяся из *iniuria* концепция *culpa* стала выполнять три важнейших задачи: 1) объем *iniuria* сужался, поскольку даже за противоправное

¹ Безусловно, нельзя говорить о существовании конструкции субъективного права в древнейшем римском праве. Р. фон Иеринг весьма удачно использует для обозначения нарушаемого состояния потерпевшего словосочетание «чувство права» (Иеринг 1875: 106-107).

² Сразу оговоримся, что этот термин употребляется лишь в главах I и III закона. В соответствии с первой главой предусматривалась ответственность за *occidere* (убийство) чужого раба или скота, тогда как третья глава содержала положения о нанесении вреда – *urere, frangere, rumpere* – любым вещам. Вторая глава, в которой предусматривалась ответственность адстипулятора, совершившего акцептиляцию во вред кредитору, уже в республиканскую эпоху перестает применяться, поскольку для подобных ситуаций достаточно было иска из поручения (Zimmermann 1992: 954).

³ В отечественной науке подобная позиция изложена в работах В.М. Хвостова в начале XX столетия (Хвостов 2019: 198-199). В современной зарубежной литературе представлена у Р. Циммерманна (Zimmermann 1992: 998-1004).

поведение причинитель вреда не отвечал в отсутствие вины или умысла¹; 2) *culpa* имела тенденцию совпадать с *iniuria*; 3) посредством *culpa* можно было расширить диапазон ответственности, в частности, поведение, которое ранее считалось правомерным *prima facie*, могло квалифицироваться в качестве виновного (Beinart 1952: 285).

Преимущество такого подхода состоит в том, что, с одной стороны, становится возможным объяснить взаимосвязь различных элементов, с другой – устанавливаются основания для их разграничения. Как следствие, в XIX столетии в европейской цивилистике возникнет субъективная теория противоправности, в соответствии с которой поведение считается противоправным, если лицо причиняет вред без законного основания (Степанов 2021).

Несколько отличается точка зрения Н. Янсена. Не оспаривая в целом объективный характер *iniuria*, ученый полагает, что как *culpa*, так и *iniuria* были необходимы лишь для исключения ответственности в определенных случаях (Jansen 2003: 220)². Значением обладал лишь *damnum* как результат поведения делинквента. Механизм, с помощью которого *damnum* атрибутировался делинквенту, заключался в толковании различных глаголов, обозначающих конкретные модели вредоносного поведения (из главы I – *occidere*, из главы III – *urere, frangere, rumpere*) (Jansen 2003: 218)³. Думается, что столь трепетное отношение Н. Янсена к вредоносному результату во многом продиктовано его приверженностью специфической теории противоправности, существующей в Германии (Jansen 2002). Речь идет о так называемой теории противоправности результата, в соответствии с которой лицо действует противоправно лишь в том случае, когда нарушает блага, поименованные в законе⁴. Отсюда истинная цель ученого – стремление усилить теорию результата с помощью исторической аргументации.

Согласно второй точке зрения *iniuria* всегда означала *dolus* и *culpa*. Влиятельным последователем такого подхода является Дж. МакКормак. Проанализировав внушительное количество фрагментов *Corpus iuris civilis*, ученый приходит к выводу о тождественности *iniuria* и *dolus/culpa* (MacCormack 1975: 56). Один из комментируемых автором фрагментов обладает важнейшим значением для дальнейшего обсуждения содержания вины. Касается он ответственности садовника, который уронил сук с дерева на дорогу и убил прохожего⁵. Дело в том, что, по мнению Квинта Муция, в таком

¹ Gai. III, 211 (Дождев 2020: 219).

² К примеру, лицо, причинившее ущерб, действовало в отсутствие вины или в состоянии крайней необходимости.

³ Аналогичным образом рассуждает и М. Казер (Kaser 1984: 186).

⁴ Теория противоправности результата получила нормативный импульс в п. 1 § 823 Германского гражданского уложения, в соответствии с которым причинение вреда жизни и здоровью, посягательство на свободу, собственность или иное право другого лица автоматически означают противоправность (Markesinis, Unberath 2002: 79).

⁵ D. 9.2.31 (Кофанов 2008).

случае возможно было предъявить иск на основании *culpa*. Если же дороги не было, то садовник должен отвечать лишь за *dolus*. Это позволяет МакКормаку сделать вывод о совпадении *iniuria* и *dolus/culpa*.

Однако в литературе отмечается, что в более ранних публикациях ученый придерживался традиционных воззрений относительно содержания *iniuria* как отсутствия обстоятельств, исключающих противоправность (Paschalidis 2008: 325). При этом отметим, что различие между *dolus* и *culpa* не имело никакого значения при привлечении лица к ответственности по закону Аквилы, поскольку во внимание принималась даже небрежность – *culpa levissima* (Дождев 2016: 634). Основной упрек сторонников этого подхода в адрес представителей первой точки зрения заключается в том, что якобы последние пытаются применить современные правовые категории при исследовании римских деликтов. Напротив, последователи второй точки зрения (Дж. МакКормак и др.) полагают, что римскому праву четкое разделение *iniuria* и *culpa* не было известно.

П. Бёркс также отстаивает вторую точку зрения, указывая на то, что *iniuria* в *damnum iniuria datum* означает *dolus* или *culpa* (Birks 2014: 202-210). Тем не менее в некоторых работах ученый предпринимал попытки раскрыть содержание *iniuria* в *damnum iniuria datum* посредством обращения к отдельному деликту *iniuria*, заявляя таким образом об их генетической связи¹. Иначе говоря, *datum*, по мнению П. Бёркса, должен был быть вызван оскорблением – *iniuria*, в котором наличествует *dolus* (Birks 1981: 141).

Наконец, третий подход представлен в работах выдающегося отечественного ученого Т.М. Яблочкова. На первый взгляд может показаться, что его позиция не отличается от первого подхода, описанного нами: *iniuria* понимается им в качестве отсутствия обстоятельств, оправдывающих причинение вреда², тогда как *culpa* определяется как дополнительный критерий, возникший несколько позже. Однако существенное отличие проявляется в интерпретации *culpa*. Исходным началом для ее определения ученый объявляет римский индивидуализм. Каждый индивидуум в римской системе координат обладал нравственной и имущественной обособленностью. «Полная свобода движения и деятельности, – отмечал Т.М. Яблочков, – внутри своей сферы и право поддерживать и защищать ее своими силами всеми средствами имеют ограничение в обязанности не преступать эту границу и не вмешиваться тем самым в чужую сферу – ни с плохими, ни с добрыми намерениями» (Яблочков 1907: 15). Отсюда следует, что истинное содержание *culpa* заключается во вмешательстве в чужую сферу, независимо от намерения лица. Индивидуализм как фундаментальный принцип римского права в корне меняет отношение также к *iniuria*. Это не просто такое вредоносное поведение лица, которое

¹ На это обстоятельство указывает П. Пасхалидис (Paschalidis 2008: 326).

² Точнее говоря, Т.М. Яблочков следует за И.К. Хассе. Последний, как мы указывали, является сторонником первой точки зрения.

лишено оправдательного основания, но главным образом превышение (или выход) пределов индивидуальной сферы. Противоправность деяния нужно искать не в праве, которое нарушено, а в праве, которое превышено (Яблочков 1907: 18)¹. Любопытно, что в самом начале работы автор предостерегал от того, чтобы выводить общее понятие вины для римского права. Однако сам совершил подобного рода ошибку. Более того, в его рассуждениях чувствуется влияние философии И. Канта².

В действительности римское деликтное право было казуистическим, а какого-либо стандартизированного критерия вины не существовало (Zimmermann 1992: 1008). Разумеется, невнимательность или предвидимость обладали важным значением в конкретных случаях (Барон 2005: 214-215), однако окончательный вопрос об ответственности зависел от оценки совокупности обстоятельств, которые главным образом определялись с объективной стороны.

Кратко охарактеризуем пример, связанный с ответственностью садовника, о котором мы упомянули ранее³. Может показаться, что *culpa* в данном случае предопределяется субъективными соображениями. Но на самом деле она определяется в отрывке следующим образом: *Culpam autem esse, quod cum a diligente provideri poterit, non esset provisum aut tum denunciatum esset, cum periculum evitari non possit*. Глагол *provideo* может быть переведен как «предвидеть» или «принять меры предосторожности» (Paschalidis 2008: 351). При этом в литературе подчеркивается его безусловный объективный масштаб (Schipani 1969: 152).

Лишь к III в. н.э. *culpa* приобрела некоторые субъективные черты. По мнению Павла, садовник не должен отвечать за причиненный вред, если он не мог предвидеть, что кто-либо пройдет рядом (Paschalidis 2008: 352). Такое изменение акцентов может создать ложное представление о *culpa*. Несмотря на некоторую субъективизацию, от объективного стандарта в этом деле никогда не отступали, поскольку главным образом необходимо было принимать во внимание вид дороги (частная или общественная), пролежавшей рядом с местом обрезания веток садовником (Zimmermann 1992: 1010).

Таким образом, разделение *culpa* и *iniuria* не было известно классическому римскому праву. Основы размежевания были заложены в *Corpus iuris civilis*, где под *iniuria* понималось такое вредоносное поведение, которое не имело извиняющего обстоятельства (необходимая оборона и др.), тогда как *culpa* во времена Юстиниана приобретает техническое значение небрежности (Барон 2005: 214). При этом последняя определялась объективно.

¹ В этом отрывке явно прослеживается связь воззрений Т.М. Яблочкова и А. Перниса (Pernice 1867: 45).

² Особенно если принять во внимание кантианское понимание автономии воли: важно то, что нельзя делать другим лицам (Третьяков 2020: 11).

³ D. 9.2.31. В романистике подлинность отрывка оспаривается (Schipani 1969: 141-143).

Изменение содержания вины в Средние века и раннее Новое время

Средние века характеризуются известным плюрализмом правовых форм (каноническое, феодальное, вульгарное римское право и пр.). Разумеется, одним из основных социальных институтов, претендовавших на господство в сфере регулирования общественных отношений, была Церковь. Зарождающееся каноническое право всюду использовало лексику римского деликтного права. И уже к VII в. термин *delictum* практически полностью проникает в сферу религиозной лексики, где он используется для обозначения греха, в качестве синонима термина *peccatum* (Марей 2005: 129).

Такое заимствование не обошлось без изменения внутреннего содержания понятий. Ключевая роль здесь принадлежит П. Абеляру, который разработал три элемента примирения грешника с Богом: *contritio cordis* (покаяние), *confessio oris* (исповедь), *satisfactio operis* (возмещение ущерба) (Проди 2017: 57). Дело в том, что на разных этапах эволюции Католической церкви этим элементам придавалось различное значение. Так, с VII в. огромную роль играют покаянные книги, в которых, как несложно догадаться, основной акцент делается на *contritio* и *satisfactio*. В этих сборниках предпринимается попытка соотнести определенные грехи с покаянием (молитвы, посты и т.п.). Формируется так называемое тарифицированное правосудие: определенное количество дней или лет поста за определенный вид греха (Проди 2017: 51-52). Покаяние при этом означает исповедание перед Богом в душе, которое само по себе содержит прощение, священник лишь фиксирует и проговаривает его, назначая конкретное исполнение покаяния.

К XII в. происходят значительные метаморфозы. Не последнюю роль в этом процессе сыграли усиление папской власти и экспансия Католической церкви в целом. В эпоху папы Григория VII каноническое право получает мощный импульс к развитию, кульминацией которого станет создание в XII столетии *Decretum* Грациана. Этот сборник будет господствовать в панораме римско-христианской юридической мысли.

В этот период центр тяжести примирения грешника с Богом переносится на *confessio oris*, исповедь перед священником, и отпущение им грехов. В XIII в. на IV Латеранском соборе была установлена обязанность ежегодной исповеди. Фигура священнослужителя все больше напоминает судью, который управомочен в духе инквизиционного процесса проводить допрос грешника, выявлять его истинные намерения, оценивать обстоятельства. По меткому замечанию П. Проди, даже формулировка отпущения грехов все больше походит на приговор (Проди 2017: 74). Любопытно, что в качестве основного стимула к исповеди выступало зарождающееся в этот период учение о чистилище, в соответствии с которым утверждается индивидуальный суд, ожидающий каждого после смерти (для душ, которые не осуждены на вечные муки, но и не допущенные в рай до Страшного суда, до конца света). Исповедь перед священником способна уменьшить муки чистилища применительно к предусмотренным наказаниям. Подобный

индивидуальный характер суда, а также компетенция служителей Церкви по выявлению истинного отношения лиц к результатам их поведения способствовали резкой субъективизации вины.

Однако процесс расширения полномочий священнослужителей, помимо прочего, был сопряжен с некоторыми догматическими трудностями, связанными главным образом с вопросом о том, могут ли епископы судить? И если ответ утвердительный, то за какие грехи? Ведь очевидно, что существуют грехи, за которые может судить лишь Бог¹. Задача по разделению божественного и церковного форумов была возложена именно на вину как условие ответственности. Она становится центральной темой исследовательского канонистов XII–XIII вв. (Kuttner 1935). Со временем было предложено два решения.

Первое исходит из злого умысла нарушителя. Строго говоря, *dolus malus* соответствует преступному греху, который может быть предметом рассмотрения на церковном форуме (Kuttner 1935: 323–324). Второе решение представляется более любопытным, поскольку предпринимаются попытки разграничить форумы с помощью концепции общественного порицания. Именно общественные последствия отличали преступный грех от простого греха (Проди 2017: 80). Впоследствии концепция порицания была заменена нарушением норм канонического права. В результате юрисдикция Церкви предопределялась умалением объективных норм. Ш. Куттнер отмечал, что путем подобных рассуждений канонисты пришли к догматическому выводу о разделении *forum ecclesiae* и *forum Dei* (Kuttner 1935: 324). Однако на практике оба форума оставались теснейшим образом связанными. Особые способы принуждения, выработанные для церковного форума, переплетались с мерами принуждения, существующими на форуме божественном.

Немаловажным значением для нашей темы обладает учение о человеческих поступках Ф. Аквинского. Как известно, философ при формулировании вины опирался на разработанную Аристотелем концепцию уравнивающей справедливости (Gordley 2006: 140). Однако в отличие от воззрений греческого мыслителя ключевую роль здесь приобретает волевой характер действий лиц, умышленно или неосторожно нарушивших справедливое равенство². «Средневековые мыслители, – как справедливо замечает Т. Осборн, – считали, что воля или желание и выбор являются актами, которые принадлежат одной способности, а именно воле – *voluntas*, для обозначения которой не было прямого греческого термина во времена Аристотеля» (Osborne 2014: 131).

Следствием провозглашения волевого элемента в качестве основы формирования и осуществления человеческого акта стал вывод о том, что само совершение действия по своей воле и есть та выгода, которую лицо

¹ Эти сомнения впервые высказал в XII столетии П. Абеляр в своей «Этике» (Abelard 1971).

² ST, II-II, q.57.a.1. См.: Аквинский Ф. Сумма Теологии. Т. 8 // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/11> (дата обращения: 07.06.2022).

получает, и такая выгода должна передаваться тому, кто потерпел по этой причине убыток (Ли 2013: 25). При этом сам поступок с точки зрения Ф. Аквинского имел весьма непростую структуру, состоящую из выполнения цели, выбора средств и исполнения акта. Каждому этапу соответствовала сложная конфигурация воли и разума. Дело в том, что проблемы соотношения интеллекта и воли в стратегии человеческих поступков приобрели существенное значение в XIII в., поскольку возникла острая необходимость квалификации неведения в качестве волевого или лишенного воли действия. Так, причиной морального неведения, по мнению Ф. Аквинского, являлось упущение в работе человеческого разума, тем не менее сама сущность греха заключалась в воле того, кто проявил небрежность (Душин 2017: 174). Более того, для квалификации неведения необходимо было осознание результата вредоносного поведения. К примеру, во время охоты человек, стреляя в зайца, случайно убивает своего заклятого врага. Подобный акт лишен актуального воления, поскольку нерадивый охотник не осознавал результатов своего поведения. В целом предпринятые Ф. Аквинским попытки описания человеческих поступков с теологической точки зрения надлежит считать безупречными, однако для целей правового регулирования не совсем удачными (Sampson 2021: 59). Именно по этой причине, например, постгlossаторы в меньшей степени ориентировались на учение Ф. Аквинского о человеческих поступках, главным образом используя лишь субъективный взгляд на вину.

Известный постгlossатор Бальд полагал, что деликт состоит из трех элементов: проявления, наименования и качества (Sampson 2018: 72). В соответствии с первым аспектом делинквент должен привлекаться к ответственности лишь за противоправный результат или запрещенное поведение. Второй компонент необходим для того, чтобы разрешить проблему, связанную с непоименованными правонарушениями. Проводится прямая аналогия с безымянными контрактами в римском праве: существуют такие случаи причинения вреда, которые прямым образом не названы в законе, тем не менее делинквент обязан к возмещению. Наконец, третий элемент представляется наиболее существенным для нашей темы. Под качеством Бальд понимал, по-видимому, тяжесть поступка. Строго говоря, каждое обстоятельство, усугубляющее ответственность, относится к его качеству (Sampson 2018: 72). Подобные обстоятельства можно разделить на две группы: внутренние мотивы правонарушителя и объективные условия, в которых он действовал. Субъективные характеристики проявляются, с одной стороны, в качестве воли, с другой – как несоответствие поведения делинквента установленному в законе стандарту. Кроме того, любопытно, что Бальд в отличие от римской казуистической традиции обсуждает вину как абстрактную предпосылку ответственности, создавая тем самым универсальное условие.

Следующий важный этап относится к выделению субъективной вины из греха. И связан он с именем иезуита Х. Асора, точнее с его *Institutiones morales*, опубликованными в XVII столетии. Именно в этих институциях предпринимается попытка различить и соотнести вину и грех. «Между грехом и виной имеется следующее различие, – писал Х. Асор, – грех более ши-

рокое понятие, чем вина, <...> ибо грех представляет собой действие, которое отступает и отклоняется от должной нормы. <...> Вина же присутствует только в действиях нравов и разума, добровольных и свободных: тому, что добровольно и свободно совершается против здравого разума, вменяется вина и наказание. В данном случае о грехе говорится как о том, что имеется в действиях разума и нравов. Из этого следует, что любая вина есть грех, а всякий грех есть порок, но не наоборот, не всякий порок есть грех, и не всякий грех – вина» (Проди 2017: 358). Иными словами, для вины необходим свободный и добровольный акт, тогда как для греха требуется отклонение от нормы. Любопытно, насколько современным кажется пассаж XVII в. До сих пор многие ученые видят в противоправности нарушение объективных норм, тогда как под виной понимается отношение лица к вредоносному результату.

Дальнейшее развитие вины продиктовано сложным процессом взаимопроникновения юридической и религиозной сфер. И здесь надлежит отметить два важных направления. С одной стороны, благодаря усилиям саламанской школы позитивное право сакрализируется. Строго говоря, позитивное право получает дополнительный источник легитимации, поскольку вписывается в общую картину христианского закона¹. С другой стороны, из сферы греха постепенно обособляется концепция правонарушения. Фундаментальное значение приобретает данное Т. Гоббсом определение преступления в качестве греха, заключающегося в совершении делом и словом того, что запрещено законом, или неисполнении того, что он повелевает. «Намерение украсть или убить, – отмечал философ, – есть грех, хотя бы это намерение не было выявлено никогда ни словом, ни делом, ибо Бог, знающий мысли человека, может вменить ему это в вину. Однако, до тех пор пока такое намерение не обнаружилось каким-нибудь поступком или словом, при наличии которых намерение могло бы стать объектом разбора земного судьи, оно не называется преступлением» (Гоббс 1991: 226-227).

Во-первых, из этих рассуждений следует, что всякое преступление есть в сущности грех, тогда как не всякий грех представляется преступлением. Во-вторых, намерение определяется исключительно в качестве субъективного отношения лица к возможному результату. Разумеется, само по себе подобное отношение не является еще преступлением, однако интересен именно этот акцент на намерении. В-третьих, позитивный закон и законодатель сакрализируются².

¹ В связи с этим интересным выглядит деление права, которое предложил Л. де Молина. По его мнению, оно подразделяется на две общие категории – естественное и позитивное; последнее, в свою очередь, делится на божественное и человеческое (Проди 2017: 365-366). Из этого обстоятельства следует, что все позитивное право маркируется приказами власти (церковной или светской). Нетрудно догадаться, что несколько позже благодаря Т. Гоббсу место божественного в западной культуре займет Бог-государство (Гоббс 1989: 391).

² «Грехом является не только нарушение закона, но также выражение презрения к законодателю, ибо такое презрение есть нарушение всех его законов сразу» (Гоббс 1991: 225).

Влияние религиозной сферы ощущается и в работах Г. Гроция, с именем которого современные исследователи связывают появление принципа «генерального деликта» (Цвайгерт, Кетц 2010: 601). Испытав сильное влияние томизма¹ и правового гуманизма, он стал первым, кто смог вывести моральные принципы из сферы теологии в сферу права (Ли 2013: 27).

Учение Г. Гроция о вине характеризуется двумя важными аспектами. С одной стороны, надлежит отметить некоторую непоследовательность в проведении принципа вины как основного условия ответственности, с другой – вина не имеет какого-либо устойчивого содержания. Непоследовательность проявляется в том, что, по мнению Г. Гроция, существуют случаи причинения вреда, где вина не является необходимым реквизитом. Это обстоятельство вызвано сложностями в ее доказывании (Sampson 2021: 65). Речь идет об известных еще римскому праву случаях ответственности хозяина корабля, гостиницы. Подобные обязательства не являются, по мнению ученого, в строгом смысле деликтными, так как в них отсутствует вина делинквента, в то же время они составляют особый вид обязательств *quasi ex maleficio*. Правда, не совсем понятно, почему голландский юрист не воспользовался разработанной в Средние века конструкцией *culpa in eligendo* (вина в выборе сотрудников) для объяснения подобной ответственности, это позволило бы логично провести принцип вины. Кроме того, любопытным представляется описанный Г. Гроцием случай ответственности за убытки от столкновения судов: убытки несли обе стороны поровну, если невозможно было доказать, что виновно лишь одно лицо. Здесь ученый впервые упоминает презумпцию вины (Sampson 2021: 67).

Говоря о неопределенном содержании вины, следует отметить противоречивость ее использования в работах Г. Гроция. Складывается впечатление, что вина употребляется не в качестве сугубо юридического критерия, наполненного точным смыслом, а как термин, обозначающий общественное порицание вредоносного поведения (Sampson 2021: 63). В своем раннем произведении по частному праву *Inleidinge* Г. Гроций не определяет вину, указывая лишь на различные ее степени: *dolus* (умысел) и *culpa* (небрежность). Вместо этого он сосредотачивается на описании конкретных случаев причинения вреда, в которых отсутствие вины является обстоятельством, исключающим ответственность.

Таким образом, несмотря на провозглашение Г. Гроцием принципа вины в качестве фундаментального условия ответственности, оставались нерешенными многие практические проблемы относительно определения ее внутреннего содержания, а также применимости в некоторых случаях.

Подводя промежуточный итог, укажем, что в результате довольно сложного исторического процесса вина в эпоху Средневековья приобрела субъективное содержание, а в период раннего Нового времени именно это понимание нашло свое отражение в сфере позитивного права.

¹ В особенности Л. Лессюса (Sampson 2021: 61).

Заключение

Едва ли в доктрине деликтного права найдется столь неоднозначное и противоречивое по своему внутреннему содержанию условие ответственности, как вина. По нашему глубокому убеждению, исторический метод помогает разобраться в истоках субъективного и объективного представлений о вине. Так, римское право в динамическом процессе своего развития демонстрирует предпосылки возникновения вины. В архаический период вина не играла существенной роли, поскольку умышленные правонарушения ставились в один ряд с неосторожными. Однако в классическом римском праве принцип вины, определяемый по объективному масштабу, приобрел центральное значение в качестве удобного критерия, с одной стороны, для ограничения ответственности причинителя вреда, с другой стороны, напротив, для расширения диапазона ответственности.

Кроме того, многие исследования по римскому праву пронизывает сложный вопрос о соотношении категорий *culpa* и *iniuria*. Нами были продемонстрированы три ключевые точки зрения по этому поводу. Кажется, что вопрос не потерял своей актуальности и для современного деликтного права, если под *culpa* понимать вину, а в *iniuria* видеть противоправность. Существенные изменения в содержании вины происходят в Средние века. К VII в. термин *delictum* проникает в сферу религиозной лексики, где он используется для обозначения греха. Благодаря влиянию канонического права к XIII в. вина приобрела субъективный характер. Главной причиной подобного положения дел стал перенос акцента в учении о примирении грешника с покаяния и возмещения ущерба на исповедь, что позволило священнослужителю выявлять истинные намерения делинквента, а также оценивать обстоятельства совершения греха. Именно в этот период формируется идея индивидуального отношения нарушителя к вредоносному результату, которое, как показало исследование, коренится отнюдь не уголовном праве. Впоследствии, в результате сложного процесса размежевания первоначально вины и греха, а затем греха и правонарушения, субъективная вина попадает в сферы как уголовного, так и деликтного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Барон Ю. 2005. Система римского гражданского права : в 6 кн. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. 1100 с.
- Брагинский М.И., Витрянский В.В. 2005. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. Москва : Статут. 840 с.
- Гоббс Т. 1989. Основы философии // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 1. С. 66-506.
- Гоббс Т. 1991. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. Москва : Мысль. Т. 2. С. 5-285.
- Гримм Д.Д. 2003. Лекции по догме римского права. Москва : Зерцало. 496 с.
- Гусаков А.Г. 1896. Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима. Историко-юридическое исследование. Москва : Университетская типография. 234 с.

Дождев Д.В. (ред.) 2020. Институции Гая = Gai Institutionum commentarii quattuor. Москва : Статут. 384 с.

Дождев Д.В. 2016. Римское частное право. Москва : ИНФРА-М. 685 с.

Душин О.Э. 2017. Аристотель и Фома Аквинский о моральном неведении // Verbum. Вып. 19: Никомахова этика в истории европейской мысли. Санкт-Петербург ; Псков : Псковский государственный университет, 2017. С. 163-179.

Евстигнеев Э.А. 2017. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения (часть первая) // Вестник гражданского права. № 4. С. 45-83.

Зиновьева О.А. 2006. Самозащита гражданских прав в законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 166 с.

Иеринг Р. фон. 1875. Дух римского права на различных ступенях его развития. Санкт-Петербург : Типография В. Безобразова и К°. 309 с.

Иоффе О.С. 1951. Обязательства по возмещению вреда. Ленинград : Издательство Ленинградского университета. 108 с.

Кофанов Л.Л. (ред.) 2008. Дигесты Юстиниана. Москва : Статут. Т. 2, кн. 5-11. 621 с.

Коциоль Х. 2018. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права (окончание) // Вестник гражданского права. Т. 18, № 1. С. 189-267.

Ли Чж. 2013. Принцип вины в деликтных обязательствах в традиции континентальной правовой семьи (сравнительно-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 166 с.

Марей А.В. 2005. Обязательства ex delicto в «Семи Патридах» Альфонсо X Мудрого (1252–1284): дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 219 с.

Маркелова А.А. 2018. Соотношение вины и противоправности в деликтах государства // Договоры и обязательства / отв. ред. А.В. Егоров, А.А. Новицкая. Москва : Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. Т. 2. С. 99-147.

Матвеев Г.К. 1955. Вина в советском гражданском праве. Киев : Издательство Киевского университета. 308 с.

Матвеев Г.К. 1970. Основания гражданско-правовой ответственности. Москва : Юридическая литература. 312 с.

Покровский И.А. 1998. История римского права. Санкт-Петербург : Летний сад. 560 с.

Проди П. 2017. История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. Москва : Издательство Института Гайдара. 509 с.

Степанов С.К. 2021. Современные теории противоправности: швейцарский подход // Вестник гражданского права. Т. 21, № 1. С. 219-253. DOI 10.24031/1992-2043-2021-21-1-219-253

Тебряев А.А. 2002. Вина причинителя вреда в деликтных обязательствах // Юрист. № 3. С. 27-31.

Третьяков С.В. 2005. К проблеме использования исторической аргументации в цивилистической догматике // Неволин К.А. История российских гражданских законов. Ч. 1: Введение и книга первая о союзах семейственных. Москва : Статут. С. 22-43.

Третьяков С.В. 2020. Субъективное частное право и «юриспруденция понятий»: кульминация и кризис волевой теории субъективного права // Вестник гражданского права. Т. 20, № 3. С. 9-42. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-3-9-42

Третьяков С.В. 2022. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 495 с.

- Хвостов В.М. 2019. Система римского права. Москва : Юрайт. 540 с.
- Цвайгерт К., Кетц Х. 2010. Сравнительное частное право : в 2 т. Москва : Международные отношения. 726 с.
- Шепель Т.В. 2014. Вина в гражданском праве: законодательство и цивилистическая доктрина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Т. 10, № 2. С. 50-55.
- Яблочков Т.М. 1907. Понятие вины в римском праве (черты индивидуализма в учениях римских юристов о вине). Москва : Правоведение. 56 с.
- Abelard P. 1971. *Ethics*. Oxford : Clarendon Press. 144 p.
- Beever A. 2016. *A Theory of Tort Liability*. Oxford ; Portland : Hart Publishing. 272 p.
- Beinart B. 1952. The Relationship of Iniuria and Culpa in the Lex Aquilia // *Studi in Onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV Anno del suo Insegnamento* / ed. by M. Lauria. Napoli : Editore Jovene. P. 279-303.
- Birks P. 1981. Other Men's Meat: Aquilian Liability for Proper Use // *The Irish Jurist*. Vol. 16, iss. 1. P. 141-185.
- Birks P. 2014. *The Roman Law of Obligations*. Oxford : Oxford University Press. 303 p.
- Daube D. 1969. *Roman Law: Linguistic, Social and Philosophical Aspects*. Edinburgh : Edinburgh University Press. 205 p.
- Gordley J. 2006. Tort Law in the Aristotelian Tradition // *Philosophical Foundations of Tort Law* / ed. by D.G. Owen. Oxford : Clarendon Press. P. 131-158.
- Hasse J.Ch. 1838. *Die Culpa des Römischen Rechts. Eine civilistische Abhandlung*. Bonn : A. Marcus. 604 s.
- Jansen N. 2002. Das Problem der Rechtswidrigkeit bei § 823 Abs. 1 BGB // *Archiv für die civilistische Praxis*. Bd. 202. S. 515-554.
- Jansen N. 2003. *Die Struktur des Haftungsrechts. Geschichte, Theorie und Dogmatik außervertraglicher Ansprüche auf Schadensersatz*. Tübingen : Mohr Siebeck. 703 s.
- Kaser M. 1984. *Roman Private Law. Pretoria* : University of South Africa. 455 p.
- Kuttner S. 1935. *Kanonistische Schuldlehre von Gratian bis auf die Dekretalen Gregors IX. Systematisch auf Grund der handschriftlichen Quellen dargestellt*. Città del Vaticano : Biblioteca Apostolica Vaticana. 429 s.
- MacCormack G. 1975. *Aquilian Studies* // *Studia et Documenta Historiae et Juris*. Vol. 41. P. 1-78.
- Markesinis B., Unberath H. 2002. *The German Law of Torts. A Comparative Treatise*. Oxford ; Portland : Hart Publishing. 1050 p.
- Osborne T.M. 2014. *Human Action in Thomas Aquinas, John Duns Scotus and William of Ockham*. Washington : The Catholic University of America Press. 288 p.
- Parisi F., Pi D., Luppi B., Fargnoli I. 2020. Deterrence of Wrongdoing in Ancient Law // *Roman Law and Economics*. Vol. 2: Exchange, Ownership, and Disputes. Oxford : Oxford University Press. P. 347-378.
- Paschalidis P. 2008. What Did Iniuria in the Lex Aquilia Actually Mean? // *Revue Internationale des Droits de l'Antiquite*. Vol. 55. P. 321-363.
- Pernice A. 1867. *Zur Lehre von den Sachbeschädigungen nach römischem Rechte*. Weimar : H. Böhlau. 265 s.
- Rodger A. 2006. What Did Damnum Iniuria Actually Mean? // *Mapping the Law. Essays in Memory of Peter Birks*. Oxford : Oxford University Press. P. 421-438.
- Sampson J. 2018. *The Historical Foundations of Grotius' Analysis of Delict*. Leiden : Brill. 258 p.

Sampson J. 2021. The Place of Fault in Grotius's Conception of Liability for Wrongdoing // *Grotiana*. Vol. 42, iss. 1. P. 53-68. DOI 10.1163/18760759-42010004

Schipani S. 1969. Responsabilità 'ex lege Aquilia': criteri di imputazione e problema della 'culpa'. Torino : G. Giappichelli. 506 p.

Wieacker F. 1996. *Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung*. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht. 659 s.

Zimmermann R. 1992. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Cape Town : Juta and Company. 1241 p.

References

Abelard P. *Ethics*, Oxford, Clarendon Press, 1971, 144 p.

Baron J. *The System of Roman Law: in 6 books*, Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press, 2005, 1100 p. (In Russ.).

Beever A. *A Theory of Tort Liability*, Oxford & Portland, Hart Publishing, 2016, 272 p.

Beinart B. The Relationship of Iniuria and Culpa in the Lex Aquilia, M. Lauria (ed.) *Studi in Onore di Vincenzo Arangio-Ruiz nel XLV Anno del suo Insegnamento*, Naples, Editore Jovene, 1952, pp. 279-303.

Birks P. Other Men's Meat: Aquilian Liability for Proper Use, *The Irish Jurist*, 1981, vol. 16, no. 1, pp. 141-185.

Birks P. *The Roman Law of Obligations*, Oxford, Oxford University Press, 2014, 303 p.

Braginskij M.I., Vitrijanskij V.V. *Contract Law. Book 1: General Provisions*, Moscow, Statut, 2005, 840 p. (In Russ.).

Daube D. *Roman Law: Linguistic, Social and Philosophical Aspects*, Edinburgh, Edinburgh University Press, 1969, 205 p.

Dozhdev D.V. (ed.) *Gai Institutions = Gai Institutionum commentarii quattuor*, Moscow, Statut, 2000, 384 p. (In Russ.).

Dozhdev D.V. *Roman Private Law*, Moscow, INFRA-M, 2016, 685 p. (In Russ.).

Dushin O.E. Aristotle and Thomas Aquinas on Moral Ignorance, *Verbum. Vyp. 19: Nikomaxova étika v istorii evropejskoj mysli* [Verbum. Vol. 19: Nicomachean Ethics in the History of European Thought], Saint Petersburg & Pskov, Pskovskij gosudarstvennyj universitet, 2017, pp. 163-179. (In Russ.).

Evstigneev E.A. General Tort Principle: Modern Position and Prospects of Application (Part 1), *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2017, no. 4, pp. 45-83. (In Russ.).

Gordley J. Tort Law in the Aristotelian Tradition, D.G. Owen (ed.) *Philosophical Foundations of Tort Law*, Oxford, Clarendon Press, 2006, pp. 131-158.

Grimm D.D. *Lectures on the Dogma of Roman Law*, Moscow, Zercalo, 2003, 496 p. (In Russ.).

Gusakov A.G. *Torts and Contracts as Sources of Obligations in the Civil Law System of Ancient Rome. Historical and Legal Research*, Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1896, 234 p. (In Russ.).

Hasse J.Ch. *Die Culpa des Römischen Rechts. Eine civilistische Abhandlung* [The Culpa of Roman Law. A Civilist Treatise], Bonn, A. Marcus, 1838, 604 p. (In German).

Hobbes T. 1989. *Fundamentals of Philosophy*, T. Hobbes *Collected Works: in 2 vols*, Moscow, Mysl, 1989, vol. 1, pp. 66-506. (In Russ.).

Hobbes T. Leviathan, T. Hobbes *Collected Works: in 2 vols*, Moscow, Mysl, 1991, vol. 2, pp. 5-285. (In Russ.).

Ihering R. fon. *The Spirit of Roman Law at Various Stages of its Development*, Saint

Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i K^o, 1875, 309 p. (In Russ.).

Ioffe O.S. *Compensation Obligations*, Leningrad, Leningrad University Press, 1951, 108 p. (In Russ.).

Jansen N. Das Problem der Rechtswidrigkeit bei § 823 Abs. 1 BGB [The Problem of Wrongfulness in § 823 Para. 1 BGB], *Archiv für die civilistische Praxis* [Archives for Civilist Practice], 2002, vol. 202, pp. 517-554. (In German).

Jansen N. *Die Struktur des Haftungsrechts. Geschichte, Theorie und Dogmatik außervertraglicher Ansprüche auf Schadensersatz* [The Structure of Tort Law], Tübingen, Mohr Siebeck, 2003, 703 p. (In German).

Kaser M. *Roman Private Law*, Pretoria, University of South Africa, 1984, 455 p.

Khvostov V.M. *Roman Law System*, Moscow, Jurajt, 2019, 540 p. (In Russ.).

Kofanov L.L. (ed.) *The Digests of Justinian*, Moscow, Statut, 2008, vol. 2, books 5-11, 621 p. (In Russ.).

Koziol H. Harmonisation and Fundamental Questions of European Tort Law (Finale), *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2018, vol. 18, no. 1, pp. 189-267. (In Russ.).

Kuttner S. *Kanonistische Schuldlehre von Gratian bis auf die Dekretalen Gregors IX. Systematisch auf Grund der handschriftlichen Quellen dargestellt* [Canonical Doctrine of Guilt from Gratian to the Decretals of Gregory IX: Systematically Presented on the Basis of Manuscript Sources], Vatican, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1935, 429 p. (In German).

Li Zh. *The Principle of Fault in Tort Obligations in the Tradition of the Continental Legal Family (Comparative Legal Aspect)*, PhD thesis, Saint Petersburg, 2013, 166 p. (In Russ.).

MacCormack G. *Aquilian Studies, Studia et Documenta Historiae et Iuris*, 1975, vol. 41, pp. 1-78.

Marey A.V. *Obligations ex delicto in the "Siete Partidas" of Alfonso X the Wise (1252-1284)*, PhD thesis, Moscow, 2005, 219 p. (In Russ.).

Markelova A.A. The Ratio of Guilt and Wrongfulness in Delicts of a State, A.V. Egorov, A.A. Novitskaya (eds.) *Contracts and Obligations*, Moscow, Issledovatel'skij centr chastnogo prava imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2018, vol. 2, pp. 99-147. (In Russ.).

Markesinis B., Unberath H. *The German Law of Torts. A Comparative Treatise*, Oxford & Portland, Hart Publishing, 2002, 1050 p.

Matveev G.K. *Fault in the Soviet Civil Law*, Kiev, Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 1955, 308 p. (In Russ.).

Matveev G.K. *Grounds for Civil Liability*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1970, 312 p. (In Russ.).

Osborne T.M. *Human Action in Thomas Aquinas, John Duns Scotus and William of Ockham*, Washington, The Catholic University of America Press, 2014, 288 p.

Parisi F., Pi D., Luppi B., Fargnoli I. Deterrence of Wrongdoing in Ancient Law, *Roman Law and Economics. Vol. 2: Exchange, Ownership, and Disputes*, Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 347-378.

Paschalidis P. What Did Iniuria in the Lex Aquilia Actually Mean? *Revue Internationale des Droits de l'Antiquite*, 2008, vol. 55, pp. 321-363.

Pernice A. *Zur Lehre von den Sachbeschädigungen nach römischem Rechte* [The Doctrine of Property Damage in Roman Law], Weimar, H. Böhlau, 1867, 265 p. (In German).

Pokrovsky I.A. *History of Roman Law*, Saint Petersburg, Letnij sad, 1998, 560 p. (In Russ.).

Prodi P. *History of Justice: From the Pluralism of Forums to the Modern Dualism between Conscience and Law*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017, 509 p. (In Russ.).

Rodger A. What Did Damnum Iniuria Actually Mean? *Mapping the Law. Essays in Memory of Peter Birks*, Oxford, Oxford University Press, 2006, pp. 421-438.

Sampson J. *The Historical Foundations of Grotius' Analysis of Delict*, Leiden, Brill, 2018, 258 p.

Sampson J. The Place of Fault in Grotius's Conception of Liability for Wrongdoing, *Grotiana*, 2021, vol. 42, no. 1, pp. 53-68. DOI 10.1163/18760759-42010004

Schipani S. *Responsabilità 'ex lege Aquilia': criteri di imputazione e problema della 'culpa'* [Responsibility 'ex lege Aquilia': Criteria for Imputation and the Problem of 'Culpa'], Turin, G. Giappichelli, 1969, 506 p. (In Italian).

Shepel T.V. Fault in Civil Law: Legislation and Civil Doctrine, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law], 2014, vol. 10, no. 2, pp. 50-55. (In Russ.).

Stepanov S.K. 2021. Modern Theories of Wrongfulness: The Swiss Approach, *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], vol. 21, no. 1, pp. 219-253. (In Russ.). DOI 10.24031/1992-2043-2021-21-1-219-253

Tebriaev A.A. 2002. Fault of the Tortfeasor in Tort Obligations, *Yurist* [Jurist], no. 3, pp. 27-31. (In Russ.).

Tretyakov S.V. *Development of the Doctrine of Subjective Private Law in Foreign Civil Law*, D.Sc. thesis, Moscow, 2022, 495 p. (In Russ.).

Tretyakov S.V. On the Problem of Using Historical Argumentation in Civil Dogmatics, K.A. Nevolin *Istorija rossijskih grazhdanskih zakonov. Chast' pervaja: Vvedenie i kniga pervaja o sojuzah semejstvennyh* [The History of Russian Civil Law. Part 1: Introduction and the First Book on Family Unions], Moscow, Statut, 2005, pp. 22-43. (In Russ.).

Tretyakov S.V. Subjective Rights Theory and the Conceptual Jurisprudence: The Rise and Fall of the Pandectist Variant of the Will Theory, *Vestnik grazhdanskogo prava* [Civil Law Review], 2020, vol. 20, no. 3, pp. 9-42. (In Russ.). DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-3-9-42

Wieacker F. *Privatrechtsgeschichte der Neuzeit: unter besonderer Berücksichtigung der deutschen Entwicklung* [Modern History of Private Law: With Special Consideration of German Development], Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1996, 659 p. (In German).

Yablochkov T.M. *The Concept of Fault in Roman Law (Features of Individualism in the Teachings of Roman Jurists about Fault)*, Moscow, Pravovedenie, 1907, 56 p. (In Russ.).

Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*, Cape Town, Juta and Company, 1992, 1241 p.

Zinovieva O.A. *Self-defense of Civil Rights in Russian Legislation*, PhD thesis, Rostov-on-Don, 2006, 166 p. (In Russ.).

Zweigert K., Kötz H. *Comparative Private Law: in 2 vols*, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2010, 726 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Семен Константинович Степанов

кандидат юридических наук, доцент департамента частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший преподаватель кафедры управления активами Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, г. Москва, Россия; ORCID: 0000-0003-0948-0234; SPIN-код: 9288-4184; E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru

Semyon K. Stepanov

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Private Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University); Senior Lecturer, Department of Asset Management, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia; ORCID: 0000-0003-0948-0234; SPIN-code: 9288-4184; E-mail: s.stepanov@inno.mgimo.ru

Правила подачи рукописей

1. Рукописи статей в формате .docx или .doc отправляются в редакцию по электронной почте: admin@instlaw.uran.ru.

2. Статьи, представляемые на русском или английском языке, должны соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука, право.

3. Принимаются только рукописи ранее не опубликованных, оригинальных работ. Все статьи проверяются на плагиат, самоплагиат и иные формы нарушения этических норм. В случае их обнаружения на любой стадии работы со статьей авторам направляется уведомление об отказе в публикации.

4. Все поступившие рукописи проходят двойное слепое рецензирование. К рецензированию привлекаются как внешние эксперты – специалисты по проблематике представленной статьи, так и члены редакционной коллегии. Если мнения двух рецензентов принципиально расходятся, редакция привлекает третьего рецензента или принимает решение самостоятельно. Процедура рецензирования обычно не занимает больше двух месяцев. Однако в случае рекомендации статьи к доработке и повторному рецензированию общий срок ее рассмотрения может быть увеличен до четырех месяцев.

5. По результатам рецензирования статья может быть принята к печати, направлена на доработку или отклонена. При принятии к печати статья пополняет редакционный портфель, из материалов которого редколлегия комплекзует ближайшие номера журнала.

6. Рецензии хранятся в редакции в течение пяти лет. Редакция направляет авторам рукописей отзывы рецензентов или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

7. Рукопись оформляется в соответствии с принятыми в журнале техническими требованиями. Рекомендуемый объем – от 30 до 60 тысяч знаков с учетом пробелов. Шрифт – 14 Times New Roman, полуторный межстрочный интервал. Текст должен быть отформатирован по ширине без переносов. Абзацный отступ – 1 см (выполняется без использования пробелов или табуляции). Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см. Основной вид кавычек в текстах на русском языке: « ». Однако, если внутри цитаты есть заковыченный фрагмент, он выделяется с помощью “ ”, а вся цитата – с помощью « ». Основной вид кавычек в текстах на английском языке: “ ”. Подзаголовки основных разделов статьи набираются полужирным шрифтом по центру.

8. В самом начале рукописи, в левом верхнем углу, указывается код УДК. Затем набирается полужирным шрифтом название статьи, под которым указываются имя,

отчество (при наличии), фамилия автора, аффилиация (полное название организации без почтового адреса; возможно указание нескольких организаций), город, страна, адрес электронной почты автора. Далее размещается аннотация объемом от 2000 до 2200 знаков с учетом пробелов. Желательно, чтобы в ней была отражена следующая информация: актуальность, цель, теоретико-методологическая основа, краткое содержание и основные выводы исследования. После аннотации приводится список из 5–10 ключевых слов.

9. В разделе «Благодарности» дается информация о финансировании исследования (финансирующее агентство и номер гранта). Также в этом разделе можно выразить благодарность людям, которые помогли автору в работе над статьей.

10. В конце статьи приводятся сведения об авторе: имя, отчество (при наличии), фамилия, ученая степень, звание, должность и место работы; ORCID, ResearcherID (при наличии); SPIN-код; адрес электронной почты.

11. Информация, указанная в пунктах 8–10 (название статьи, аннотация, ключевые слова, благодарности и информация об авторе), предоставляется также на английском языке.

12. Все таблицы и рисунки должны иметь последовательную нумерацию, название; быть включены как в основной файл статьи, так и представлены отдельными файлами.

13. Библиографический список в конце рукописи включает только научную литературу. Примечания, ссылки на нормативно-правовые акты, статистические данные, интернет-ресурсы, словари, газеты и т.д. оформляются в виде постраничных сносок (12 Times New Roman, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1 см). Внутритекстовые ссылки на научную литературу даются в круглых скобках, где указывается фамилия автора или составителя (главного или ответственного редактора), год издания и при необходимости после двоеточия страница(ы). Например: (Луман 1999: 204).

14. В Библиографическом списке сначала идут в алфавитном порядке работы на русском языке, затем на иностранных языках. В книге (монографии, сборнике) указывается год, место издания, издательство, общее число страниц. В статье указывается диапазон страниц. При наличии нескольких работ одного автора, вышедших в одном календарном году, к цифровому обозначению года добавляются строчные буквы латинского алфавита – a, b, c..., что отражается и во внутритекстовых ссылках. Если публикация имеет DOI, следует обязательно указать его.

Все представленные в Библиографическом списке работы оформляются также в виде *References* в алфавитном порядке, где источники на кириллице даются в транслитерации и переводе на английский язык: название журнала, сборника – в транслитерации и переводе; заглавие книги или статьи, место издания – только в переводе; издательство – только в транслитерации. Работы на английском языке приводятся без изменений, источники на иных языках также даются в переводе на английский язык.

15. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно. Гонорар автору не выплачивается.

16. К представленной в редакцию рукописи автор прилагает письменное согласие на размещение опубликованной в журнале статьи в электронных базах данных; письменное согласие на опубликование персональных данных.

Более подробно с требованиями к рукописям и примерами их оформления можно ознакомиться на сайте журнала по адресу: <http://yearbook.uran.ru/avtoram/trebovaniya-k-statiam>

Manuscript Submission Guidelines

1. Manuscripts of articles in .docx or .doc format should be sent to the editorial board's email address: admin@instlaw.uran.ru.

2. Manuscripts submitted in Russian or English have to correspond to the subject areas of the Journal – philosophy, political science, and law.

3. Only manuscripts of previously unpublished and original articles are acceptable. All manuscripts are checked for plagiarism, self-plagiarism and other forms of ethical violations. In case of their detection at any stage of editing, the authors are notified of the refusal to publish.

4. Every submitted manuscript is subjected to a double-blind peer review. Peer reviewers involved are both external experts, specialists in the same subject area as the submitted manuscript, and members of the editorial board. If peer reviews fundamentally differ, the article will either be passed for evaluation to a third reviewer, or the decision will be taken by the editorial board itself. The reviewing procedure usually takes no more than two months. However, if the manuscript is recommended for revision and re-reviewing, the total consideration period can be extended to four months.

5. Based on the results of the review, the manuscript may be accepted for publication, sent back to the author for revision, or rejected. When accepted for publication, the article replenishes the editorial portfolio which materials are used for completing the next issues of the Journal.

6. Peer reviews are retained in the editorial office for five years. The editorial board sends reviews or reasonable rejections to the authors. It is also committed to sending copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in case of being requested.

7. The manuscripts should be designed in accordance with the Journal's technical specifications. The recommended length is between 30,000 and 60,000 characters, including spaces. Font – 14 Times New Roman, line spacing – 1.5. Justified text alignment, no automatic hyphenation. First-line indent (without the use of tabs or space) – 1 cm. Page layout: top margin – 2 cm, bottom – 2 cm, left – 3 cm, right – 1.5 cm. The main type of quotation marks in Russian language manuscripts: « ». However, if there is a quoted extract inside the quote, it is marked with “ ”, and the whole quote is marked with « ». The main type of quotation marks in English language manuscripts: “ ”. The subheadings of the main sections of the article are typed in bold in the center of the page.

8. At the very beginning of the manuscript, in the top-left corner, a universal decimal classification (UDC) code should be indicated if possible. Then the article title is typed in bold, under which the author's personal data should be provided: the name, patronymic (if any), and the surname of the author, affiliation (full name without a postal

address; multiple affiliations are permitted), city, country, e-mail of the author. Next, an abstract comprising 2,000–2,200 characters in length (including spaces) is placed. It is advised to contain the following information: relevance, purpose, theoretical and methodological basis, summary, and main conclusions of the study. After the abstract, a list of 5–10 keywords is to be provided.

9. Acknowledgement section includes information on the financial support (the funding agency and the grant number). Also in this section, it is possible to express gratitude to those who helped the author in working on the article.

10. At the end of the manuscript, information about the author should be placed: first name, patronymic (if any), and the surname, academic degree, title, and position held; ORCID, ResearcherID (if any); SPIN-code (if any); E-mail.

11. The information specified in paragraphs 8–10 (the article title, abstract, keywords, acknowledgements, and information about the author) is also provided in Russian if possible.

12. All tables and figures should be numbered in order of appearance and have captions. They should be both placed within the text of the manuscript and provided in separate files.

13. The Bibliography at the end of the manuscript includes only scientific literature. Notes, links to regulatory legal acts, statistical data, Internet resources, dictionaries, newspapers, etc. are given in the footnotes (12 Times New Roman, single line spacing, first-line indent – 1 cm). In-text references to scholarly sources are placed in parenthesis with the surname of the author or the compiler (chief or responsible editor), the year of publication, and, if necessary, the page(s) after a colon. For example: (Luhmann 1999: 204).

14. The Bibliography first includes alphabetically ordered works in Russian, then in other languages. A book (monograph, collection) indicates the year, place of publication, publisher, and a total number of pages. An article specifies the range of pages. When there are several works of the same author, published in the same calendar year, lowercase letters of the Latin alphabet (a, b, c, d, etc.) are added to the numerical year designation; this should also be reflected in the in-text references. If the publication has DOI, it is obligatory to be stated.

All works in the Bibliography are also arranged as References in alphabetical order with Cyrillic sources given in transliteration and translation into English: the name of the journal, collection – in transliteration and translation; the title of the book or the article, place of publication – only in translation; the publisher – only in transliteration. Sources originally written in English are given without changes, sources in other languages are also cited in English translation.

15. Publication of accepted articles is free of charge. No honorarium is paid to the author.

16. In addition to the manuscript, the author provides a written consent to display the published article in the electronic databases, as well as a written consent to make public his/ her personal data.

More detailed information about manuscript submission guidelines and design samples are provided on the Journal's website: <http://yearbook.uran.ru/en/for-authors/accepted-papers>

Научное издание

АНТИНОМИИ

Том 23

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск
В.С. Мартьянов, В.В. Руденко

Редактор *И.И. Арсентьева*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовского*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 10.04.2023 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12,3 Уч.-изд. л. 13,4
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН
620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134.